

ISSN 2522-1787

Новые горизонты русистики

2023

№ 1 (19)

Редакционная коллегия:

Ответственный редактор — д-р филол. наук, проф. **В. И. Теркулов**

Ответственный секретарь — канд. филол. наук. **Н. В. Гладкая**

Технические редакторы — **В. А. Рязанова, А. С. Бурляй**

Члены редколлегии: канд. филол. наук, доц. **А. Н. Безруков** (Бирский филиал Уфимского университета науки и технологий); канд. филол. наук, доц. **М. Г. Евсеева** (Донецкий государственный университет); д-р филол. наук **А. И. Иваницкий** (Российский государственный гуманитарный университет); д-р филол. наук, проф. **А. А. Кораблёв** (Донецкий государственный университет); канд. филол. наук, доц. **Н. П. Курмакаева** (Донецкий государственный университет); д-р филол. наук, доц. **М. Ч. Ларионова** (Южный научный центр РАН); канд. филол. наук, доц. **В. И. Мозговой** (Донецкий государственный университет); д-р филол. наук, доц. **О. С. Октябрьская** (Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова); канд. филол. наук **М. Н. Панчехина** (Донецкий государственный университет); д-р филол. наук, проф. **М. Ю. Сидорова** (Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова); д-р филол. наук, проф. **Г. Г. Слышкин** (Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации); канд. филол. наук, доц. **А. Н. Стебунова** (Донецкий государственный университет); д-р филол. наук, проф. **В. И. Супрун** (Волгоградский государственный социально-гуманитарный университет); д-р филол. наук, проф. **М. Ф. Шацкая** (Волгоградский государственный социально-гуманитарный университет); канд. филол. наук, доц. **Н. А. Ярошенко** (Донецкий государственный университет).

Editorial Board:

Editor-in-Chief — Doctor of Philology, Prof. **V. I. Terkulov**

Executive Secretary — Candidate of Philology **N. V. Gladkaya**

Technical editors — **V. A. Ryazanova, A. S. Burlyai**

Members of the Editorial Board: Candidate of Philology, Associate Prof. **A. N. Bezrukov** (Birk branch of the Ufa University of Science and Technology); Candidate of Philology, Associate Prof. **M. G. Yevseeva** (Donetsk State University); Doctor of Philology **A. V. Ivanitskiy** (Russian State University for the Humanities); Doctor of Philology, Prof. **A. A. Korablev** (Donetsk State University); Candidate of Philology, Associate Prof. **N. P. Kurmakaeva** (Donetsk State University); Doctor of Philology, Associate Prof. **M. Ch. Larionova** (Southern Scientific Center of the RAS); Candidate of Philology, Associate Prof. **V. I. Mozgovoi** (Donetsk State University); Doctor of Philology, Associate Prof. **O. S. Oktyabrskaya** (Moscow State University); Candidate of Philology, Associate Prof. **M. N. Panchekhina** (Donetsk State University); Doctor of Philology, Prof. **M. Yu. Sidorova** (Moscow State University); Doctor of Philology, Prof. **G. G. Slyshkin** (Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration); Candidate of Philology, Associate Prof. **A. N. Stebunova** (Donetsk State University); Doctor of Philology, Professor **V. I. Suprun** (Volgograd State Pedagogical University); Doctor of Philology, Professor **M. F. Shatskaya** (Volgograd State Pedagogical University); Candidate of Philology, Associate Prof. **N. A. Yaroshenko** (Donetsk State University).

Научный журнал «Новые горизонты русистики» включён в базу РИНЦ (лицензионный договор № 308-07/2018).

Издание зарегистрировано Министерством информации Донецкой Народной Республики (свидетельство о регистрации средства массовой информации: серия ААА № 000148 от 20.06.2017 г.)

Адрес редакции: Донецкий государственный университет, ул. Университетская, 24, 283001, г. Донецк.

Тел.: +7 856 302-92-33.

E-mail: donrus452@yandex.ru, terkulov@rambler.ru, Nata.gladkaya25@yandex.ru

Печатается по решению Учёного совета Донецкого государственного университета.

Протокол № 5 от 31.05.2023 г.

© Донецкий государственный университет, 2023

Новые горизонты русистики

Научный журнал
Основан в 2017 году

№ 1 (19)
2023

С о д е р ж а н и е

Лексикология и стилистика

- Дроздова К. А.** (Сибирский государственный университет науки и технологий имени академика М. Ф. Решетнёва) Техники самопрезентации в интернет-коммуникации 5
- Дубовая А. С.** (Луганский государственный педагогический университет) Роль текста современной эстрадной песни в формировании речевой культуры современной молодёжи 11
- Гамзатова А. Ф.** (Санкт-Петербургский государственный университет) Провокативность как источник конфликтного диалога в интернет-среде: троллинг 17
- Керимова А. А.** (Калмыцкий государственный университет им. Б. Б. Городовикова) Языковые средства выражения агрессии в пространстве повседневной коммуникации 23
- Кулакова А. Р.** (Российский государственный педагогический университет имени А. И. Герцена) Эвфемистические замены в онлайн-публикациях общественно-политического характера и зоне читательских комментариев: механизмы создания и классификация 32
- Марушко А. А., Мишина А. Е.** (Кубанский государственный университет, филиал в г. Славянске-на-Кубани) Русский нерусский язык новообразований коронавирусной эпохи 38
- Омарова В. В.** (Донецкий государственный университет) Оценочность как категориальная семантическая черта образа пожилого человека в русской языковой картине мира 44
- Овсяная Е. С.** (Донецкий государственный университет) Грамотность иagramматизм в Рунете 50

Дискурсология и генристика

- Саидов З. З.** (Российский университет дружбы народов им. Патриса Лумумбы) Современная русскоязычная литература в аспекте преподавания русского языка учащимся национальной школы 57
- Чебручан В. В.** (Приднестровский государственный университет им. Т. Г. Шевченко) Языковые особенности эргонимов, отраженных в приднестровских СМИ 62
- Кашникова Е. П.** (Калмыцкий государственный университет им. Б. Б. Городовикова) Метафора как средство экспрессивизации разговорного дискурса 68
- Коливашко Е. С.** (Приднестровский государственный университет им. Т. Г. Шевченко) Вариации наименований города Петербург как выражение его лингвокультурного кода 75

Мамай Д. А. (Донецкий государственный университет) Прецедентные имена в рекламном дискурсе (на материале наименований парфюмов)	81
Менякина А. А. (Донецкий государственный университет) Модели религиозной метафоры в политических текстах А. А. Проханова	87
Никулкина О. Г. (Российский экономический университет) имени Г. В. Плеханова, Брянский филиал) Имя Иван в русском народном лингвосознании	93
Овсейчик А. И. (Кубанский государственный университет, филиал в г. Славянске-на-Кубани) Особенности функционирования сегментных и суперсегментных фонетических единиц в речи детей	98
Рассахатская М. В., Степаненко Е. О. (Волгоградский государственный университет) Отражение типовых ситуаций семейных взаимоотношений в речи диалектоносителей	104

New Horizons of Russian Studies

Scientific journal
Founded in 2017

№ 1 (19)
2023

C o n t e n t s

Lexicology and Stylistics

- Drozdova K. A.** (Siberian State University of Science and Technology named after Academician M. F. Reshetnev) Self-presentation techniques in internet communication 5
- Dubovaya A. S.** (Lugansk State Pedagogical University) The role of the text of a modern pop song in the formation of the speech culture of modern youth 11
- Gamzatova A. F.** (St. Petersburg State University) Provocativeness as a source of conflict dialogue in the internet environment: trolling 17
- Kerimova A. A.** (Kalmyk State University named after B. B. Gorodovikov) Linguistic means of expressing aggression in everyday communication 23
- Kulakova A. R.** (The Herzen State Pedagogical University of Russia) Euphemisms in online socio-political publications and reader comments section: creation mechanisms and classification 32
- Marushko A. A., Mishina A. E.** (Kuban State University, branch in Slavyansk-on-Kuban) Russian non-russian language of neoformations of the coronavirus era 38
- Omarova V. V.** (Donetsk State University) Evaluativeness as a categorical semantic feature of the image of an elderly person in the russian language picture of the world 44
- Ovsyanaya E. S.** (Donetsk State University) Literacy and agrammatism in runet 50

Discourse and Genristics

- Saidov Z. Z.** (Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba) Modern russian literature in the aspect of teaching the russian language to students of the national school 57
- Chebruchan V. V.** (Shevchenko Pridnestrovian State University) Linguistic features of ergonyms reflected in the pridnestrovian media 62
- Kashnikova E. P.** (Kalmyk State University named after B. B. Gorodovikov) Metaphor as a means of conversational discourse expression 68
- Kolivashko E. S.** (Shevchenko Pridnestrovian State University) Variations of the names of the city of Petersburg as an expression of its linguistic and cultural code 75
- Mamai D. A.** (Donetsk State University) Precedent names in advertising discourse (based on the names of perfumes) 81
- Menyakina A. A.** (Donetsk State University) Models of religious metaphor in A. A. Prokhanov's political texts 87
- Nikulkina O. G.** (Plekhanov Russian University of Economics, Bryansk Branch) The name Ivan in the russian people's linguistic consciousness 93

- Ovseychik A. V.** (Kuban State University, branch in Slavyansk-on-Kuban) 98
Features of segment and supersegment phonetic units in children's speech
- Rassakhatskaya M. V., Stepanenko E. O.** (Volgograd State University) 104
Reflection of typical situations of family relationships in the speech of dialect speakers

Лексикология и стилистика

УДК 316.472.4

*К. А. Дроздова**Сибирский государственный университет
науки и технологий имени академика М. Ф. Решетнёва
(Научн. рук. — канд. филол. наук, доц. А. В. Михайлов)*

ТЕХНИКИ САМОПРЕЗЕНТАЦИИ В ИНТЕРНЕТ-КОММУНИКАЦИИ

В статье рассматриваются понятия самопрезентации и интернет-коммуникации, а также главные техники самопрезентации. Эти явления оказываются тесно связанными. Важным аспектом стали приемы презентации персоны на активно развивающейся в последний год площадке Telegram. Актуальность темы обусловлена активным использованием Интернета для быстрых коммуникаций, при которых важно уметь правильно донести свою мысль и видение ситуации через текст, аудио- и визуальные сообщения. В ходе исследования выявляется специфика самопрезентации в интернете и наиболее эффективные техники ее применения.

Ключевые слова: самопрезентация, интернет-коммуникации, техники самопрезентации, сообщение, мессенджеры

При коммуникации с другими люди демонстрируют свои лучшие качества, чтобы расположить собеседника, понравиться ему и донести свое желание общаться. Через коммуникацию человек транслирует в общество уровень своей образованности, воспитанности, уверенности в себе, свое мировоззрение и эмоциональное состояние — все это в совокупности создает мнение о человеке.

Цель исследования — выявить, какие личные качества человек презентует через интернет-коммуникацию незнакомым или малознакомым людям, какие техники самопрезентации используются для этого и какова специфика самопрезентации в интернете.

Обзор литературы. Американский социолог И. Гоффман в 1959 г. сформулировал понятие самопрезентации в ходе исследования символического взаимодействия, опубликованного в его книге «Представление себя другим в повседневной жизни». Самопрезентация есть запечатленное в большом количестве структурных обсуждений отражение мотива каждого участника взаимодействия, чтобы производить взаимодействие гладко и без инцидентов [Цит. по 1].

В настоящее время термин «самопрезентация» используется и как синоним управления впечатлением (Impression management), при этом упоминается о применении индивидом разнообразных стратегий и техник при создании своего внешнего образа и контроля за впечатлением о себе у окружающих.

Исследователи И. Джонс и Т. Питтман (1982) выделяют следующие техники самопрезентации.

1. «Старание понравиться» — попытка представить себя привлекательным в глазах других. По мнению авторов, тот, кто старается понравиться, должен скрывать реальную цель своей активности, или он достигнет обратного эффекта. Выделяются несколько основных способов, которыми человек может пытаться достигнуть цели выглядеть желаемым для других:

- соглашаться с тем, что думает и утверждает объект;
- похвалить достоинства и личность объекта;
- оказывать благосклонность человеку, которому необходимо понравиться.

Однако, если их использовать необдуманно, они выдают настоящие намерения субъекта. Кроме того, они могут вызвать дополнительные проблемы. Человек, стремящийся понравиться, может улучшать свою позицию в глазах объекта, к которому

направлена коммуникация, и в то же самое время ухудшать свои позиции в глазах наблюдателей, которые обладают собственным мнением.

Такую технику часто используют в межличностном общении, при новых знакомствах, когда человек желает произвести максимально возможное хорошее впечатление и может «переборщить» [2; 3].

2. «Самопродвижение». Человек, продвигающий себя, пытается выглядеть компетентным.

По определению Э. Джонса, самопродвижение — это проявление своей компетентности в подготовке, проведении и, возможно, комментировании своей презентации. Самопродвижение отличается от всех остальных стратегий самопрезентации, поскольку может быть безукоризненно цивилизованным, в то время как все остальные являются спорными [4].

Старание понравиться — это тактика, цель которой — вызвать симпатию, в то время как самопродвижение имеет своей целью получение уважения со стороны других людей.

Например, претендент на вакантную позицию может избрать путь демонстрации своей привлекательности, а может показывать свою компетентность, демонстрируя свои знания, умения, таланты и интеллект. Такая техника часто используется в профессиональной сфере.

3. «Запугивание». Запугивающий должен постараться убедить объект в том, что он потенциально опасен, т. е. он может стать причиной неприятностей, если объект откажется делать то, что от него требуют. Такая тактика может применяться как в межличностном общении, так и во взаимодействии с массами. Однако это достаточно провокационная стратегия. Во-первых, запугивающий может выглядеть грубым. Во-вторых, людям не нравятся те, кто их запугивает, соответственно данная коммуникация будет нести в большей степени негативный характер.

4. Тактика достижения межличностного влияния — «пояснение примером». Избравший эту стратегию должен убедить объект, что он может служить примером. Человек, обладая опытом, делится им, взамен ожидая доверие со стороны собеседника. Эта стратегия также опасна. Служащий примером рискует, что объекту откроется: на самом деле он не представляет из себя то, что пытается продемонстрировать.

5. Тактика «мольбы», демонстрация слабости и зависимости. Мольба работает, по мнению авторов, потому что широко распространена норма — заботиться о нуждающемся человеке. Но мольба также не всегда гарантирует успеха, так как слабость и жалость не всегда привлекательна, а наоборот, иногда вызывает негативные эмоции.

Таким образом, используя тактики самопрезентации в коммуникации (как в межличностном общении, так и в общении с массами) человек может производить такое впечатление на людей, которое он желает произвести. Как правило, цель — вызвать доверие аудитории. Однако важно знать во всем меру, ведь эмоции, благодаря которым человек обращает на себя внимание, могут рассматриваться другими людьми иначе. Тогда человек вызовет негатив, а не доверие.

Самопрезентация активно используется и в интернет-коммуникациях, при которых человек, не имея прямого контакта с собеседником, должен правильно презентовать себя.

В интернете человек идентифицирует себя с определенными социальными группами. Это, в первую очередь, происходит через качества, касающиеся человека как индивида — пол, возраст и т. д. Далее может осуществляться персональная идентификация — через осмысление ценностных ориентиров своей деятельности, через формирование себя в виртуальном пространстве как активного субъекта.

Интернет создает множество различных форм коммуникации.

Исследователь М. Моррис делит их на четыре категории.

1. Асинхронная коммуникация «один на один» (электронные письма).

2. Асинхронная коммуникация «многих с многими» (например, сеть Юзернет — сводки, листы рассылок, где требуется согласие на рассылки или пароль для входа в программу, в которой сообщения касаются определенных тем).

3. Синхронная коммуникация «один на один», «один и несколько», «один с несколькими», которая строится вокруг какой-либо конкретной темы, это, например, ролевые игры, чаты, социальные сети.

4. Асинхронная коммуникация, где пользователь обычно пытается разыскать сайт для получения определенной информации, здесь можно встретить коммуникацию «многие и один», «один на один», «один и многие» (веб-сайты, блоги) [5].

Характеристика материала. В настоящий момент среди россиян в интернете пользуется спросом площадка для онлайн-коммуникаций Telegram. Это кроссплатформенный мессенджер с возможностью обмениваться текстовыми, голосовыми, видеосообщениями, GIF, стикерами, а также документами в разных форматах (XLS, PDF, DOCX и прочих).

Возможности платформы разнообразны.

Это и обмен файлами с одним или несколькими пользователями из любой точки мира, бесплатные аудио- и видеозвонки одному или нескольким абонентам, создание групповых чатов с возможностью добавления до 200 пользователей, создание групп численностью до 10 000 участников, создание каналов и распространение контента, просмотр и поиск каналов по ключевым словам.

Telegram дает возможность создания секретных чатов, данные которых «сгорают» через 24 часа, ему доступны создание, загрузка и отправка стикеров, хранение любого объема данных в облачном хранилище (в «Избранном»), создание и использование автоматизированных ботов, редактирование фотографий перед отправкой, группировка чатов и каналов.

Таким образом, Telegram является большой платформой для коммуникации разнообразными способами: лично с собеседником или с массами, через общение с одним человеком или с несколькими одновременно, выбирая в качестве собеседника своего приятеля или незнакомых людей, активно презентуя свою личность или оставаясь анонимным пользователем, используя для донесения собственной мысли текст, аудио- или видеозапись или стикер. Все это позволяет выбирать свой способ самопрезентации и использовать его в деле.

Для анализа выбран формат Telegram-канала, при котором автор создает своего рода блог, на который могут подписываться другие пользователи мессенджера.

Рассмотрим способы самопрезентации российского стилиста Александра Рогова, автора одноименного Telegram-канала (ROGOV) [6].

Ход исследования. В медиапространстве Александр позиционирует себя как дизайнер, стилист и ведущий телепроектов о моде и красоте. Его Telegram-канал существует практически два года (дата создания: 10 мая 2021 г.). Основная тематика — мода и стиль. В своем телеграм-канале автор публикует следующий контент.

1. Посты с обзорами на новые коллекции одежды различных известных и малоизвестных брендов, в том числе обзоры собственного бренда одежды ROGOV SHOP. Пример текста в сопровождении к фотографии: *«Valmain представили лук-бук мужской и женской коллекции pre-fall 2023. Женская часть показалась мне чрезмерной надуманной, а вот мужская выглядит интересно — хотя, все, что мне понравилось — это отсылки к творениям предыдущего креативного директора Кристофа Декарнена. / именно тогда я очень любил и носил бренд и гордо именовал себя Valmainiac /».*

2. Подборки собственных предпочтений в одежде и аксессуарах, в музыке, живописи, кинематографии и т. п.

Пример текста в сопровождении к фотографии: *«Сегодня у нас была насыщенная культурная программа в Стамбуле. Одним из пунктов стало посещение музея современного искусства ARTER // было открыто три этажа с инсталляциями / мне очень такое нравится / на остальных этажах идет смена экспозиции, а также в музее отличное кафе и шикарный книжный магазин!!! // и кстати, по четвергам вход для всех бесплатный!!! //».*

3. Посты с обзором модных показов, отзывы.

Пример текста в сопровождении к фотографии: *«По традиции, начнем утро с просмотра показов Нью-Йоркской недели моды сезона весна-лето 23! И снова видим голые платья, воланы, объёмы, деним, кроше и мини!!! Интересно, Милан и Париж покажут эти же тенденции? Спорим, больше всего вам нравится платье в воланах цвета лайм /это бренд BadgleyMishka/!?».*

4. Посты с обзором модных бутиков.

Пример текста в сопровождении к фотографии: *«Как и обещал, рассказываю о своем визите в бутик/студию Schiaparelli. Начнем с магазина готового платья/pret-a-porter// Зайти может любой желающий, пространство находится на Вандомской Площади в Париже / всего у бренда два магазина в мире — один во Франции, другой в Америке / украшения стоят от 1.000 евро, одежда от 3.000-4.000 евро, сумки от 1.300 / клатчи / и от 5.000 евро сумки. Вещи и аксессуары производятся лимитированным тиражом / одежда, например по 10-15 единиц на размер/ Размерная сетка, кстати, широкая. Даже на меня некоторые вещи сели».*

5. Рекламные текстовые интеграции о моде.

Пример текста в сопровождении к фотографии: *«Лучше поздно, чем никогда))))) Сегодня до 22:00 непременно загляните в гости к Роме Уварову! На новогоднем клиентском дне под музыку и с бокалом игристого можно будет выбрать дизайнерские вещи со скидками до 80%! Так же команда бренда Roma Uvarov Design обещает новую коллекцию по специальным заниженным ценам, новогодний дроп, единичные art-pieces, sample sale, аксессуары и украшения ручной работы! СЕГОДНЯ, 26 декабря, вас ждут в шоуруме NOV на ул.Казакова д. 8 стр. 2. РОМА УВАРОВ — супер человек и супер бренд!!!».*

6. Ссылки на собственные видео на YouTube-канале.

Посты об интересных новостях из своей жизни, обсуждение с аудиторией интересующих тем.

Пример текста в сопровождении к фотографии: *«ВЧЕРА У НАС БЫЛ ШИКАРНЫЙ ДОМАШНИЙ ПРЕДНОВОГОДНИЙ ВЕЧЕР!!! Спасибо за прием Нино и всем сопричастным: Санан, Миша, Китти, Шу, Роман. Болтали о моде / собрались в одном месте фанаты индустрии /, сплетничали и примеряли новинки, привезенные Нино из Парижа!!! Главный хит — пальто Alaуа».*

7. Посты об истории создании одежды и аксессуаров.

Пример текста в сопровождении к фотографии: *«Вот что я хочу!!! Эти часы CRASH от Cartier!!! Эти часы вдохновлены работой Сальвадора Дали «Постоянство памяти» — на ней изображены четыре пары часов. Трое из них — "мягкие" — символизируют прошлое настоящее и будущее. Сам художник придавал им значение субъективного времени, которое течёт произвольно, нелинейно, заполняя собой окружающее пространство. Интересный факт — для самого Дали источником вдохновения в какой-то мере стал сыр камамбер, который расплавился на жарере. А что в ваших вишлистах?! Делитесь!!!».*

8. Полезные ссылки и рекомендации.

Пример текста в сопровождении к фотографии: *«Продолжаю поддерживать Российские бренды. Сегодня знакомимся с FABLE. В коллекции марки есть и деним, и жакеты, и изделия из кожи, но расскажу об объёмных пуховиках с капюшонами-скафандрами. Модная форма, наполнитель в виде эко-пуха, минимум деталей делают этот пуховик универсальным. А самое крутое, что на сайте есть конструктор пуховика и вы можете выбрать любой понравившийся цвет из палитры и другие нюансы и вам изготовят его в течение недели!!! Познакомиться ближе с брендом можно по ссылке»* [6].

В публикациях Александр использует фото-, видео-, аудио- и текстовые материалы — свои и заимствованные (автор не выдает чужие материалы за свои и всегда указывает источник). Одни из самых распространенных форматов общения — посты (текст с фото- и видеосопровождением) и видеосообщения, которых за последний год было опубликовано свыше тысячи. Если формат постов известен и понятен людям уже давно, то видеосообщения являются чем-то новым. Используя их в телеграм-канале, автор показывает свою открытость к аудитории, к прямому взаимодействию с ними, через «говорящую голову».

Формат коммуникации — неофициальный. Автор говорит о многом с юмором, большой долей профессионализма, при этом может позволить себе публично высказаться против чего-то, что ему не нравится. Используется разговорный стиль речи. Среди простых слов присутствуют профессиональные термины. Сленг и жаргонизмы отсутствуют.

Александр Рогов в своем телеграм-канале посредством публикуемого контента производит впечатление профессионала своего дела; активного, уверенного в себе, харизматичного, искреннего, открытого, инициативного, образованного и веселого человека. Его позиционирование себя в медиaprостранстве совпадает с тем, как он представляет себя аудитории канала. Такой вывод можно сделать на основе проведенного анализа.

В данном случае используется такая техника самопрезентации, как «самопродвижение» — Александр старается быть компетентным, чем вызывает доверие и уважение своей аудитории: *«Мотивируете своим примером!»*; *«Александр как всегда безупречно!!»*; *«Обожжаю Ваш стиль, подачу и стилистические приемы»*; *«Мне очень нравится! Это так сложно в самом лучшем смысле... Как Вы соединяете всё, видимо, не понять, как ни рассматривай... Ваши образы как глоток свежего воздуха... Радуйте нас ими! Просто будьте!»*; *«как же это гениально красиво»*; *«вы потрясающий, спасибо вам за вашу деятельность!»* и т. д. — пишет аудитория в комментариях telegram-канала.

Выводы. Таким образом, можно сказать, что человек, осуществляя коммуникацию в интернете, сам определяет, какое мнение о себе он произведет у других людей. То, какие темы для обсуждения человек затрагивает в интернете, что публикует и какого содержания, в каком количестве, формате, на какой площадке и с какой подачей — все это служит для его самопрезентации. Определенный уровень самоподачи позволяет человеку занять определенную нишу в интернет-сообществе, соответствующую его интересам, образованию, статусу и другим социальным характеристикам. Все участники общения в интернете могут оценивать друг друга и формировать свое мнение о каждом. Как правило, большинство людей не ставит перед собой цель быть правильно оцененным, а стремится просто создать образ, который будет соответствовать их представлениям о том, каким они должны быть.

Особенность интернет-коммуникации заключается в том, что Интернет — большая информационная система, которая фиксирует каждое действие в сети. Отправленное сообщение остается в Интернете навсегда, в то время как при обычной

коммуникации многие слова будут забыты собеседником в скором времени, если он их не зафиксирует. Поэтому очень важно контролировать то, что и как человек выкладывает, это презентует его взгляды и убеждения на жизнь, эмоциональное состояние, интересы, уровень образованности, грамотности, вежливости и умения коммуницировать.

ЛИТЕРАТУРА

1. Корягина Н. А. Самопрезентация и убеждающая коммуникация / Н. А. Корягина. М.: «Юрайт», 2019. — 225 с.
2. Будыкина В. Г. Стратегия самопрезентации в американском президентском дискурсе / Будыкина В. Г., Блинов А. А. // Молодой ученый. — 2022. — № 23 (418). — С. 406–409.
3. Jones E. E. Toward a general theory of strategic self-presentation / Jones E. E., Pittman T. S. // J. Suls (ed.). Psychological perspective on the Self. Vol. 1. Erlbaum. Hillsdale. 1982. Pp. 231–261.
4. Сидоренко Е. В. Тренинг влияния и противостояния влиянию / Е. В. Сидоренко. — М.: «АСТ», 2017. — 384 с.
5. Интернет-технологии в связях с общественностью: учеб. пособие / И. А. Быков, Д. А. Мажоров, П. А. Слуцкий, О. Г. Филатова; отв. ред. И. А. Быков, О. Г. Филатова. — СПб.: Роза мира, 2010. — 275 с.
6. Рогов А. ROGOV / А. Рогов [Электронный ресурс] // URL: <https://t.me/rogov24>

Поступила в редакцию 01.05.2023 г.

К. А. Drozdova

SELF-PRESENTATION TECHNIQUES IN INTERNET COMMUNICATION

The article discusses the concepts of self-presentation and Internet communication, as well as the main techniques of self-presentation. These phenomena turn out to be closely related. An important aspect was the methods of presenting a person on the Telegram platform, which has been actively developing over the past year. The relevance of the topic is due to the active use of the Internet for fast communications, in which it is important to be able to correctly convey your thoughts and vision of the situation through text, audio and visual messages. The study revealed the specifics of self-presentation on the Internet and the most effective techniques for its application.

Keywords: self-presentation, Internet communication, self-presentation techniques, message, messengers

Дроздова Ксения Андреевна.

Сибирский государственный университет науки и технологии имени академика М. Ф. Решетнёва, г. Красноярск, РФ.

Студент.

E-mail: kseniyadr4@gmail.com

Drozdova Ksenia Andreevna.

Siberian State University of Science and Technology named after Academician M. F. Reshetnev, Krasnoyarsk, RF.

Student.

E-mail: kseniyadr4@gmail.com

Михайлов Алексей Валерианович.

Кандидат филологических наук, доцент.

Сибирский государственный университет науки и технологии имени академика М. Ф. Решетнёва, г. Красноярск, РФ.

Зав. кафедрой общественных связей.

E-mail: avmihajlov@sibsau.ru

Mikhailov Alexey Valerianovich.

Candidate of Philological Sciences, Associate Professor.

Siberian State University of Science and Technology named after Academician M. F. Reshetnev, Krasnoyarsk, RF.

Head of the Department of Public Relations.

E-mail: avmihajlov@sibsau.ru

УДК 81.27

А. С. Дубовая

Луганский государственный педагогический университет

(Научн. рук. — д-р филол. наук, доц. И. А. Соболева)

РОЛЬ ТЕКСТА СОВРЕМЕННОЙ ЭСТРАДНОЙ ПЕСНИ В ФОРМИРОВАНИИ РЕЧЕВОЙ КУЛЬТУРЫ СОВРЕМЕННОЙ МОЛОДЁЖИ

В статье рассматриваются социолингвистические особенности текста эстрадной песни как одной из слагаемых, характеризующих состояние современной языковой ситуации и роль текста современной эстрадной песни в формировании речевой культуры современной молодёжи. Актуальность темы вызвана необходимостью социолингвистического анализа текстов современных эстрадных песен с точки зрения описания функции, лингвокультурной мотивации и соответствия нормам русского литературного языка употребленных в них заимствованных слов и слов жаргонного происхождения.

Ключевые слова: песенный текст, современная эстрадная песня, социолингвистический анализ, сленг, социолингвистика.

В настоящее время текст стал объектом пристального и всестороннего изучения представителями разных знаний — лингвистами, философами, историками, литераторами и т. д. Самые разнообразные тексты, представляющие русскую речь в различных формах и сферах её функционирования, являются частью современной языковой ситуации, так как максимально отражают языковые изменения.

Учитывая растущий интерес современной лингвистики к проблеме взаимодействия языка, культуры и человека, в центр нашего исследования мы ставим один из компонентов культуры — современный песенный текст, способный, по нашему предположению, максимально быстро отражать процессы, происходящие в современном языке, особенно сильно воздействовать на носителя данного языка, формировать его речевую культуру.

Актуальность выбранной темы связана, прежде всего, с тем, что язык текстов песен активно используется носителями языка, влияет на речевую культуру молодёжи и народа в целом, а негативное содержание текстов песен порой становится нормой их речевого поведения.

Почти во всех современных эстрадных песнях наблюдается изобилие сленга и заимствований, что приводит к их быстрому распространению и внедрению в словарный состав общества. В наши дни эти слова потеряли статус жаргонизмов, их уже не считают сленгизмами и заимствованиями и вполне успешно используют в разговорной речи.

Цель — анализ текста песни с целью выявления наиболее типичных, актуальных лексических процессов, характеризующих специфику современных эстрадных песен.

Словарный состав языка, который является наиболее подвижной и проницаемой сферой языка, его лексико-семантическая система постоянно изменяются. Развитие словарного состава языка непосредственно связано с историей общества, с общественно-политической, экономической, духовной и культурной жизнью народа. В лексике отражаются разнообразные изменения, происходящие в общественной жизни.

Н.С. Валгина в учебном пособии «Активные процессы в современном русском языке» отмечает, что современная языковая ситуация на лексическом уровне характеризуется процессами, которые с большей или меньшей степенью интенсивности протекали в языке всегда, но в настоящее время эти процессы оказались в высшей степени активными, поскольку изменилась жизнь современного человека и общества в целом. Среди этих процессов Н.С. Валгина особо выделяет следующие: «уход из употребления

устаревших или устаревающих слов, выражающих неактуальные для сегодняшнего дня понятия; появление новых слов, понятийно актуальных, ранее отсутствовавших в языке; иноязычные заимствования и разрастание сфер распространения жаргонной лексики и расширение состава лексических групп социально или профессионально ограниченного использования» [1, с. 77].

Данные процессы, характерные для современной языковой ситуации, наблюдаются в текстах современных эстрадных песен.

Современный песенный текст представляет собой объединенную смысловой связью последовательность знаковых единиц, которая обладает связностью и цельностью; словесно-музыкальное произведение для пения, созданное и исполненное в течение последних десяти-пятнадцати лет, которое пользуется широкой известностью, прежде всего среди подростковой молодежи [5].

Текст песни, созданный в соответствии со вкусами и запросами современного общества, отражает актуальное состояние языка и лингвокультуры народа. В тексте песни максимально полно реализуется семантическая формула системной триады текста как объекта лингвистики и лингвокультурологии и репрезентируются культурные смыслы, релевантные для данного временного периода.

Эстрадная песня способна как к большому созидательному, так и к сильнейшему разрушительному действию на литературный язык и его носителей: в частности, обладает возможностью формирования языковых средств, воспринимаемых носителями данного языка в качестве образцовых, которые они в дальнейшем применяют в выражении своих мыслей и эмоций. При этом данные языковые средства не всегда являются литературными. Отражая стремление человека к искусству как выражению его потребности в переживании значимых моментов своей и их образно-символическом представлении, песенный текст в известной степени погружает адресатов в некую «вторую реальность», где происходит самовыражение, и самопознание человеческой души [2].

Благодаря этому свойству песенный текст зачастую становится чем-то близким и даже личным для воспринимающих его. Такой текст вызывает доверие и внедряет в речевую практику и культурное сознание носителей языка свои элементы. Этим обуславливается важность изучения песенных текстов, поскольку они могут являться немаловажным фактором, способным влиять на языковой вкус носителей языка, их речевое поведение и, как представляется, даже мышление.

Особенно заметно влияние текстов современных песен на подростков. Подростки, по нашему мнению, являются теми субъектами, на которых в первую очередь ориентирован современный песенный текст и которые наиболее подвержены его воздействию. Это связано с психологическими особенностями лиц данного возраста, с тем, что именно они легко принимают все языковые явления, психологические установки, культурные стереотипы, проявляющиеся в современном песенном тексте. Современный песенный текст, приобретая популярность среди подростков, является частью молодежной языковой среды, способной, по нашему мнению, оказывать сильнейшее влияние на погруженных в нее адресатов, прививая им определенный языковой вкус, формируя их речевую культуру, ценностные ориентиры. Тот культурный опыт, который непосредственный адресат современного песенного текста — подросток получает, слушая современные песенные тексты, предопределяет особенности его общения и поведения, уровень духовных стремлений, критерии самооценки, мировоззренческий образ мира и образ Я, осознанные представления личности о мире и своем месте в нем.

Таким образом, в центр нашего исследования мы ставим один из компонентов культуры народа — современный песенный текст, представляющий особый интерес

для изучения. Текст современной эстрадной песни, на наш взгляд, является «зеркалом», максимально быстро отражающим все изменения, происходящие как в обществе, так и в языке.

Значительное место в текстах современных эстрадных песен занимает молодёжный сленг.

В русском языкознании в большинстве случаев приводится толкование В.А. Хомякова: «Сленг — это относительно устойчивый для определенного периода, широкоупотребительный, стилистически маркированный (сниженный) лексический пласт, компонент экспрессивного просторечия, входящего в литературный язык, весьма неоднородный по своим истокам, степени приближения к литературному стандарту, обладающий пейоративной экспрессией» [7, с. 43-44].

Современная популярная музыка изобилует текстами с использованием сленга, причем чаще всего слушатели не задумываются о лексическом значении, мотивированности и целесообразности таких слов.

С целью проведения данного исследования нами было принято решение проанализировать тексты современной эстрадной песни с точки зрения описания особенностей употребленных в них жаргонных слов. Основным критерием отбора материала явилось исполнение песен в музыкальных радио- и телепередачах, публикация песенных текстов на популярных сайтах в сети Интернет.

В ходе анализа нами было выявлено, что современные песенные тексты характеризует специфический язык, одной из особенностей которого является чрезмерное употребление сленгизмов.

К примеру, в популярной песне «Мама не в курсе» российских хип-хоп и рэп-исполнителей Т-Killah и МІАВОУКА можно услышать следующие строки:

*Твоя мама не в курсе,
Что мы с тобой на тусе,
Что мы с тобой на тусе,
На тусе до утра.*

Сленгизм *туса* — сокращение от слова *тусовка*. В Толковом словаре молодёжного сленга Т.Г. Никитина даёт следующее толкование: «*Тусовка, -и, ж.* 1. Встреча, сбор с целью совместного времяпровождения хиппи или членов других молодёжных группировок, компаний. 2. Компания, группа людей, объединенных общими интересами, возрастом, каким-либо делом. 3. Что-либо доставляющее много хлопот, напряжения, затрат сил» [4, с. 222].

В данном тексте песни сленгизм *туса* используется в первом значении — *встреча, сбор с целью совместного времяпровождения*.

На наш взгляд, автор использовал данное слово для того, чтобы сблизиться с молодёжью и сделать свои песни близкими для молодого поколения.

Слово *тусовка* в настоящее время воспринимается молодым поколением как литературное слово. Кроме того, данная лексема входит в большое количество современных толковых словарей русского языка, развивается по общим законам русского языка: от слова *тусовка* образовались существительные *тусовщик, тусовщица* (Да, я тусовщица, безумная девчонка), глаголы *тусить, тусоваться* (А мне восемнадцать, давай тусоваться).

Сленгизмы, связанные с активным времяпровождением, вечеринками также можно обнаружить в песне «*Девочка хочет движа*» известного исполнителя под псевдонимом Зомб:

*Я же вижу — девочка хочет движа,
Давай со мной, обещаю, не обижу.
Она танцует, словно никого не слышит,*

*Словно никого не слышит,
Девочка хочет движа.*

В речи молодого поколения широко используется сленгизм *движ*, который образован от глагола *двигаться*, выступает в роли существительного и означает любой вид веселого совместного времяпровождения.

В Словаре молодёжного сленга дано следующее толкование: «*Движ (движуха)* — вечеринка, пьянка, тусовка» [6].

По нашему мнению, такого рода слова звучат неорганично в современной эстрадной песне как культурном явлении.

Исполнитель Артур Пирожков в песне «Чика» использует в каждой строке песни слово «*чика*»:

*Чика-чика-чика-чика, ты спелая клубника,
Чика-чика-чика-чика, и без тебя мне никак,
Чика-чика-чика-чика, мою любовь верни-ка,
Чика-чика-чика-чика, верни-верни Вероника.*

В Толковом словаре молодёжного сленга Т.Г. Никитиной дается следующее определение сленгизма «*чика*»: «*Чика (чикса, чукуля)* — симпатичная девушка (чаще модно одетая)» [4, с. 244].

По нашему мнению, употребление сленгизма *чика* неуместно в данном контексте, особенно при обращении к девушке. Такой многочисленный повтор сленгизма *чика* навязывает определенный стиль общения для молодежи, снижает планку культуры речевого общения, популяризирует сленгизм *чика* как синоним к слову *девушка*.

Многочисленные элементы жаргонной лексики наблюдаем также в песне российской музыкальной группы «Ленинград» «*Монеу*»:

*Хорошо, когда есть на кармане,
Эти самые мани, мани.
Когда бабки есть, тогда всё путём.
Значит, снова пьем, значит, снова пьем.
Я скажу по секрету между нами:
«Самое главное — мани, мани».*

В Толковом словаре молодёжного сленга Т.Г. Никитина даёт следующее толкование: *Мани*, -ей или неизм., мн. — деньги; <англ. *money* — деньги [30, с. 134].

По нашему мнению, использование заимствования в тексте данной песни немотивированно. Употребление иноязычного слова *мани*, когда есть равносильное ему русское слово *деньги*, абсолютно неоправданно.

Возможно, автор песни стремился «стать своим», понравиться молодёжи тем, что употребил более популярное, заимствованное слово по сравнению с его исконно русским аналогом.

Кроме того, автор навязывает молодому поколению ложные жизненные ценности, говоря о том, что деньги — это самое главное.

Сленгизмы также можно услышать в песне российского музыканта и исполнителя рэп-песен Зомба «*Делаем флекс*»:

*Делаем флекс
Детка, давай со мной на интерес, или без
Только улыбнись, наконец,
А мы делаем, делаем, делаем, делаем
Флекс.*

В онлайн-словаре молодёжного сленга слово *флекс* определяется следующим образом: «*Флексить* — качаться, прыгать под какой-либо трек с качающим битом».

Автор использовал данное слово, чтобы понравиться молодёжи. А сама песня написана исключительно для развлечения, так как не несет никакого глубокого смысла.

Современный песенный текст обнаруживает в себе большое количество заимствованных слов. В одних случаях заимствования употребляются авторами в качестве языковой игры, в других — использование иноязычных слов немотивированно.

Употребление заимствований можно пронаблюдать в песне «Грустный дэнс» поп-группы «Artik&Asti»:

*Под грустный дэнс ты так красиво теряешь меня,
Словно весь наш город больше не вспомнит тебя,
Тот, кто был мне необходим,
Слишком чужой, чтобы быть родным...*

Л.П. Крысин даёт следующее толкование: «Дэнс, -а, м., — танец, дискотека» [3, с. 256].

По нашему мнению, использование заимствования в тексте данной песни немотивированно. Употребление иноязычного слова *дэнс*, когда есть равносильное ему русское слово танец, абсолютно неоправданно.

Таким образом, современный песенный текст, как одна из составляющих речевой среды слушателей, влияет на формирование их речевой культуры, ценностных ориентиров, а также на динамику языковой ситуации в целом.

Жанр популярной музыки выполняет в основном развлекательные функции, а тематика песен не предполагает ответов на серьезные жизненные вопросы. Однако это обстоятельство не снимает с авторов песен ответственности за содержание и языковое оформление создаваемых произведений, а, напротив, подразумевает серьезную работу над текстами. Ведь тексты молодежных песен становятся эталоном для подражания в речевом поведении, слова, фразы, используемые в текстах песен, становятся прецедентными и частотно цитируются. Все это в совокупности негативно влияет на речь целевой аудитории, особенно на речь молодого поколения.

В ходе анализа особенностей функционирования сленгизмов нами было установлено, что жаргонные слова занимают значительное место в текстах современных эстрадных песен. В результате частого употребления большого количества жаргонизмов, часть из них переходит со временем в сферу общего употребления, в частности в речь подростков. Вследствие чего через современный песенный текст в языковое сознание его слушателей, в особенности молодого поколения, проникают деформированные представления о важнейших потребностях личности, ценностных ориентирах, нормах речи и поведения. Авторы современных песен указывают на главенство развлечений и удовольствий: *движ, флекс, туса, кайф*. На уровне нравственных ценностных ориентаций песенные тексты показывают, что удовольствие для современного молодого человека превыше всего.

Проанализировав сленгизмы в текстах популярных эстрадных песен, мы попытались найти социолингвистическую причину их употребления авторами текстов песен. Нами было выявлено, что авторы текстов современных песен употребляют сленгизмы для придания речи большей экспрессивности; для того, чтобы понравиться молодёжи, «стать своим»; для привлечения внимания большей аудитории. Это влечёт за собой снижение общей и словесной культуры, изменение эстетического вкуса носителей языка и утрату эстетического языкового идеала.

Нами было установлено, что современный песенный текст является одним из сильнейших «загрязнителей» речевой культуры молодых носителей языка, формирующих негативные культурные и ценностные ориентиры у подростков.

Лингвисты это называют «функциональным оскудением» русского языка, снижением речевой культуры, «массовым косноязычием».

Молодое поколение активно пополняет современную русскую лексику с помощью сленгизмов и заимствованных в другом языке слов и выражений. В результате этих процессов, проявляются глубинные противоречия современной языковой ситуации. С одной стороны, увеличивается словарный запас родной речи, с помощью них речь становится более выразительной и экспрессивной. С другой стороны, утрачивается красота родного языка, его уникальность и самобытность. Чрезмерное использование сленгизмов и слов иностранного происхождения ведет к потере интереса к русскому языку и к русской культуре. Такая популяризация и легализация ненормативных с точки зрения литературного языка слов и выражений приводит к тому, что у молодого поколения формируются искаженные представления о том, что является допустимым, а что эталонным, красивым и выразительным в языке и языковом поведении.

ЛИТЕРАТУРА

1. Валгина Н. С. Активные процессы в современном русском языке: учебное пособие / Н. С. Валгина. — М.: Логос, 2001. — 304 с.
2. Купина Н.А. Смысл художественного текста и аспекты лингвосмыслового анализа / Н.А.Куприна. — Красноярск: Просвещение, 1983. — 248 с.
3. Крысин Л. П. Современный словарь иностранных слов: свыше 7000 слов и выражений, толкование значений, происхождение, употребление / Л. П. Крысин. — М.: АСТ-Пресс Книга, 2012. — 416 с.
4. Никитина Т.Г. Молодёжный сленг: толковый словарь: ок. 20 000 слов и фразеологизмов / Т.Г. Никитина — 2 е изд., испр. и доп.— М.: АСТ: Астрель, 2009. — 1102 с.
5. Полежаева А.Н. Проблемы современного песенного текста: лингвоэкологический аспект: автореф. дис. канд. филол. наук / Анастасия Николаевна Полежаева. — Иваново, 2011. — 25 с.
6. Словарь молодёжного сленга [Электронный ресурс]. — Режим доступа: URL: <https://teenslang.su>, свободный.
7. Хомяков В.А. Нестандартная лексика в структуре английского языка национального периода: автореф. докторской диссертации/ Владимир Александрович Хомяков. — СПб., 1985. — 123 с.

Поступила в редакцию 11.05.2023 г.

A. S. Dubovaya

THE ROLE OF THE TEXT OF A MODERN POP SONG IN THE FORMATION OF THE SPEECH CULTURE OF MODERN YOUTH

The article deals with the sociolinguistic features of the text of a pop song as one of the terms that characterize the state of the modern language situation and the role of the text of a modern pop song in the formation of the speech culture of modern youth. The relevance of the topic is caused by the need for a sociolinguistic analysis of the texts of modern pop songs in terms of describing the function, linguocultural motivation and compliance with the norms of the Russian literary language of the borrowed words and words of jargon origin used in them.

Key words: *song text, modern pop song, sociolinguistic analysis, slang, sociolinguistics.*

Дубовая Алина Сергеевна.

Луганский государственный педагогический университет, г. Луганск, РФ
Магистрант.
E-mail: alinadubovaya21@gmail.com

Dubovaya Alina Sergeevna.

Lugansk State Pedagogical University, Lugansk, RF.
Undergraduate.
E-mail: alinadubovaya21@gmail.com

Соболева Ирина Александровна.

Кандидат филологических наук, доцент.
Луганский государственный педагогический университет, г. Луганск, РФ.

Soboleva Irina Alexandrovna.

Candidate of Philological Sciences, Associate Professor.
Lugansk State Pedagogical University, Lugansk, RF.

Профессор кафедры русского языкознания и коммуникативных технологий.
E-mail: kafruslang@lgpu.org

Professor of the Department of Russian Linguistics and Communication Technologies.
E-mail: kafruslang@lgpu.org

УДК 81'23

А. Ф. Гамзатова

*Санкт-Петербургский государственный университет
(Научн. рук. — д-р филол. наук, проф. Т. С. Садова)*

ПРОВОКАТИВНОСТЬ КАК ИСТОЧНИК КОНФЛИКТНОГО ДИАЛОГА В ИНТЕРНЕТ-СРЕДЕ: ТРОЛЛИНГ

Статья посвящена исследованию провокативности как прагматическому компоненту интернет-коммуникации. На примере комментариев пользователей социальной сети ВКонтакте рассматриваются лингвистические особенности провокативного поведения интернет-троллей. В ходе исследования определяются специфические языковые черты, характерные для конфликтных диалогов, построенных на провокации.

Ключевые слова: провокативность, троллинг, конфликтный диалог.

Провокацивность является неотъемлемой частью современного интернет-общения и служит источником возникновения речевых конфликтных ситуаций.

Провокацивность в самом общем смысле представляет собой механизм вербализированного воздействия на собеседника, выраженного в агрессивной форме [10, с. 4]. Цель провокации всегда заключается в вызове ответной реакции у субъекта, его психоэмоциональной вовлечённости в процесс. Провокацивная ситуация подразумевает наличие объекта провокации — того, кто провоцирует, и субъекта провокации — того, на кого направлена провокацивная деятельность.

Особой разновидностью провокацивного поведения выступает троллинг. Под троллингом принято понимать форму проявления намеренной речевой агрессии, характерную для интернет-коммуникации [11, с. 50]. Пользователей, которые занимаются этой деструктивной виртуальной деятельностью, называют троллями. Цель троллей — вывести участников обсуждения из себя, вызвать резкие эмоциональные отклики и направить разговор в другое, выгодное провокаторам, русло.

Провокация обладает конфликтогенностью речевого воздействия. Провокацивное поведение способно привести к столкновению мнений, интересов, взглядов участников онлайн-коммуникации, что порождает возникновение вербального конфликта.

Конфликтным коммуникативным актом принято называть состояние противоборства двух и более оппонентов, в процессе которого каждая сторона действует в ущерб другой при помощи вербальных средств [12, с. 112].

Многие исследователи определяют интернет-среду как пространство «свободного общения», располагающее к возникновению конфликтности [5; 7]. Конфликт здесь предстаёт самым простым способом разрешения противоречий, неизбежно возникающих в процессе столкновения взглядов.

Во многом конфликтный потенциал интернет-коммуникации обуславливается её доступностью (возможностью использования в любое время суток без ограничения), ощущением неконтролируемости высказываний и возможностью анонимности [14]. Общение в интернете воспринимается многими пользователями как способ эмоциональной разрядки. Отсюда возникают и вседозволенность, и вербальные конфликты.

В качестве материала исследования используются контексты (комментарии пользователей социальной сети), содержащие вербальную провокацию. Отбор материала проходил с сентября 2021 г. по апрель 2022 г. Всего было рассмотрено более 1000 контекстов. Путём выборки для подробного анализа было выделено 300 текстовых примеров, содержащих элементы провокативного интернет-диалога. В тексте настоящей работы будут представлены наиболее показательные из них.

За единицу исследования принимается микротекст, содержащий исходную и ответную реплики собеседников, за которыми следует дальнейшее включение одного или нескольких участников в диалог. Единичные высказывания и обмен репликами, не повлёкшие за собой дальнейшего развития диалога, в рамках настоящего исследования не рассматриваются.

Такой подход связан с соблюдением критерия стройности конфликтного интернет-диалога, которую обеспечивает смена конфликтообразующей и конфликтоподдерживающей реплик [1, с. 43]. Полемика всегда проходит в рамках общей исходной темы. Каждая последующая реплика адресата является его рефлексией на сообщение адресанта (*А: животное, а не человек. Есть кто в Питере может объяснить этому уроду, как себя нужно вести, если родители не научили? Б: а что в Питере? В других городах и сёлах, в том числе и ваши дети прям ангелы? В: ты мразь... Б: ты о***л?!).* Когда тема меняется, рушится логическая связь сообщений, завершается и/или переходит в иную форму вербальный конфликт.

Анализ сообщений и комментариев пользователей производился на страницах открытых сообществ бытовой тематики, отражающих такие сферы, как: кулинария, мода, природа, животные, юмор, мероприятия и т. д. Примечательно, что конфликтный диалог, возникший в результате провокации, зафиксирован в каждом из рассмотренных сообществ. Несмотря на отсутствие в этих пабликах заведомо конфликтных тем (религия, национальность, политика), случаи умышленной провокации наиболее частотны именно в бытовой сфере.

Тематическая зона была сужена до бытовой по ряду причин.

Во-первых, большую востребованность имеют заявки на лингвистическую экспертизу потенциально инвективных текстов в бытовой сфере [3, с. 36–37]. Зачастую предметом спора становятся именно обыденные, привычные вещи, с которыми люди взаимодействуют ежедневно.

Во-вторых, троллинг свойствен политической и, связанной с ней, запретной экстремистской деятельностью (расовая и религиозная вражда). Фактор спонтанности в экстремистских текстах отсутствует [2, с. 50]. Агрессия, исходящая от адресата сообщения, не внезапная (как в конфликтах бытовой тематики), а заранее спланированная. Такие высказывания всегда содержат препозицию, нацеленную на разжигание конфликта.

Специфика настоящего исследования состоит в описании конфликтных интернет-диалогов, в основе которых лежит провокация «троллей», причём в рамках бытового общения.

Полемика в комментариях нередко начинается без видимых на то причин и не связана напрямую с темой поста. Немаловажную роль в возникновении таких споров играют агрессоры-провокаторы (именуемые на интернет-просторах «троллями»). Ярким примером выступает высказывание тролля в паблике о кулинарии, в котором отсутствуют какие-либо политические публикации: *А: кто поддерживает кремль — е***н!! сосите х**!*

Источником исследования выступает российская социальная сеть ВКонтакте. Выбор этой социальной сети обусловлен несколькими причинами.

Во-первых, на настоящий момент ВКонтакте является одной из самых популярных социальных сетей на территории России (ежедневно её посещает 45% аудитории Рунета).

Во-вторых, это русскоязычная социальная сеть, пользователями которой выступают преимущественно носители современного русского языка. Это позволяет на практике наблюдать живые процессы, происходящие в языке, во многом касающиеся особенностей конфликтного диалога.

В-третьих, большинство диалогов (в т. ч. конфликтных) в социальной сети разворачиваются в режиме реального времени, что свидетельствует о неподготовленности и естественности коммуникативных актов. Наличие большого количества потенциальных зрителей конфликтного диалога обеспечивает его публичность и общедоступность. Это даёт возможность использования и свободного распространения высказываний авторов без их письменного разрешения.

Актуальность исследования обеспечивается необходимостью всестороннего (в том числе, в аспекте юрислингвистики) исследования особенностей современной коммуникации в виртуальном пространстве, потенциально имеющей и реально содержащей речевую конфликтность. Согласно статистике, с каждым годом количество конфликтных ситуаций в Рунете увеличивается [8], что обуславливает значительный рост заявок на составление лингвистических экспертиз на различные темы, связанные с речевой конфликтностью.

Недостаточность научной систематизации особенностей «провокативных» конфликтных диалогов бытовой тематики на примере «живых» диалогов в современной социальной сети свидетельствует о новизне настоящей темы.

Практическая значимость исследования заключается в возможном применении полученных результатов в лингвоэкспертной практике в рамках судебных дел о защите чести, достоинства и деловой репутации (ст. 5.61 КоАП РФ).

В результате проведённого анализа комментариев пользователей, удалось выявить типы вербальной интернет-провокации.

Первый тип. Это ситуация, когда тролль провоцирует возникновение конфликтной ситуации и занимает позицию стороннего наблюдателя. Он не вмешивается в начавшуюся полемику, а лишь наслаждается результатами своей работы со стороны.

Например, *А: Грудь размер 0! Зато богатая! Повезло мужику с бабой! :) Б: Твоё-то такое дело? В: разве в этом счастье? Г: на себя посмотри для начала. Д: ой, началось. Чуть что — на себя смотреть отправляют. А что, правда глаза колет? Г: мне ничего не колет. А вот у тебя проблемы с головой, раз так реагируешь на всё. Д: больная, у тебя сейчас проблемы будут!* Этот пример наглядно демонстрирует, как одна негативная реплика тролля задаёт тему для дальнейшего обсуждения, постепенно обретающего форму речевого конфликта. К обсуждению присоединяются новые люди, у некоторых завязывается межличностная полемика, никак не связанная с исходной провокацией. Тролль в переписку более не вмешивается.

Второй тип. Это ситуация, когда тролль не только провоцирует начало речевого конфликта, но и является его непосредственным участником. Он выдерживает начатую линию поведения и подталкивает собеседника (или собеседников) к новым экспрессивным высказываниям.

Например, *А: Какая-то хренова, столько возни, ещё и реклама малолетского тик-тока. Ох уж эти сетевые повара... кроме говна ничего не ели... Б: Я такого никогда не писала, но вы идёте нахуй, уважаемая. Ох уж эти тупые бабы, которые только и умеют, что пиздеть не по делу. А: я-то хоть пиздеть умею, а ты вообще*

пустая дырка=)) Б: по-моему, вы уже посланы, что вы продолжаете тут делать? А: любоваться твоей тупостью.

Значимую роль в речевом взаимодействии с троллями играет реакция на их высказывания других пользователей. Т.А. Фетисова отмечает, что не все участники интернет-коммуникации поддаются на провокации [13, с. 191–193]. Это зависит от ряда факторов: воспитания, уровня образования, психоэмоционального настроения, а также от степени речевой подготовленности и опытности ведения переписок в сети.

Многие комментаторы сообществ способны мгновенно распознать тролля и применить в ответ на его провокации тактику игнорирования. Кто-то легко отражает их атаки посредством различных вербальных средств (*А: Бред. Фикция. Отстой. Девушка лицом не вышла. Б: не всем так повезло, как Вам! Что ж делать*). Однако пласт ситуаций, когда троллинг приводит к открытым конфликтам крайне велик. Именно такие конфликтные коммуникативные ситуации оказываются предметом рассмотрения лингвистических экспертиз.

Примечательно, что не каждая провокация тролля, выраженная вербально, может стать предметом рассмотрения лингвистической экспертизы. Экспертами рассматриваются только те высказывания, которые обладают потенцией к побуждениям экстремистского характера или содержат реплики, оскорбляющие честь и достоинство личности [4, с. 124–126].

Возможна также и смежная ситуация, когда тролль и не принимает непосредственного участия в конфликте, но в то же время не отстраняется от диалога. Он наблюдает за развитием конфликта и в определённый момент подначивает одного из коммуникантов дополнительными провокационными репликами. При этом тролль не занимает ни одну из конфликтующих сторон. Его действия направлены на поддержание и развитие конфликта. Коммуникативная задача, которую преследует тролль, — как можно дольше не позволять диалогу завершиться.

Например, *А: Дизлайк. Показуха. Автор изрядно постарался, но вряд ли все перечисленные блюда стоят ежегодно на её столе. Напоминает простую «нарезку» из интернета. Б: изрядно постарался над чем?) В: почему вы такая агрессивная? Вы автора знать не знаете, а уже рассуждаете об её нг столе так, словно в курсе всего. Г: ну естественно. Первый человек не выразил подобострастного восхищения и всё — значит, сразу агрессивная и т. п. Жополизы. А: за оскорбления можно и ответить... В: а ты нас тут не пугай! Не лезь и трогать никто не будет. Собрались, хамло.*

К ключевым признакам троллинга можно отнести ряд показателей.

Прежде всего стоит отметить, что высказывания троллей отличаются краткостью и единообразием.

Второй характерной чертой речевого поведения троллей является отказ в признании доказательств. Как правило, в высказывания троллей лишены чёткой и последовательной аргументации. Тролль всегда делает упор на определённый аспект и не реагирует на доводы и контраргументы, которые приводит оппонент. Тем самым тролль стремится сохранить доминирующую позицию в диалоге. Доминант всегда бьёт в одну смысловую точку и оставляет за собой финальную реплику диалога.

Это отражает общую тенденцию коммуникативного акта в интернет-пространстве. Общение в социальной сети утрачивает цель обмена информацией, становится более агрессивным вследствие стремления коммуникантов к самоутверждению [6, с. 279–284].

С этим связано и присущее троллям игнорирование обстоятельств. При общении с троллями может сложиться впечатление, что они не замечают мнений собеседников, отличных от их собственного. Тролли сосредоточены исключительно на своей цели — провокации.

Описанные признаки могут быть продемонстрированы на следующем примере: *А: это мошеннический интернет-магазин! Оплатив товар на их сайте, вы останетесь без денег и без товара!! Б: Добрый день! Уверю Вас, мы реально действующий интернет-магазин. Никакого умышленного обмана с нашей стороны быть не могло. Пожалуйста, опишите Вашу проблему, мы во всём разберёмся. А: сосите х*й, мошенники.*

Кроме того, для троллей характерно спонтанно «врываться» в уже начатое обсуждение, делая замечания не по теме. Этот метод в интернет-среде принято называть «вбросом». «Вброс» — это провокационная фейковая новость, какое-то невероятное событие, способное вызвать бурное обсуждение и споры среди комментаторов [13, с. 191]. Реплики троллей зачастую не соответствуют теме поста или конкретного комментария пользователя. Такой приём используется умышленно, чтобы нарушить целостность дискуссии и вызвать раздражение у пользователей.

Так, например, обсуждение проблемы воспитания детей в комментариях сообщества о материнстве, прерывается репликой тролля: *что вы тут обсуждаете! Там Пугачёва при смерти, слышали?*, которая моментально вызывает ответную реакцию у пользователей: *А: опять? Б: правда? Что случилось? В: давно пора. Б: не кощунствуйте!* и др.

Как отмечает Л. Н. Синельникова, в результате деятельности троллей, прерывающей основную тему диалога, происходит «угасание информации как тематического посыла» [Синельникова, 2016, 276]. На первый план для провокатора выходит не цель выиграть спор, а спровоцировать его, посеяв замешательство у участников переписки.

Снисходительный тон также является характерной чертой реплик троллей. Для троллей характерно задавать другим пользователям вопросы вроде *Отчего же ты злишься, братан? Что тебе не нравится? Что не так?* и подобные. Это делается умышленно, с целью ещё больше вывести оппонента из себя и одновременно отклонить какой-нибудь аргумент. Такой тон способен унижить собеседника и, соответственно, вознести самого тролля, укрепить его доминирующую позицию.

Немаловажным в деятельности троллей является и то обстоятельство, что в социальной сети пользователю предоставляется возможность скрыть своё настоящее имя, придумав никнейм, или ник (от англ. nickname или nick — ‘кличка, прозвище’; псевдоним в рамках социальной сети). Настоящее имя собственное в рамках интернет-коммуникации зачастую утрачивается. Идентификация личности другими пользователями становится невозможной.

Сетевыми троллями нередко используются никнеймы, которые нередко являются «говорящими» и сами по себе обладают конфликтной семантикой. Например, *Владыка Ада, Чёрный дьявол, Гордая Наёмница, Злой Ленин, Бешеная Бестия, Графиня Дракула* и т. д. Зачастую такие пользователи в конфликте выступают в роли провокаторов.

В случае, если реальное имя пользователя скрыто, перед лингвистом-экспертом может стоять задача идентификации личности в социальной сети по её характерным языковым особенностям. Как правило, такой подход применяется в ходе судебных разбирательств и связан с противоправной деятельностью пользователя.

У конфликтного диалога, спровоцированного троллями, возможно два варианта исхода.

Конфликт может быть исчерпан, когда коммуниканты добровольно выходят из него. Как правило, это сопряжено с уступкой собеседника троллю.

Например, *А: качество картинки далеко не HD 720. Б: переключись, тормоз. А: Оскорбление незнакомого человека издаека, априори безнаказанно, — выдаёт в Вас возмужавшего труса. Мало того, что нет воспитания, так и недалеко мыслите. По*

себе людей не судят. Незнание таких элементарных вещей оставьте своим родственникам. А здесь явно экстраполированная картинка. Б: экстраполированный мозг у тебя. На всю ширину голову растянули 1 кубический миллиметр мозга. А: пусть так.

Возможна и ситуация, когда оба оппонента не готовы сдавать свои речевые доминирующие позиции. Тогда обмен конфликтообразующими и конфликтоподдерживающими репликами продолжается до тех пор, пока участников конфликта не устроят администраторы сообщества.

Такой коммуникативный акт называется флеймом. Флейм (калька с англ. flame, т.е. 'пламя') — это неожиданно возникший спор, состоящий из множества реплик [9, с. 2–3].

Например, *А: Гуф умер. Б: хватит писать бред! Он жив, я на концерте его был! А: Да эт не он был. Гуф умер и фсё тут. Б: сам ты умер, дебил. В: нельзя такие вещи писать про живых людей. А: гуф умер, а я жив.*

Таким образом, троллинг как особый вид провокации выступает ярким примером проявления речевой агрессии в рамках интернет-коммуникации. Троллинг представляет собой законченное высказывание, содержащее конфликтогенный потенциал. В провокативных высказываниях троллей значителен манипулятивный аспект, который позволяет побудить собеседника дать мгновенную (и часто необдуманную) реакцию: сообщить информацию, изменить мнение, совершить поступок и т. д.

«Агрессивные» никнеймы (или ники) пользователей могут усиливать деструктивный эффект, создаваемый репликами троллей. Экспрессивные, «вызывающие» наименования (*Владыка Ада, Чёрный дьявол, Графиня Дракула и др.*) заведомо имеют потенцию к конфликту. Как правило, основная речевая агрессия концентрируется в репликах таких интернет-троллей.

ЛИТЕРАТУРА

1. Арутюнова Н.Д. Речеповеденческие акты в зеркале чужой речи / Н.Д. Арутюнова // Человеческий фактор в языке: Коммуникация, модальность, дейксис. — М., 1992. — С. 40–51.
2. Внебрачных Р.А. Троллинг как форма социальной агрессии в виртуальных сообществах / Р.А. Внебрачных // Вестник удмуртского университета. — 2012. №1. С. 48–51.
3. Галяшина Е.И. Лингвистические признаки диффамации в теории и практике судебных лингвистических экспертиз / Галяшина Е.И., Горбаневский М.В., Стернин И.А. // Взгляд. — 2005 — № 1. — С. 24–40.
4. Голев Н. Д. Экспертиза конфликтных текстов в современной лингвистической и юридической парадигмах / Н.Д. Голев // Теория и практика лингвистического анализа текстов СМИ в судебных экспертизах и информационных спорах. — Омск, 2003. — Т. 2. — С. 116–138.
5. Жуйков А.А. Виртуальные конфликты в социальных сетях Интернета как угроза информационной безопасности / Жуйков А.А., Каспаров А.Р., Нурахмедова А.А. // Вестник Адыгейского государственного университета. — 2019. — № 2. — С. 89–94.
6. Интернет-коммуникация как новая речевая формация / науч. ред. Т.Н. Колокольцева, О. В. Лутовинова. — М., 2012. — 328 с.
7. Кучеренко И.В. Рэндалл Коллинз о виртуализации конфликта в повседневной жизни / И.В. Кучеренко // Философские проблемы информационных технологий и киберпространства. — Луганск, 2013. — № 1. — С.99–111.
8. Лавренчук Е.А. Аутопойезис социальных сетей в интернет-пространстве: автореф. дис. ... канд. филос. наук [электронный ресурс] / Е.А. Лавренчук. — М., 2011. — URL: <https://www.dissercat.com/content/autopoiezis-sotsialnykh-setei-v-internet-prostranstve> (дата обращения: 15.03.2022).
9. Моисеева А.В. Флейминг как форма речевой агрессии в интернет-коммуникации / А.В. Моисеева, А.С. Титлова // Russian Linguistic Bulletin. — 2022. — № 2. — С. 1–4.

10. Морозова Е.А. Провокативность как метод социально-психологического воздействия / Е.А. Морозова. — М., 2014. — 34 с.
11. Печенегова А.Л. Троллинг как форма речевой агрессии в интернет-коммуникации школьников / А.Л. Печенегова // Вестник ТГПУ. — 2021. — № 4. — С. 48–54.
12. Третьякова В.С. Речевая конфликтология: проблемы, задачи, перспективы / В.С. Третьякова // Вестник ЧелГУ. Челябинск, 2013. № 1. С. 279–282.
13. Фетисова Т. А. Агрессивное поведение в Интернет-коммуникации. Обзор / Т.А. Фетисова // Вестник культурологии. — 2018. — № 4. — С. 185–197.
14. Greenfield D. M. Virtual Addiction: Help for Netheads, Cyberfreaks, and Those Who Love Them / Greenfield D. M. — Oakland, 2000. — 223 p.

Поступила в редакцию 08.05.2023 г.

A. F. Gamzatova

PROVOCATIVENESS AS A SOURCE OF CONFLICT DIALOGUE IN THE INTERNET ENVIRONMENT: TROLLING

The article is devoted to the study of provocativeness as a pragmatic component of the Internet communication. Using the comments of users of the social network VKontakte as an example, linguistic features of the provocative behavior of Internet trolls are considered. In the course of the study, specific linguistic features are identified that are characteristic of conflict dialogues built on provocation.

Key words: *provocativeness, trolling, conflict dialogue.*

Гамзатова Алина Фазиловна.

Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург, РФ.

Магистрант.

E-mail: a.f.gamzatova@gmail.com

Gamzatova Alina Fazylovna.

St. Petersburg State University, St. Petersburg, RF.

Undergraduate.

E-mail: a.f.gamzatova@gmail.com

Садова Татьяна Семёновна.

Доктор филологических наук, профессор.

Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург, РФ.

Профессор кафедры русского языка.

E-mail: tatsad_90@mail.ru

Sadova Tatyana Semyonovna.

Doctor of Philology, Professor.

St. Petersburg State University, St. Petersburg, RF.

Professor of the Russian Language Department.

E-mail: tatsad_90@mail.ru

УДК 81'373(470.47)

А. А. Керимова

*Калмыцкий государственный университет им. Б. Б. Городовикова
(Науч. рук. — канд. филол. наук, доц. Э. Б. Манджиева)*

ЯЗЫКОВЫЕ СРЕДСТВА ВЫРАЖЕНИЯ АГРЕССИИ В ПРОСТРАНСТВЕ ПОВСЕДНЕВНОЙ КОММУНИКАЦИИ

В статье предпринята попытка выявления языковых особенностей проявлений речевой агрессии в региональном варианте (территория Республики Калмыкия) русской разговорной речи на примере речевого жанра ссоры. В зависимости от тактик/субжанров и интенций были определены синтаксические и лексические особенности языкового их оформления. К универсальным языковым средствам отнесем стилистически сниженную лексику, устойчивые обороты, работающие во всех тактиках (кроме тактики молчания). Кроме того, были выявлены некоторые региональные языковые особенности языкового проявления агрессии в деструктивных субжанрах повседневности.

Ключевые слова: *русская разговорная речь, субжанр/тактика, агрессия, коммуниканты, инвективы.*

В отличие от нейтральных жанровых проявлений повседневной коммуникации типа болтовни, конфликтные жанры (ссора, скандал), субжанры/тактики (колкость, угроза, проклятье и пр.) имеют конкретное коммуникативное намерение. В процессе продуцирования, разворачивания дискурса у всех коммуникантов возникает установка на дерструктивность, обусловленную предположением присутствия в партнере некой враждебности/опасности. Эти жанры и субжанры — принадлежность отрицательной фатики, которая является таким типом коммуникации, при котором целенаправленно ухудшается эмоционально-психологическое состояние коммуникативного партнера. Следовательно, основной концепт семантического поля отрицательной фатики — *агрессия* (враждебность). Этот концепт репрезентируют вербальная/речевая агрессия, воплощенная в различных тактиках/формах.

РА — тип агрессии, транслируемый посредством вербальных и невербальных средств, то есть коммуникативно-знаковых.

Социальная психология выделяет два момента, характеризующих агрессивное действие: 1) его злонамеренную целенаправленность причинения вреда; 2) объект — живое существо, не желающее этого.

1. Тактика оскорбления, свойственная кульминации конфликта, транслирует агрессию через различные вербальные варианты инвектив. Они представлены инвективной лексикой и фразеологией (словами и выражениями), значение и экспрессивность которых реализуют интенцию унижения, желания обесчестить, опозорить участника коммуникации — объекта оскорбления, причем зачастую с явным намерением сделать это в грубой, резкой, уничижительной, порой циничной форме. К вполне литературным эвфемизмам обращаются реже. Предпочтения в вариантах инвектив зависит от выбранной стратегии и типа языковой личности.

Внутри инвективной лексики отметим 2 типа: 1) литературную (относящуюся к русскому литературному языку); 2) внелитературную (жаргонизмы, просторечия, диалектизмы). Ко второй группе относится и обценная лексика (мат). В составе первой группы оскорблений представлены:

– **зоосемантические метафоры**, имеющие выраженную негативную оценку собеседника, неодобрительную, пренебрежительную, уничижительную экспрессию; зооморфизмы представляют собой брань, но при этом находятся в границах литературного языка. Иногда они расширены, уточнены эпитетом для полноты образа: *скотина, козлиная (козел (вонючий), коза), (грязная) свинья / свиномота, собака, (ядовитая) змеюка, (здоровая) лошадь/кобыла, слониха, кобра, ослица, ишак/петух (гамбургский), сукин сын, кобель/кобелина; калмыц. лексемы: (кишва, укхн) ноха (вредная/противная собака), (махлата) мал/малмуд, олькчн (сука), гаха (свинья)* и т. п. Примеры из ссоры между супругами:

1) — *Пошел отсюда / свиномота тупорылая //...* (ссора между соседями);

2) — *Конечно / ты же их сукин сын/ всегда оправдают... //* (ссора между супругами);

3) — *Закрой рот и хватит / завелась / ну до чего... / кишва ноха, хуцлгод...//* (вредная собака, не гавкай / догавкаешься);

4) — *О чем речь понимаешь хоть?! В голове к тебя укхн ноха... //* (сдохшая собака) и т. п.

– **скатологизмы** (грубые слова, выражения, имеющее отношение к результатам и процессам выделения продуктов жизнедеятельности человека, животных (номинации экскрементов и пр.): *дерьмо, говно, насп...мне на... и т. п., нохан/гахан басн (собачье/свиньячье дерьмо)* и т. п.

1) — *Заткнись, дерьмо прошлогоднее//*

2) — *Ты! Г...о! Кончай смердеть...//*

– **фразеологизмы бранного, уничижительного характера**, от нецензурных (матерных, которые опускаем) до вполне литературных, их эвфемизмы: *черт лысый/рогатый, старый хрен/хрыч*; калм. *эян алдсн кююкн* (паршивка, букв. дочь, потерявшая мать: используют, когда ругают девочек за плохое поведение). Примеры:

- 1) — *Я щас тебе все ребра пересчитаю, старый хрыч...//*
- 2) — *На себя посмотри на черта лысого/ а все туда же... //*
- 3) — *Что ж ты делаешь / эян алдсн кююкн... / вот получишь...//*

– **инвективы общего плана**: *тварь, гад, гадина, садюга/сидист, мошенник, вор, палач, сволочь, негодяй(-ка), дурак, дура, мудака, подлец, идиот, придурок, алкаш и т. п.*; калм.: *гярг* (дурак/дура), *соктырь* (пьяница от калм. *сокту* — пьяный).

- 1) — *Ну каков придурок, а? / Мудило самое настоящее...//*

2) — *Подлецам и сволочам здесь нечего делать / так что валим на скотобазу домой...//*

- 3) — *Ты что вообще! /йосн гярг...//* (настоящий дурак)

– **определения-эпитеты** (*больной, шибанутый, чеканутый, шизнутый, шизанутый, сумасшедший, шваркнутий, долбанутый, кринжовый* (от англ. *stinge* — съезживаться, то есть неприятное, мерзкое, близко по значению к понятию «испанский стыд»), *криповый* (от англ. *creepy* — содрагаться от ужаса, то есть страшный, пугающий); калм.: *гяргтя/донта* (дурной), *гемтя* (больной), *бааста-шеестя* и т. п.):

- 1) — *Ну ты криповый чувак//*

2) — *...а потому / что ты с постоянством, достойным лучшего применения, ... / кринжовый тип так сказать / вечно как скажешь что-нибудь или выкинешь / хоть стой хоть падай//;*

3) — *Да ты кто такая?! / бааста-шеестя / еще будешь учить меня жизни...//* (в испражнениях)

Итак, в **субжанре/тактике оскорбления** активны номинации и определения **лиц с негативной семантикой**: 1) *общего плана* (*гад, тварь, негодяй* и т. п.); 2) *зоосемантизмы* (*скотина, собака, свинья* и др.); 3) *фразеологизмы и аллюзии* (*черт лысый/рогатый*); 4) *скатологизмы* (*дерьмо, говно, бааста-шеестя* и т. п.). Иногда номинации-оскорбления могут сопровождаться 5) *эпитетами* (*настоящая скотина, полный идиот, конченный придурок, криповый тип, кринжовый чувак* и т. п.), которые также могут быть *субстантиватами* (номинациями лица: *придурочный, больной и т.п.* — *На больного не обижаются //; — Что с психованного взять? //*). **Тематически** инвективы обозначают недостатки в сферах умственного развития, отклонения в здоровье (*псих, придурок, идиот, дебил, калека, инвалид*), внешности человека (*урод, жаба, корявая, страхопёр* и т. п.); *черт характера и асоциального поведения* (*вор, мошенник, скупердяй, жмот, наркота, алкаш, соктырь, скандалистка, аферист* и т. п.). Что касается синтаксических особенностей, инвектива, как правило, обращение **Appel** (*Заткнись, гад*); номинация в синтагме **N1** (*Что тебя слушать? / Идиот!*), иногда расширенная эпитетом в пре- или постпозиции — **adjN1/2** (*полный кретин; дурака круглого*).

2. Тактике угрозы, применяемой на пике ссоры, свойственны определенные синтаксические модели типа: «*Если не..., то...*» (— *Если ты не замолчишь, (то) ты очень об этом пожалеешь //*); «*императив, (а то)...*» (— *Заткнись / Замолчи / Рот закрой, а то в глаз получишь//*); *вопрос/утверждение + угроза непосредственно* (— *Давно не получал в бубен? Ща исправим...//; — Видимо, давно не получал в глаз / щас получишь//*); *глагол-каузатор (достал, обнаглел, задолбал) + угроза* (— *Достал! / ну всё / получишь щас по морде...//* и т. п.).

Угроза может быть заявлена и без вступлений (*В глаз получишь...//; По морде захотел?... //; Щас по шее дам...//*). Она транслирует обещание наказания, расправы

вполне формально (синтаксически) предсказуемо, лексическое наполнение может быть разным вплоть до нецензурных слов и выражений на любой фазе тактики.

3. Тактика проклятия сейчас, на синхронном срезе, является составляющей субжанра инвективы, в своей чистой форме работает крайне редко, потому что является по сути древнейшей формулой магического заклинания. В современной бытовой коммуникации чаще не осознаваема как магический текст, скорее, на наш взгляд, это прием запугивания:

- 1) — *Будь ты проклят, гаденыш!!!*;
- 2) — *Достал алкота / Тохм таср!!!* (калм.: *пусть прервется твой род!*);
- 3) — *Проклинаю тебя, сволочь такая, до седьмого колена! Кровопийцу...!!!*;
- 4) — *Эзнянь толга кемл!!!* (калм.: *будь проклят, букв.: грызи свою голову*).

В РРР русских информантов можно выделить проклятия и злопожелания, которые очень близки по своей интенции и имеют древнюю жанровую отрицательную магическую природу. Их можно дифференцировать по словам-перформативам, дающим название жанру (*проклинаю, будь проклят*). В калмыцкой культуре эти жанры относят к харалам — жанру проклятия. Исследователь-фольклорист Т.Б. Борджанова пишет, что «харалы адресовались недругу в ссорах и спорах» [Борджанова, 1999: 49]. Синтаксически проклятиям свойственна модель *слово-перформатив (проклинаю, будь проклят) + расширение контекста*, которое необязательно (*до седьмого колена*). Калмыцкие проклятия-харалы имеют фразеологизированную форму и лексическое наполнение.

4. Тактика злопожелания (по терминологии Л.В. Ениной [2]) близка рассмотренным проклятиям своей архаической семантикой и характеристиками (обе тактики агрессивные). Синтаксическая модель примерно такая — это выглядит чаще всего так «*(Да) чтобы ты/у тебя + собственно злопожелание*»:

- 1) — *Да чтоб ты провалился, чтоб руки у тебя отсохли!!!*
- 2) — *Таким как ты вредно жить, поняла? / Хар газрт шаагд! //* (калм.: *сдохни; букв.: вонзись в черную землю*);
- 3) — *Ты что болтаешь / Келнд моом харг...!!!*; (калм.: *пусть во рту опухоль появится, русск. аналог тупун тебе на язык*);
- 4) — *Эзян зальг! / заткнешься ты или нет? //* (калм.: *пропади пропадом; букв.: заглоти хозяина*).

Последнее выражение, как нам кажется, работает как заполнитель паузы, в отвлечении от своего первичного значения (*эзян зальг/зальгсн*), как выражение досады — типа русского *черт побери*.

5. Тактика отсыла, пожалуй, самая популярная в бытовых конфликтах. Модель устойчивая — «*иди/ пошел/пошла на/в...*», лексическое наполнение зависит от степени конфликта и типа речевой культуры коммуникантов — от табуированной до грубо-просторечной:

- 1) — *Иди ты в баню/ и надолго...!!!*;
- 2) — *Пошла к черту/ надоела...!!!*
- 3) — *Слышь/ пошел в ж...у...!!!*;
- 4) — *Иди на фиг к чертовой бабушке...!!!*
- 5) — *А не пошла бы ты на х...!*

Есть и эвфемизмы, смягчающие негативную коннотацию конфликтного дискурса типа: — *Пошла ты на хутор бабочек ловить, дура... !!!*; — *Иди ты лесом !!!*; — *Пошла бы ты на... / художника учиться //* и т. п. Но по эвфемизму всегда понятно, какое слово он заменил.

Отсылы, подобные (5 пример), являются самыми оскорбительными в конфликтной коммуникативной практике. Что касается калмыцких вкраплений, в этой

тактике они не встретились.

6. Тактика грубого прерывания коммуникативного контакта в своем названии уже обозначила цель — завершить общение. Как правило, это глаголы-императивы от вполне литературных *молчи* и *замолчи* до разговорно-сниженных, просторечно-пренебрежительных, грубых типа *заткнись*, *замолкни*, выражения *закрой рот*, *прикуси язык*, *аман ха (рот закрой)*, *ду таср (заткнись)*, *келян зу (прикуси язык)*, *бичя хуц / хуцада, хуцгод (не гавкай)* и т. п. Активны и +императивно-побудительные слова типа *хватит*, *болх*, *уймись*, *достаточно*, разговорные междометия типа *цыц*, *стоп*, *хоре*, *баста* и т. п. Примеры:

- 1) — *Бичя хуц я сказал / хватит...//;*
- 2) — *Да заткнешься ты наконец, а?;*
- 3) — *Аман ха говорю аман ха... //;*
- 4) — *Сиди тихо вообще ду таср ! / дождешься щас...// ;*
- 5) — *Закрой свой поганый рот / гадина...//;*
- 6) — *Хоре я сказал! / Офигела совсем//;*
- 7) — *Стоп! / достала уже//.*

Все языковые средства (даже литературные и, казалось бы, нейтральные), реализующие эту тактику/субжанр, поддержаны ситуативно и интонационно. Именно интонация передает негативную, агрессивную интенцию, транслируя откровенную грубость.

7. Тактика констатации некомпетентности ориентирована на собеседника с целью его дискредитации:

- 1) — *Вечно ты ... бесполезный ну такой.../ рукож...ный //;*
- 2) — *Толку от тебя / руки из одного места...//.*

Высказывания могут включать в себя квалификатив, порой авторский (*рукож...ный; неумеха*), структуры могут быть разного типа, но непременно с дискредитирующим смыслом (*Никогда ничего не можешь сделать по-человечески //; Лучше не просить тебя, а сделать самому, чтобы не переделывать //; Толку от тебя / кюн болигоч // (не станешь человеком)* и т. п.). Здесь нагрузку по трансляции интенции берет на себя лексика.

8. Тактика возмущения, типичная для начала ссоры, транслирует отрицательную реакцию на действия, в том числе и речевое (высказывание) собеседника. Как правило, это модели вопросительные и восклицательные, очень эмоциональные — *с ума сошел?*, *сдурел?*, *очумел?* и т. п. Бывают нецензурные лексемы-вербативы, производные от табуированных существительных и т. п. Есть даже устойчивые разговорные выражения (*с дуба рухнул?*; *в детстве на пол не роняли?* (иронич.), *какого черта!*, *какого лешего!*, *с какой стати*, *с какой такой грушки-петрушки*, *какого фига* и т. п.), закрепленные за этой тактикой/субжанром. Например:

- 1) — *Ты офигел? / Совсем придурок? / Кто так делает?!//;*
- 2) — *Вы цугтан /адржанат что ли!? / Все сразу с ума походили?!//;*
- 3) — *Спятил, да? / Чеканушка...//;*
- 4) — *Гярглж,анач?/ Совсем уже?!//*
- 5) — *Звезданулся что ли?! Совсем идиот?!//*
- 6) — *С дуба рухнул?! / Ну даешь! //*
- 7) — *С какой такой грушки-петрушки я должна?! / Спятила совсем?...//*

Встретилось калмыцкое выражение *уксян хяняч?* (букв.: *смерти ищешь?*), которое переводится в словаре Б.Д. Муниева, как *какого лешего/черта* [Муниев, 1977: 237]. Это устойчивое оформление субжанра возмущения, на наш взгляд, в РРР калмыков:

- 8) — *Уксян хяняч? Что ты лезешь не в свое дело??? //*

9. Тактика насмешки транслирует иронию/сарказм, может реализовываться на любой фазе конфликта. Правда, исследователи отмечают, что именно насмешка часто является толчком, запускающим механизм конфликта. Оформляется эта тактика/субжанр при помощи характеризующих слов — существительных-квалификативов (*красавчик, придурки, гигант мысли, бедолага, бедняжка* и т. п.) и эпитетов (*(самый) умный, честный, великий, достойный* и т. п.). Часто используется прием противопоставления (антитеза: *мы придурки — ты красавчик; ты умная — где уж нам*). Примеры:

- 1) — *Да, правильно / мы все придурки, а ты у нас красавчик...//;*
- 2) — *Ну да, ты же самая умная / где уж нам уж ...//;*
- 3) — *О/ гигант мысли, отец калмычкой демократии/ долго думал? //;*
- 4) — *Вот бедолага, обидели ее / не обижайся, а то быть тебе водовозом...//;*
- 5) — *О да / красота — страшная сила / и глядя на тебя все страшнее становится//*

10. Тактика колкости имеет в основе своей намек, некий подтекст. За вполне безобидными фразами, словами кроется второй смысловой план, нуждающийся в декодировании. Это своего рода игра смыслами, причем негативными. Например:

1) *А: — Вот сижу я тут с тобой и просто так запросто общаюсь, а в это время моя жена с самим Я-ским обедает!//*

Б: — Да? Только обедает? / Точно?//

А: — ... не... не знаю... //;

2) *П: — Я не пойму никак, что надо / или как / не принимает Москва отчет этот//*

Н.: — Не удивительно / в польтах по колидору в раблаторию //;

3) *М: — Девушка, давайте потанцуем/ сюда/ в центр//*

Д: — Нет / спасибо / я уже ухожу //

М: — Что так? Почему?//

Д.: — Да/ кругом одни гасконцы//;

4) *А: — Слышала / Вас в депутаты / выдвинули так сказать?//*

Е: — Да / вот...// глава оказал доверие...//

А: — Да-а?/ Вот интересно / как это главе пришло в голову оказать доверие именно Вам? //

Е: — Да пошла ты...//

5) *И. (незамужняя подчиненная начальнику): — Извините, но почему Вы не отвечаете? / Я же вам все утро звоню //*

Б: — И. А., у меня выходной/ почему я должен в свой выходной отвечать? / У меня семейные дела / я занимаюсь семьей в выходные свои...//

И (с обидой): — Зачем хамить-то?

Особых моделей в оформлении этой тактики нет, тут уже авторские пристрастия и предпочтения, отражающие особенности языковой личности.

11. Тактика упрёка — это проявление неудовольствия, обвинения по отношению к собеседнику, появляющаяся в любой момент разворачивания конфликта. Упрёки направлены на понижение самооценки и внушение чувства вины. Например:

1) — *Ой ну тебя / ты опять забыл о чем тебя просила...//;*

2) — *Ты раньше не был таким / это все твоя мама...//;*

3) — *Как всегда / зачем о других думат ь/ лишь бы самому хорошо было...//;*

4) — *Ты забыл, что дядя для тебя делал? / Нехорошо это ...// Помогли его детям...//;*

5) — *Да вы уже третий год с завидным постоянством не помните когда у матери день рождения//;*

б) — *Знаешь, ты очень изменилась / далеко не в лучшую блин сторону...//*

Лексика отражает недовольство поведением, личностными качествами оппонента, игнорирующего автора или кого-то еще (это его мнение) по какому-то моменту (*забыл, не помнишь, не был таким, доверял больше, изменился сильно и т. п.*).

12. **Тактика обвинения** — разновидность упрека, но более грубого и агрессивного. Например:

1) — *Какого хрена ты сидишь в телефоне и ничего не делаешь? / Прихожу с работы убитая и тут еще горбатиться! / Бездельник!//;*

2) — *Я вот что думаю / ты неадекват / потому что если ты нигде ни с кем ни на какой работе поладить не можешь значит ты ненормальный!//;*

3) — *Скотина тупорылая / у тебя одна обязанность — учиться / все/ от тебя никто ничего не требует и не ждет / а ты, тупица, никаких усилий не прикладываешь...//;*

4) — *Просто скотинище ты же просто / никакого толку от тебя / жрешь и спишь / и пьешь периодически беспробудно / мне еще тебя содержать, тварюга? //*

Обвинения сопровождаются инвективой (в т.ч. и табуированной), нецензурной бранью.

13. **Тактика демонстрации обиды** начинает или завершает конфликт. Объект недовольства — речевое поведение одного из коммуникантов. Типичная синтаксическая модель — императив со значение пресечения действий *прекрати / не смей* + характеристика и обозначение действия или вопросительно-восклицательные структуры:

1) — *Не смей так со мной разговаривать! //*

2) — *Прекрати говорить со мной в таком тоне! //*

3) — *Ты чего орешь на меня? Как ты смеешь? //*

4) — *Ты почему со мной так разговариваешь? //*

5) — *Немедленно поменяй тон/ совсем обнаглел...//*

6) — *Это что за слова такие? Что за поведение? //*

14. **Тактика молчания** невербальна. Демонстрируя в зависимости от конситуации различные эмоции (недовольство, угроза, упрек, обвинение, обида), она транслирует смысловые тонкости невербальными средствами (мимика, жест, поза и пр.) и самим фактом безмолвия.

Итак, мы сделали попытку анализа языковых средств, выражающих агрессию в разных тактиках/субжанрах бытового конфликта. В зависимости от тактик/субжанров и интенций были определены синтаксические и лексические особенности языкового их оформления. Кроме того, были выявлены некоторые региональные языковые особенности языкового проявления агрессии в деструктивных субжанрах повседневности. В целом, к универсальным языковым средствам отнесем инвективную, обценную лексику, устойчивые обороты, встречающиеся в 13-ти тактиках (кроме тактики молчания). Источниками происхождения инвектив являются пейорация и эвфемия как способы переосмысления лексем литературного пласта. Инвективные элементы бывают: 1) общего плана (*гад, тварь, негодяй* и т. п.); 2) зоосемантизмы (*скотина, ишак* и др.); 3) фразеологизмы и аллюзии (*черт лысый/рогатый; гигант мысли* (иронич.)); 4) скатологизмы (*дерьмо, говно, бааста-шеестя* и т. п.); 5) эпитеты-усилители (*настоящая скотина, полный идиот, конченный придурок, криповый тип, кринжовый чувак*), которые также могут быть субстантиватами (*На больного не обижаются //; — Что с психованного взять?//*). Тематически инвективный компонент обозначает недостатки в сферах умственного развития, отклонения в здоровье (*псих, придурок, идиот, дебил, калека, инвалид*), внешности человека (*урод, жаба, корявая, страхопёр*); черт характера и асоциального поведения (*вор, мошенник, скупердяй,*

жмот, наркота, алкаш, соктырь, скандалистка, аферист.).

За некоторыми субжанрами закреплены **синтаксические модели** как их типичное оформление, хотя в живой речи сложно что-либо прогнозировать. Так, *инвектива*, как правило, реализуется в моделях **Appel** (обращение); **(adj)N1/2**; **тактика угрозы** в моделях «Если не..., то...», **императив** (тактика прерывания контакта), *(a to)...*; вопрос/утверждение + угроза; глагол-каузатор + угроза; **тактике проклятия** свойственна модель *слово-перформатив* (*проклинаю, будь проклят*) + факультативное расширение контекста (*до седьмого колена*), а калмыцкие харалы фразеологизированы; тактике злопожелания свойственна модель «(Да) чтобы ты / у тебя + собственно злопожелание»; модель **тактики отсыла** устойчивая «*иди/ пошел/пошла на/в...*»; **тактика грубого прерывания контакта** представлена глаголами-императивами (*Imprativ*), устойчивыми выражениями, включающими императив (*закрой рот — аман ха*), императивно-побудительные слова (*хватит, болх, уймись*); разговорными междометиями (*цыц, стоп, хоре*); **тактика констатации некомпетентности** в синтаксические структуры, ее реализующие, включает компонент дискредитации — квалификатив (*рукож...ный; неумеха*), структуры могут быть разного типа, но непременно с дискредитирующим смыслом (*Никогда ничего не можешь сделать по-человечески*); **тактика возмущения** реализуется в вопросительных/восклицательных моделях очень (*с ума сошел?!; явно сдурел!; с дуба рухнул?!*); **тактика насмешки** больше семантически за счет слов-квалификативов (*красавчик, самый умный*), однако часто используется такая фигура, как антитеза (*мы придурки — ты красавчик; ты умная — где уж нам*); тактика демонстрации обиды синтаксически оформляется как императив со значение пресечения действий (*прекрати / не смей*) + характеристика и обозначение действия или вопросительно-восклицательные структуры (*Как ты смеешь...?*). Тактики колкости, упрёка и обвинения синтаксически не привязаны к схемам, моделям, они, на наш взгляд, семантически.

Калмыцкие вкрапления в целом используются в рамках общих тенденций (инвективы (*олькчи, гярг*), в т.ч. зоосемантизмы (*гаха, ноха*), устойчивые выражения: *махлата мал — глупец, тупица; толга чикн уга — голова без ушей* (о человеке, не умеющем слушать, невнимательном). В тактике/субжанре проклятия, представляющего собой отражение древних магических текстов, харалы в зависимости от смысла распределились между тактиками проклятия и злопожелания (проклятия: *тохм таср — пусть прервется род, эзьянь толга кемл — будь проклят; хар газрт шаагд — сдохни*; злопожелания: *келнд моом харг — чтоб на языке опухоль вышла; эзьян зальг — пропади пропадом*). «Самыми страшным проклятием для калмыков — остаться бездетными, поэтому они обращаются к гелюнгам (буддийским священникам), чтобы снять воздействие харалов при помощи различных обрядов (например, «отрезание черного языка»), ритуалов (в ответ на проклятие необходимо было произнести: «Пусть твое проклятие станет благопожеланием», ибо благопожелание считалось сильнее любого проклятия) и верят в силу оберегов. Суеверные калмыки боялись произносить харалы. Считалось, что проклятия имеют силу бумеранга: в конечном счете страдал сам проклинающий» [4, с. 145]. Также отметим, что в русской разговорной речи калмыков выражения *тохм таср* и *эзьян зальг(-сн)* функционально работают как междометия, восклицания, выражающие досаду, недовольство, раздражение; выражение *уксян хьяняч?* (букв.: *смерти ищешь*) — устойчивое оформление субжанра возмущения (*Уксян хьяняч? — Что ты лезешь не в свое дело?!*).

Исследуемая русская разговорная речь представляет собой региональный вариант разговорной речи, особенностью которого является присутствие национального компонента, используемого коммуникантами в рамках общих тенденций конфликтного дискурса. В жанровом пространстве непосредственного неофициального конфликтного

дискурса национальный компонент поддерживает коммуникативную цель тактик/субжанров ссоры, усиливая негативную иллюзию (например, побуждает адресата к определенным действиям, оценивает ситуацию, даёт выход отрицательным эмоциям и т. п.), высвечивая его прагматические характеристики, создавая национально-региональный колорит речи.

ЛИТЕРАТУРА

1. Борджанова Т.Б. Магическая поэзия калмыков. Исследование и материалы / Т.Б. Борджанова. — Элиста: Калм. кн. изд-во, 1999. — 186 с.
2. Енина Л.В. Катартический характер речевой агрессии в сверткесте лозунгов и источники ее смягчения / Л.В. Енина // Вопросы стилистики: Антропоцентрические исследования. Вып. 28. — Саратов: СГУ, 1999. — С. 222-231.
3. Калмыцко-русский словарь / под ред. Б.Д. Муниева. — М.: РЯ, 1977. — 768 с.
4. Манджиева Э.Б. Формульные выражения традиционного этикета в русской и калмыцкой лингвокультурах: дис. ... канд. филолог. наук: 10.02.20 — сравнительно-историческое, типологическое и сопоставительное языкознание / Манджиева Элина Борисовна — Волгоград, 2009. — 200 с.

Поступила в редакцию 14.04.2023 г.

A. A. Kerimova

LINGUISTIC MEANS OF EXPRESSING AGGRESSION IN EVERYDAY COMMUNICATION

The article attempts to reveal the linguistic features of the speech aggression manifestation in the regional variant (the territory of the Republic of Kalmykia) of the Russian colloquial speech on the example of the speech genre of a quarrel. Depending on the tactics/subgenres and intentions, the syntactic and lexical features of their linguistic formation were determined. The universal linguistic means include stylistically reduced vocabulary, stable expressions that work in all tactics (except the tactics of silence). In addition, some regional peculiarities of the linguistic manifestation of aggression in destructive subgenres of everyday life were identified.

Key words: *Russian colloquialism, subgenre/tactics, speech genre, aggression, quarrel, communicators, invectives*

Керимова Александра Андреевна.

Калмыцкий государственный университет имени Б. Б. Городовикова, г. Элиста, РФ.

Магистрант.

E-mail: elinamandzhieva@yandex.ru

Kerimova Alexandra Andreevna.

Kalmyk State University named after B. B. Gorodovikov, Elista, RF.

Undergraduate.

E-mail: elinamandzhieva@yandex.ru

Манджиева Элина Борисовна.

Кандидат филологических наук, доцент.

Калмыцкий государственный университет имени Б. Б. Городовикова, г. Элиста, РФ.

Доцент кафедры русского языка и общего языкознания, русской и зарубежной литературы.

E-mail: rigzelc@gmail.com

Mandzhieva Elina Borisovna.

Candidate of Philological Sciences, Associate Professor.

Kalmyk State University named after B. B. Gorodovikov, Elista, RF.

Russian Russian Language and General Linguistics, Russian and Foreign Literature Department

Associate Professor.

E-mail: rigzelc@gmail.com

81'373.49

*А. Р. Кулакова**Российский государственный педагогический
университет имени А. И. Герцена**(Научн. рук. — канд. филол. наук, доц. Д. В. Салмина)*

ЭВФЕМИСТИЧЕСКИЕ ЗАМЕНЫ В ОНЛАЙН-ПУБЛИКАЦИЯХ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОГО ХАРАКТЕРА И ЗОНЕ ЧИТАТЕЛЬСКИХ КОММЕНТАРИЕВ: МЕХАНИЗМЫ СОЗДАНИЯ И КЛАССИФИКАЦИЯ

В статье на материале новостных порталов интернет-изданий рассматриваются виды эвфемистических замен в современном общественно-политическом интернет-дискурсе. В ходе предпринятого анализа были выделены два основных тематических поля эвфемизмов: «Пандемия» и «Война». Установлено, что ядром тематического поля «Война» оказывается эвфемизм «спецоперация». Выявлено, что в зоне читательских комментариев наиболее активными языковыми единицами оказываются дисфемизмы.

Ключевые слова: эвфемизмы, эвфемистические замены, интернет-дискурс, манипуляция, язык СМИ.

Очевидно, что на протяжении последнего десятилетия современный русский язык, и не в последнюю очередь, язык СМИ, подвергся серьёзным изменениям. В частности, политические события, связанные с военными действиями в различных точках мира, значительно способствовали стремительному расширению лексического состава русского языка за счет заимствований и неологизмов, описывающих новые явления и предметы, окказионализмов и, что наиболее важно для представленной работы, эвфемизмов. Эти события стали своеобразным импульсом к словотворчеству. В речи политиков, журналистов и рядовых носителей языка стали активно использоваться перечисленные лексические единицы.

Эвфемизмы, по справедливому мнению исследователей, — это один из способов речевого воздействия на читателя, в языке СМИ они способствуют реализации манипулятивной функции. Под термином «манипуляция» понимается «осуществляемое средствами коммуникации скрытое воздействие на человека, которое имеет целью изменение его эмоционально-психологического состояния» [13, с. 97]. Согласно точке зрения А.А. Казакова, «медийно грамотная личность должна просто всегда держать в голове тот факт, что ею в принципе могут манипулировать» [3, с. 87]. Представляется, что понимание семантики эвфемизма способствует распознаванию манипуляций в языке СМИ.

Для того, чтобы осуществить классификацию эвфемистических замен, а также распознать механизмы их создания, необходимо обратиться к дефиниции термина «эвфемизм» и соотнести его с термином «эвфемистическая замена». Первым авторитетным исследователем явления эвфемии следует считать Б.А. Ларина, понимавшего «эвфемизмы» как «дозволенные и пристойные наименования, по природе своей перифрастические или образные, скрывающие свой предмет, отвлекающие от его узнавания...» [7, с. 111]. Одним из наиболее развернутых является, на наш взгляд, определение В.П. Москвина, который характеризует эвфемизмы как «лексические единицы или выражения, используемые для замены такого прямого наименования, употребление которого представляется говорящим неуместным (то есть табуируемым) в данной конкретной ситуации» [9, с. 6]. Основываясь на исследованиях Б.А. Ларина [7, с. 111], А.М. Кацева [4, с. 79], Л.П. Крысина [6, с. 28] и В.П. Москвина [9, с. 6], Ч. Кейни [15, с. 249], а также, обратившись к лексикографическим работам Е.П.

Сеничкиной [14, с. 7] и М.Л. Ковшовой [5, с. 3], определим термин «эвфемизм» следующим образом — это обусловленное определенной ситуацией слово или выражение, заменяющее грубое, неприличное, нетактичное или неприятное явление действительности на нейтральное, смягчающее, приемлемое для коммуниканта наименование.

Следует сказать, что термины *эвфемизм* и актуальное для нашей статьи терминосочетание *эвфемистическая замена* полагаются синонимичными во многих работах авторитетных исследователей, примером этого могут служить исследования в этой области Л.П. Крысина [6, с. 32].

В процессе анализа более 30 интернет-изданий, был произведён отбор эвфемистических замен, на основе которых была осуществлена тематическая классификация, во многом базирующаяся на исследованиях Л.П. Крысина [6, с. 35], и А.М. Кацева [4, с. 79]. В центре внимания находятся два тематических поля, которые, как нам кажется, наиболее активны и актуальны в контексте современной социокультурной ситуации. Такими тематическими полями стали не рассматриваемая ранее группа эвфемизмов «Пандемия» и традиционно выделяемая при классификациях группа «Война», существенно расширившаяся из-за публикаций, посвященных войне на территории Украины.

Рассмотрение упомянутых тематических полей следует начать с наименее изученного поля «Пандемия». Эвфемистические замены периода пандемии появляются в общественно-политическом дискурсе, так как с очевидностью призваны способствовать снижению паники у населения, стабилизации эмоционального состояния граждан, и, в какой-то степени, помогают повысить доверие народа к правительству. Эвфемизация, связанная с полем «пандемия», касается информации о количестве заболевших, о симптомах коронавируса, последствиях заболевания, «антиковидных мерах» правительства, экономических последствиях кризиса, возникшего в период пандемии. Последнее оказывается, на наш взгляд, в тесной связи с политическим дискурсом.

В первую очередь, «ковидная эпоха» ассоциируется с введением «локдауна», «нерабочих дней», «длинных каникул». Эти номинации являются примером того, как вуалируется гораздо более прямое и очевидное обозначение этих явлений посредством хорошо всем известного и несколько пугающего слова «карантин». В наиболее актуальном Большом толковом словаре современного русского языка под ред. С.А. Кузнецова (далее БТС) дается следующее определение: КАРАНТИН, -а; м. 1. Временная изоляция больных и лиц, соприкасавшихся с ними, для предупреждения дальнейшего распространения эпидемических заболеваний <...> [БТС].

Лексема «локдаун» не представлена в авторитетных словарях русского языка, поэтому обратимся к Оксфордскому словарю английского языка: lockdown noun <...> an official order to control the movement of people or vehicles because of a dangerous situation. Перевод: *официальный приказ контролировать движение людей или транспортных средств из-за опасной ситуации*. «Локдаун» является семантически более широким понятием, включающим в себя и понятие «карантин». Эвфемизация происходит за счёт замены понятного для носителя русского языка слова на иноязычное, которое, как нам кажется, не имеет негативную коннотацию, поскольку оно не функционирует столь активно в русском языке и не вызывает ассоциации, которые возникают при слове «карантин». «Нерабочие дни» и «длинные каникулы» являются еще более мягким обозначением лексемы «карантин». В современном дискурсе упомянутые перифразы подразумевают ограничение перемещения граждан, ограничение в работе инфраструктур, однако несут более положительную коннотацию, чем слово «карантин». Согласно Русскому ассоциативному словарю Ю.Н. Караулова

[12], слово-стимул «каникулы» вызывает такие очевидно положительные реакции как «ура», «отлично», «хорошо», «отдых». Это подтверждает возможную мотивированность использования этого слова вместо лексемы «карантин».

К экономическим, а значит, связанным с политическим дискурсом, последствиям пандемии относят дефицит товаров. Из-за повышения уровня заболеваемости коронавирусом повысился спрос на лекарства и продукты первой необходимости, что привело к их дефициту. Лексема «дефицит» заменяется на семантически нейтральный перифраз «ускоренное выбывание», или описывается через заимствованное слово «ажитаж», которое как будто бы не вызывает жёстко негативных ассоциаций у носителей русского языка. Например: *«Повышенный спрос на сахар привел к ускоренному выбыванию» товара с полок...* (Российская газета 30.03.2022). *«Ажитаж в продовольственных магазинах уже идет на спад и окончательно завершится в ближайшие дни»* (РБК 18.03.2020).

Не менее актуальным в контексте заявленной темы представляется тематическое поле «Война». «Военные эвфемизмы» — «эвфемизмы, функционирующие в политических текстах, целью которых является смягчение негативных ассоциаций, связанных с некоторыми фактами войны, часто за счет искажения смысла описываемого факта» [10, с. 708]. Война является одной из наиболее актуальных сфер для функционирования эвфемизмов, которые используются правительством и провластными СМИ, чтобы граждане государств меньше обращали внимание на последствия войн. Исследователь А.Ю. Миронина отмечает, что «косвенно-номинативной замене подвергаются не только военные действия, но и сами участники конфликтов» [8, с. 100]. Эвфемизмы военного дискурса могут быть разделены на несколько тематических групп. В представленной статье будут рассмотрены две основных группы.

1. Эвфемистические замены, описывающие собственно войну и ход боевых действий. Сегодня наиболее актуальна маскировка термина «война» с помощью эвфемизмов: конфликт, спецоперация, гуманитарная катастрофа, конфронтация: *«Повстанческие силы Народного фронта освобождения Тыгряя (НФОТ) в июле начали операцию против федеральных войск»* (ТАСС 09.10.2021). *«Ливан и ирано-арабская конфронтация»* (EurAsia Daily 04.11.2021). *«Кадыров объявил о «конкретной» спецоперации на Украине»* (Лента.ру 18.04.2022).

Следует выделить из этого ряда эвфемизмов лексему «конфликт», которая укрепилась в нашем языковом сознании и стала уподобляться слову «война». Если решением «конфликта» может быть диалог, то «война» подразумевает использование физической силы, информационных диверсий. В БТС представлено второе значение в лексеме «конфликт», несущее в себе семы, связанные с «войной». Однако «осложнение» звучит мягче, чем «борьба» в лексеме «война». КОНФЛИКТ, -а; м. 2. *Осложнение* в международных отношениях. Военный к. Пограничный к. Вооружённый к. Урегулирование международных конфликтов <...>. ВОЙНА, -ы; мн. войны, войн; ж. 1. Вооружённая *борьба* между государствами, народами, племенами и т. п. или общественными классами внутри государства <...>.

Особое внимание стоит уделить эвфемистической замене «специальная военная операция» / «спецоперация» / «СВО», поскольку она является ядром описываемого тематического поля. События в восточной части Украины, обострившиеся 24.02.2022, несомненно, являющиеся трагедией для всех славянских народов, бесспорно могут быть названы только прямо — война. Однако российские СМИ последовательно обходят стороной подобную номинацию, используя более нейтральное определение «специальная военная операция». Согласно БТС, вторая семема лексемы «операция»

трактуются так: ОПЕРАЦИЯ, -и; ж. <...> 2. Совокупность боевых действий, **объединенных одной целью, одним заданием.** <...>.

Прямая номинация «война» исключается из языка СМИ и речи политических лидеров, поскольку эта лексема является важным концептом для русской языковой картины мира. По утверждению М.А. Потапчук, «война в русском сознании воспринимается как тяжёлое испытание в судьбе народа и человека, которое позволяет лучше раскрыть общенациональный характер» [11, с. 51]. Для русской языковой картины мира скорее характерна оборонительная, отечественная война, а поскольку «СВО» касается не только территории Российской Федерации, то носителям языка сложно соотнести эти действия с «народным испытанием». Помимо этого, в толковании лексемы «операция» есть семы, смысл которых вписывается в действующий политический курс и обосновывает решение о начале «СВО» — это «одна цель, одно задание», поскольку представители власти не раз повторяли, что целями «СВО» являются «денацификация и демилитаризация» Украины.

2. Эвфемистические замены, вытесняющие подлинные обозначения различных видов оружия и военных объектов.

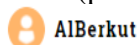
В современной политической ситуации особенно остро поднимается вопрос о применении химического и биологического оружия как наиболее антигуманного и уничтожительного, поэтому эвфемистические замены подобного вида оружия активно функционируют в политических онлайн-публикациях: «... в пригороде Дамаска Гуте был применен фосфорорганический отравляющий **химагент** зарин» (Взгляд. Деловая газета 30.04.2021). «Одной из задач США и их союзников является создание **биоагентов**, которые могут выборочно поражать разные этнические группы населения, в том числе славян» (Лента.ру 10.03.2022).

Эти примеры базируются на лексеме «агент», актуальное значение которой представлено в оттенке значения второй семемы в словарной статье БТС. Лексема имеет помету «книжное». Использование книжных слов характерно для эвфемизации, помимо этого, слово «агент» имеет более абстрактное и нейтральное значение, чем лексема «оружие», которую она заменяет: 2. АГЕНТ, -а; м. Книжн. Причина, условие, фактор, вызывающие те или иные явления <...> // Действующее начало, являющееся составной частью чего-л. <...>.

Описывая эвфемизмы как единицы языка, не стоит опираться лишь на онлайн-публикации общественно-политического характера, поскольку, очевидно, что подобные тексты создаются с учётом требований изданий, цензурных ограничений, идеологической установки. Чтобы понять, как функционируют эвфемистические замены в живой речи современной языковой личности, была предпринята попытка обратиться к зоне читательских комментариев. В читательских комментариях к политическим онлайн-публикациям преобладают дисфемизмы. В Словаре лингвистических терминов О.С. Ахмановой дисфемизм понимается как «троп, состоящий в замене естественного в данном контексте обозначения какого-л. предмета более вульгарным, фамильярным или грубым; противоп. эвфемизм» [1, с. 132]. Сложность в отнесении к эвфемизмам или дисфемизмам тех или иных лексических единиц обуславливается тем, что содержание понятий «негативное» и «нежелательное» в неофициальном общении, то есть в комментариях к политическим онлайн-публикациям, зависит от индивидуальных характеристик языковой личности, имеет субъективный характер и обусловлено опытом каждого отдельного человека. Таким образом, прослеживается значительное влияние экстралингвистического фактора на отнесение единицы к эвфемизму или дисфемизму. Помимо этого, пользователи часто

используют эвфемизм вслед за автором публикации, иногда изменяя его, обыгрывая, проводя языковую рефлексию над эвфемистической заменой.

Обратимся к «ветке» комментариев к публикации, связанной со «спецоперацией» на Украине (рис. 1).

© 29 Апр 2022 в 12:23

А сколько всего целей в этом сафари?

(рис. 1)

Показательным дисфемизмом является лексема «сафари» (рис.1) в значении «война», демонстрирующая пренебрежительное и циничное отношение автора комментария к происходящим военным действиям. Обратимся к толкованию лексемы «сафари» в БТС, а именно к первой семеме: САФАРИ, неизм.; ср. 1. *Охота* на диких зверей в специальном заповеднике <...>. Методом ступенчатой идентификации обнаруживается актуальная для анализа сема. При рассмотрении третьего лексико-семантического варианта лексемы «охота» выделяется сема «забава»: ОХОТА, -ы; ж. <...> 3. Старинная *забава* людей привилегированных сословий <...>. На основе этого метода можно предположить, что автор комментария приравнивает понятия «война» к понятию «забава».

В читательских комментариях подвергаются индивидуально-авторской дисфемизации имена политических деятелей. Так, пользователи называют китайского лидера Си Цзиньпина «дядюшкой Ляо с али экспресс», а турецкого президента Реджепа Эрдогана «другом-в-спину с пролива Босфор» (рис. 2). Можно сказать, что это окказиональные дисфемистические речения, которые демонстрируют негативное отношение пишущего к политикам. Определение подобных перифразов как «речений» видится необходимым, поскольку этот языковой материал не однословен, более того, не является даже словосочетанием в привычном понимании, потому требует иного определения. Термин «эвфемистическое речение» используется вслед за Б.А. Лариным, использовавшим его в работе «Об эвфемизмах» [7, с. 122]. Автор речения за многословностью скрывает денотат и одновременно использует несколько характерных ему атрибутов, чтобы «узнавание» было возможным, а также для создания комического эффекта. Целью такой замены является демонстрация пренебрежительного и недоверительного отношения к политикам. При этом, в зоне читательских комментариев полностью утрачивается манипулятивный потенциал замен. Следует отметить, что такие речения требуют фоновых знаний экстралингвистического характера, чтобы быть понятыми читателем.

© 27 Апр 2022 в 14:20

Что за беспилотник?

От дядюшки Ляо с али экспресс или от 'друга-в-спину' с пролива Босфор?

(рис. 2)

Завершая обсуждение заявленной темы, подчеркнём, что целью использования политических эвфемизмов является сокрытие действий власти и манипулирование сознанием граждан. Однако подобная цель реализуется в статьях и публикациях СМИ и журналистов, лояльных к власти, в комментариях чаще происходит «обыгрывание» эвфемизмов, языковая рефлексия над ними, переходящая в противоположное явление дисфемии, соотносящееся с эвфемией в конечном «размывании смыслов» денотатов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов / О.С. Ахманова. — М.: Сов. энциклопедия, 1969. — 132 с.
2. Большой толковый словарь русского языка. Гл. ред. С. А. Кузнецов. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://gramota.ru/slovari/info/bts/>.

3. Казаков А.А. Способы противодействия политическим манипуляциям в СМИ // Изв. Саратов. ун-та Нов. сер. Сер. Социология. Политология. 2018. №1. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/sposoby-protivodeystviya-politicheskim-manipulyatsiyam-v-smi>. — 87 с.
4. Кацев А.М. Языковое табу и эвфемия / А.М. Кацев. — Л.: Изд-во ЛГПИ, 1989. — 79 с.
5. Ковшова М.Л. Семантика и прагматика эвфемизмов. Краткий тематический словарь современных русских эвфемизмов. — М.: Гнозис, 2007. — 3 с.
6. Крысин Л.П. Эвфемизмы в современной русской речи / Л.П. Крысин // Русистика. — Берлин, 1994. — № 1-2. — С. 28-35.
7. Ларин Б.А. Об эвфемизмах / Б.А. Ларин // Проблемы языкознания: Сб. статей, посвященный 75-летию акад. И.И. Мещанинова; Отв. ред. Ю.С. Маслов. — Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1961. — 111-120 с.
8. Миронина А.Ю. Война как объект эвфемизации в политическом дискурсе // Вестник ВятГУ. 2014. №8. — Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/voyna-kak-obekt-efemizatsii-v-politicheskom-diskurse>. — 100 с.
9. Москвин В.П. Эвфемизмы в лексической системе современного русского языка / В.П. Москвин. — Волгоград: Перемена, 1999. — 6 с.
10. Новицкая О.В. Эвфемизмы как универсальный языковой элемент (на материале русского и нидерландского языков) // Русский язык во времени и пространстве: доклады XII конгр. МАПРЯЛ. / отв. ред. Б. Д. Пак. Шанхай, 2011. — 708 с.
11. Потапчук М. А. Концепт «Война» в русском языке и культуре // Челябинский гуманитарий. 2011. №4 (17). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kontsept-voyna-v-russkom-yazyke-i-kulture>. — 51 с.
12. Русский ассоциативный словарь. В 2 т. / Ю.Н. Караулов, Г.А. Черкасова, Н.В. Уфимцева, Ю.А. Сорокин, Е.Ф. Тарасов. — М.: ООО «Изд-во Астрель»; ООО «Изд-во АСТ», 2002. URL: <http://thesaurus.ru/dict/>.
13. Седов К. Ф. Агрессия и манипуляция в повседневной коммуникации // Юрислингвистика. 2005. №6. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/agressiya-i-manipulyatsiya-v-povsednevnoy-kommunikatsii>. — 97 с.
14. Словарь эвфемизмов русского языка / Е.П. Сеничкина. — М.: Флинта: Наука, 2008. — 7 с.
15. Kany, Ch. E. American-Spanish Euphemisms. Berkeley, Los Angeles: University of California Press, 1960, VII, 249 p.

Поступила в редакцию 24.04.2023 г.

A. R. Kulakova

EUPHEMISMS IN ONLINE SOCIO-POLITICAL PUBLICATIONS AND READER COMMENTS SECTION: CREATION MECHANISMS AND CLASSIFICATION

The article deals with the types of euphemistic substitutions in modern socio-political online discourse on the material of online news portals. In the course of the undertaken analysis two main thematic fields of euphemisms were identified: "Pandemic" and "War". It was found that the core of the thematic field "War" is the euphemism "special operation". It was revealed that in the area of readers' comments the most active language units are dysphemism.

Keywords: *euphemisms, euphemistic substitutions, Internet discourse, manipulation, media language.*

Кулакова Анастасия Романовна.

Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена, г. Санкт-Петербург, РФ.
Магистрант.
E-mail: anastasiafr12102000@gmail.com

Kulakova Anastasia Romanovna.

The Herzen State Pedagogical University of Russia, RF.
Undergraduate.
E-mail: anastasiafr12102000@gmail.com

Салмина Диана Валентиновна.

Кандидат филологических наук, доцент.
Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена, г. Санкт-Петербург, РФ.
Доцент кафедры русского языка.
E-mail: diana.salminad.salmina@mail.ru

Salmina Diana Valentinovna.

Candidate of Philological Sciences, Associate Professor.
The Herzen State Pedagogical University of Russia, RF.
Associate Professor of the Russian Language Department.
E-mail: diana.salminad.salmina@mail.ru

УДК 811.161.1:81'373.43

А. А. Марушко, А. Е. Мишина
Кубанский государственный университет,
филиал в г. Славянске-на-Кубани
(Научн. рук. — д-р филол. наук, проф. М. Ю. Беляева)

РУССКИЙ НЕРУССКИЙ ЯЗЫК НОВООБРАЗОВАНИЙ КОРОНАВИРУСНОЙ ЭПОХИ

Статья посвящена особенностям взаимодействия исконного и заимствованного в производной лексике русского языка — новообразованиях с корнями *ковид-* и *корона-*, появившихся в период пандемии XXI в. (по материалам «Словаря русского языка коронавирусной эпохи» (Санкт-Петербург, 2021 г.).

Новообразования проанализированы с точки зрения их принадлежности к частям речи, способам и средствам словообразования, сферам употребления. Налицо преобладание имен существительных (82,3 от *ковид-*, 89 % от *корона-*). Количество иноязычных основ для новообразований оказывается не столь значительным: из проанализированных производящих слов с *ковид-* 56,3% являются заимствованными, 43,7 % — исконно русскими. Корень *корона-* служит маркером заимствованной лексики и способа сращения, *корон-* (-о-). маркирует исконную лексику и способ сложения слов (основ). Количество сращений значительно превышает количество сложений.

Ключевые слова: *ковид, коронавирус, новообразования, заимствование, сложение, сращение.*

В феврале 2023 года Государственной Думой во втором чтении было принято положение о защите русского языка. В качестве одной из проблем, стимулировавших появление данного документа, указывалось превалирование заимствованной лексики над отечественной при наличии исконных по происхождению аналогов. Мощный «вброс» заимствований в русский язык был вызван пандемией коронавирусной эпохи, начавшейся в 2019 году. Термин COVID расшифровывается как COronaVIrus Disease. Приведём несколько примеров слов, актуальных для этого периода: *ковид-заражённый, ковид-защита, коронагоспиталь, коронадепрессия, коронаугроза, коронавакцина, короновирально-русский, короноотделение.*

Столь значимое печальное событие, охватившее Европу, Азию, Америку, не могло не отразиться в сознании современников. О масштабе словарного бума в связи с пандемией говорит объём изданного в 2021 году «Словаря русского языка коронавирусной эпохи» — более 3500 слов [10], высоко оцененного научным сообществом [3]. При этом ковидная эпоха насчитывает всего несколько лет. «Языковой карнавал», «лингвистический «пир» — вот лишь некоторые характеристики лингвопсихологической реакции на пандемию коронавирусной инфекции COVID-19, на карантин и самоизоляцию, обусловленные ею [10, с. 4].

По признанию авторов «Словаря...», «словари, словарики, лексиконы ковидных слов стали трендом массмедиа, позволяющим обратить внимание читателей на тенденцию активного словотворчества, колоритную и самобытную языковую игру: в СМИ и интернете появилось значительное количество публикаций, содержащих фрагменты таких словариков» [10, с. 5]. В настоящее время появилось большое количество исследований явлений, связанных с пандемией ковида [2–5; 8–9; 11; 14]. Пандемия в целом и отдельные её составляющие (самоизоляция, масочный режим) рассматриваются в лингвокогнитивном аспекте [8; 9]. Многочисленные исследования посвящены языку эпохи коронавируса. Учёных интересует как семантика, тематические группы появившихся слов [2], так и их морфемная и словообразовательная структура [4; 14]. Делаются выводы о том, что новые слова и выражения не только фиксируют появление новых реалий жизни при коронавирусе, но и способствуют осмыслению изменившейся социальной реальности.

Характеризуются прагматические и стилистические особенности политических карикатур на тему covid-19 [11].

Ключевыми словами в этот период стали такие, как *ковид*, *коронавирус*. По подсчётам авторов словаря, с корнем *ковид*- образовано 1074 слова, с *корона*- — 1105 слов [10]. Именно эти слова момента были выбраны для того, чтобы показать, как в это время взаимодействуют в русском языке элементы исконного и заимствованного в производной лексике и морфодеривации. Известно, что новообразования раскрывают словообразовательные возможности языка, отражая определённые тенденции его развития. Была выдвинута гипотеза, согласно которой заимствования во флективном русском языке переживают процесс «обрусения» даже в период обвального поступления иноязычных терминов, характерных для ковидной эпохи.

Новообразования с *ковид*- и *корона*- //о-, были распределены нами по частям речи (Таблица 1).

Таблица 1 — Частеречная принадлежность новообразований с корнями *корона*-//о- и *ковид*-

п/п	Части речи	Примеры	Количество слов (%)	
			с корона-	с ковид-
	2	3	4	5
	Имя существительное	<i>ковид-аптека, ковид-борьба, корона-атака, коронамусор, корона-угроза, короноюмор</i>	89	82,3
	Имя прилагательное	<i>ковид-контактный, ковид-новостной, коронаустойчивый, коронаяшный</i>	10	15,6
	Глагол	<i>ковидоводствовать, ковидоносить, короноваться, коронавируснуть, коронафицировать,</i>	0,5	1,8
	Наречие	<i>ковидимо-невидимо, ковидно. коронавирусно</i>	0,2	0,3
	Категория состояния	<i>коронисто, коронаматорно, коронавирусно-просто</i>	0,3	-

Максимально представлены имена существительные — 89 % всех слов с *корона*-//о-, 82,3 — с *ковид*-. Это отвечает номинативным запросам общества, столкнувшегося с новыми явлениями, характерно для русского языка (реципиента) и английского (донора).

В то же время эти части речи выполняют, помимо назывной, функцию характеристики. С этой целью используется потенциал исконной лексики и морфемки.

Своё и чужое различаются сферами употребления и стилистическими характеристиками производящих слов. Значительное количество производящих принадлежит к заимствованной лексике:

- а) *ковид*-: *аут, бой, дайджест, пати, рейд, шоу*;

б) *корона-//-о-*: *джихад, джокер, зомби, камеди, коп, майдан, мэн, рэн, стикерс, сутра, тим, фейк, хакер, хейтинг, шериф, шопинг.*

Практически все заимствования пришли из английского языка, за редким исключением «слов момента» из украинского (*майдан*), арабского (*джихад*). Некоторые варваризмы сохраняют исконную форму с -ер: *ковид-трендсеттер, -инг (ковид.оуминг, коронахейтинг), -ейшн (коронасплоитейшн).*

Исконная лексика носит сниженный характер. Среди производящих слов отмечены:

- разговорные: с *ковид*: *бред, разнбой, халупа*;
- разговорно-просторечные: с *корона*: *жаба, хрень*;
- просторечные: с *корона*: *бардак, дурка, маразм, напасть, свинтус (шутл.), тварь*; с *ковид*: *хайпожёр*;
- арготические: с *корона*: *стукач, шиза, шняга.*

Использована безэквивалентная лексика, отражающая российскую действительность: *ковидобесие, ковидоликбез, ковидстукачество.*

Согласно нашим подсчётам, из 677 проанализированных слов с ковид-заимствованными являются 56,3% производящих, исконно русскими — 43,7%. Как видим, преобладание иноязычных основ для новообразований ковидной эпохи оказывается не столь значительным.

Прецедентных собственных имен в роли производящих для сложных по структуре слов в нашем материале встретилось немного. Они были поделены на две группы — неологизмы и окказионализмы. Первые приобрели широкую известность во многих регионах и социумах (*короногитлер, коронорусь, ковидобыль*), не требуя в конкретном тексте специальных пояснений; вторые понятны только в контексте или ситуации (*Короноквашино <Простоквашино: 'деревня, которую посещают персонажи детских книг писателя Э. Успенского и мультфильмов на их основе'*). Производные собственные имена немногочисленны, составляют, по нашим подсчётам, 0,78% от общего количества слов с *ковид-* и *корона- //-о-*, в т. ч. 0,28% с *ковид-* и 0,5 % — с *корона- / корон-*. Производящие собственные имена относятся к разным типам:

- антропонимы: *Гитлер (ковидогитлер), Мари (Ковид-Мари), Корона-Кумар, Путин (коронапутин), отец Ковидий*;
- топонимы: *Америка (коронамерика), Простоквашино (Короноквашино), Русь (коронорусь), Франция (корона-франция)*;
- хрононимы: *Армагеддон (коронагеддон, ковидагеддон), Чернобыль (ковидобыль)*;
- эргонимы: *Диснейленд (Ковидленд)*;
- поэтонимы: *Корыныч, Змей Корытыч (Змей Горыныч), Коронаштейн (Франкенштейн).*

Армагеддон, Чернобыль со значением катастрофы являются коннотонимами — собственными именами, приближающимися к нарицательным [7, с. 57–58], [6, с. 102]. Бывшие топонимы, они обладают высокой степенью узнаваемости (42% опрошенных для *Чернобыль*) [6, с. 102], что помогло создать на их основе новообразования. Эргоним *Диснейленд* (парк развлечений в штате Калифорния, США) в форме *Ковидленд* характеризует больницу для ковидных как нечто беспорядочное, шумное, *Коронаштейн* передает ассоциацию ковида с рукотворным чудовищем (*Франкенштейн*— голем, персонаж произведения М. Шелли).

Национальные реалии вербализованы в новообразованиях *Корыныч, Змей Корытыч (Змей Горыныч)* и *Ковидобыль (Чернобыль), коронорусь, Короноквашино (Простоквашино), отец Ковидий.* Остальные производящие характеризуют реалии иных культур или мировой культурный фонд.

Новообразования получены при помощи как узуальных, так и неузуальных (окказиональных) способов словопроизводства.

Аффиксация (суффиксация) считается типичным способом словообразования для флективного языка, разновидностью морфологического способа. В нашем материале суффиксы добавляются к основам *ковид-* (*ковидец, ковидло, ковиднутый*), *корон-* (*коронушка, коронник, коронарочка*), *коронавирус-* (*коронавирусов, коронавирусник*). Из исконных были использованы следующие аффиксы (в т. ч. для сложений с суффиксацией): у имен существительных: *-ец* (*ковидец*), *-к* (а): *коронарка*; *-ц* (а) (*ковидица*), *-чик/ -щик* (*ковидчик*); у прилагательных: *-н* (*короняшный*), *-овск-* (*ковидовский*); у глаголов: *-и* (ть) (*ковидоносить*), *-нича* (ть) (*ковидничать*), *-ну* (ть) (*коронавирунуть*); у наречий: *-о-* (*ковидно, коронисто*), у категории состояния (*коронамуторно*).

Отмечены следующие суффиксы деминутивов: *-ин* (а): *ковидина*; *-ищ* (е): *ковидище*; *- очк(а)*: *коронарочка*; *-ушк* (а): *ковидушка, ковидушко, коронушка*; *-н* (я) // *-ятня*: *ковидальня, ковидарня, ковидятня*; *-ш* (а): *короняша*; *-шк* (а): *короняшка*. Большинство их — разговорно-шутливые. Из других исконных морфем с модификационным значением отметим *-ёнок*: *ковидёнок*; *-як*: *короняк*; с мутационным значением: *-ун*: *ковидоверун*; *-ну*: *ковиднуть*.

В целом их доля в языковом материале крайне мала. К тому же некоторые могут быть образованы не с помощью суффиксов, но способом контаминации: *короняшка* < *корона* + *няшка* 'милашка'; аналогично: *короняша, короняшный*, несмотря на однозначную расшифровку их в Словаре.

Случаи префиксации нами не рассматривались, однако исследователями сделан вывод о том, что прилагательные на базе лексем *ковид* и *коронавирус* сочетаются с исконными и заимствованными префиксами с семантикой отрицания (*анти-*, *не-*, *противо-*) и с временной семантикой (*до-*, *пост-*) [8].

Чистое сложение — способ образования композитов на базе двух или более производящих основ, иллюстрируется примерами: *ковидовопрос, ковидопаника, ковидопоклонник, короно-авантюрист, короноанализ, коронобред, короновирус, короно-эпидемия*; сложение + суффиксация — смешанный способ, при котором сложение производящих основ сопровождается суффиксацией, отмечен в новообразованиях: *ковидолюб, коронавирусно-раллийный*.

Сращение — способ, при котором образование композита осуществляется на основе сочетания слов и словоформ: *корона-айсберг, коронавести, коронавирус-политика, коронавремя, коронагрипп*. Он характерен в русском языке для соединения наречий с именами прилагательными (*вечнозелёный, долгоиграющий*) или как смешанный способ - сращение + суффиксация — с количественными словами *мало, много* и существительными (*многоэтажный, малокомплектный*). Сращение активно использовалось для создания индивидуально-авторских сложных эпитетов как в языке произведений XIX века, так и в текстах XX столетия [1]. Окказиональные и смешанные способы словообразования актуализировались в русском языке лишь с начала XX века, когда поиски нового смысла стали выходить за пределы узуальных словообразовательных моделей [13].

Сращением оформляются образования от имен с нулевым склонением. К таким производящим относится и термин *корона*, омонимичный исконному слову с предметным значением. В связи с этим возникают сложности при дифференциации сложений и сращений. Если COVID расшифровывается как COronaVirus Disease, логично считать *корона* усечением [8]. Термин *корона* иноязычного происхождения мог развиваться на русской почве двумя путями: заменив *а-* на *-о-* в сложных словах по русской модели (*корон-а* > *корон-о-вирус*) или сохранив первичный вариант с *а-* в

середине слова (*корона-вирус*). Нами была выдвинута гипотеза, согласно которой морфемный состав слова во флективном языке пережил процесс «обрусения», что должен был подтвердить квантитативный анализ. В число образований от корней на -а, входили следующие: *корона-дело, корона-жадность, корона-изоляция* и проч. Ко вторым относились слова *короновести, короноветчинка, короновирусность* и др. Однако соотношение единиц с а- и -о- в середине слова выявило прямо противоположную тенденцию: если количество первых слов и выражений занимало в словаре 11,5 страниц, то вторых — всего 2,5. Количество образований по заимствованной модели почти в 5 раз превышает количество созданных по отечественным образцам: с корона- образовано 75 % сращений, 16 % сложений. Налицо преобладание заимствованной модели: В то же время появление сложений с интерфиксом -о- свидетельствует об адаптации терминологических единиц в русском языке.

Способами, использующими исконную лексику, являются лексико-семантический (*короновать, короноваться, коронация, коронованный*) и фонетический (*коронавирь, коронавирус*). В первом случае обыгрывается сходство формы исконного *корона* (с предметным значением) и «чужого» (от *коронавирус*), т. е. возникает «новая омонимия» [8].

Из неморфологических способов словообразования широко представлена контаминация — сложение с наложением, вплоть до нескольких звукобукв: *ковидагеддон, ковидла, короновасия, короновирусистика, коронадемия, корононяшка*. В русистике способ относят к незуальным [12].

Заслуживает упоминания вариативное графическое оформление новообразований, свидетельствующее о их речевом характере, недостаточной освоенности социумом. Из 677 проанализированных слов с *ковид-* было выявлен лишь 1% слов, имеющих два варианта написания: *ковид-идиот // ковидидиот, ковид-идиотизм // ковидидиотизм, ковид-диссидент // ковиддиссидент, ковидо-паникер, ковидопаникер, ковидопаника // ковид-паника, ковидоотрицатель // ковид-отрицатель, ковид-отрицательный // ковидоотрицательный*.

Итак, новообразования ковидной (коронавирусной) эпохи отражают две тенденции пополнения лексического запаса русского языка. Противоборство исконного и заимствованного, заметное при анализе производящих от *ковид-* и *корона-//-о-*, складывается не в пользу отечественных средств словообразования, однако обращение к исконной лексике позволяет русскому языку сохранять свои позиции: преобладание иноязычных основ для новообразований оказывается не столь значительным.

ЛИТЕРАТУРА

1. Беляева М. Ю. Функциональные горизонты голофразиса / М. Ю. Беляева // Континуальность и дискретность в языке и речи: материалы V Междунар. науч. конф. — Краснодар: Кубанский гос. ун-т, 2015. — С. 113–116.
2. Голованова Е. И. Динамические процессы в русском языке эпохи коронавируса / // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки, 2020. — Т. 21. — № 5. — С.33–39.
3. Голованова Е. И. О словаре эпохи пандемии коронавируса / Е. И. Голованова, С. И. Маджаева // Вестник Челябинского государственного ун-та, 2020. — № 7 (441). Филологические науки. Вып. 121. — С. 48–55.
4. Завадская А. В. Словообразовательные неологизмы эпохи пандемии коронавируса в медийном пространстве / А. В. Завадовская // Неология. — 2022. — Т. 8. — № 2. — С. 286–294.
5. Кронгауз М. А. Screenlife в эпоху карантина / М. А. Кронгауз // Коммуникативные исследования. — 2020. — Т. 7. — № 4. — С. 735–744.

6. Крюкова И.В. Коннотативные имена собственные постсоветского периода как инструмент социальной оценки: монография / И. В. Крюкова, О. В. Кирпичева. — Волгоград: «Перемена», 2020. — 199 с.
7. Отин Е. С. Словарь коннотативных собственных имен / Е. С. Отин. — Донецк: «Юго-Восток, ЛТД», 2004. — 412 с.
8. Радбиль Т. Б. Активные процессы в лексике и словообразовании русского языка эпохи коронавируса: лингвокогнитивный аспект / Т. Б. Радбиль, Л. В. Рацибурская, И. В. Палоши // Научный диалог. — 2021. — № 1. — С. 63–79.
9. Радбиль Т. Б. «Самоизоляция» как новейший русский культурный концепт: когнитивно-дискурсивный аспект / Т. Б. Радбиль // Коммуникативные исследования. — 2020. — Т. 7. — № 4. — С. 759–774.
10. Словарь русского языка коронавирусной эпохи / сост. Х. Вальтер, Е. С. Громенко, А. Ю. Кожевников, Н. В. Козловская [и др.] / Ред. коллегия Е. С. Громенко, А. С. Павлова, М. Н. Приемшова (отв. ред.), Ю. С. Ридецкая / Санкт-Петербург: Институт лингвистических исследований РАН, 2021. — 550 с.
11. Павлина С. Ю. Прагматические и стилистические особенности британских и американских политических карикатур на тему covid-19 / С. Ю. Павлина // Russian Journal of Linguistics, 2023. — Т. 26 (1). — С. 162–193.
12. Улуханов И. С. Единицы словообразовательной системы русского языка и их лексическая реализация / И. С. Улуханов. — М.: АО «Астра семь», 1996. — 222 с.
13. Фадеева Т. М. Структурные особенности окказиональных сложных эпитетов // Вестник Нижегородского ун-та им. Н. И. Лобачевского, 2011. — №6. — С. 680–683.
14. Фаткуллина Ф. Г. Словообразовательные модели неологизмов коронавирусной эпохи / Ф. Г. Фаткуллина, Р. Р. Туктамышева // Вестник Башкирского ун-та. — 2022. — Т. 27, № 1. — С. 174–177.

Поступила в редакцию 20.05.2023 г.

A. A. Marushko, A. E. Mishina

RUSSIAN NON-RUSSIAN LANGUAGE OF NEOFORMATIONS OF THE CORONAVIRUS ERA

The article is devoted to the peculiarities of the interaction of the original and borrowed in the derivative vocabulary of the Russian language - neologisms with the *covid* and *corona*' roots, which appeared during the pandemic of the XXI century. (based on the materials of the "Dictionary of the Russian Language of the Coronavirus Era" (St. Petersburg, 2021).

Neologisms were analyzed in terms of their belonging to parts of speech, methods and means of word formation spheres of use. There is a predominance of nouns (82.3 from *covid*-, 89% from *corona*-). The number of foreign-language foundations for neologisms is not so significant: of the analyzed producing words with *covid*-, 56.3% are borrowed, 43.7% are originally Russian. The root *corona*- serves as a marker of the borrowed vocabulary and the method of fusion, *coron*- o- marks the original vocabulary and the way of adding words (stems). The number of blendings significantly exceeds the number of *compositions*.

Key words: *covid, coronavirus, borrowing, ways of word-formation, composition, blending.*

Марушко Ангелина Александровна.

Кубанский государственный университет, филиал
в г. Славянске-на-Кубани, г. Славянске-на-Кубани,
РФ.

Студент.

E-mail: angelinamarushko@mail.ru

Marushko Angelina Alexandrovna.

Kuban State University, branch in Slavyansk-on-
Kuban, Slavyansk-on-Kuban, RF.

Student.

E-mail: angelinamarushko@mail.ru

Мишина Анастасия Евгеньевна.

Кубанский государственный университет, филиал
в г. Славянске-на-Кубани, г. Славянске-на-Кубани,
РФ.

Студент.

E-mail: anastasiya.mishina.02@list.ru

Mishina Anastasia Evgenievna.

Kuban State University, branch in Slavyansk-on-
Kuban, Slavyansk-on-Kuban, RF.

Student.

E-mail: anastasiya.mishina.02@list.ru

Беляева Марина Юрьевна.

Доктор филологических наук, профессор.

Кубанский государственный университет, филиал

Belyaeva Marina Yurievna.

Doctor of Philology, Professor.

Kuban State University, branch in Slavyansk-on-

в г. Славянске-на-Кубани, г. Славянске-на-Кубани,
РФ.
Профессор кафедры русской и зарубежной
филологии.
E-mail: fliny@mail.ru

Kuban, Slavyansk-on-Kuban, RF.
Professor of the Department of Russian and Foreign
Philology.
E-mail: fliny@mail.ru

УДК 811.161

В. В. Омарова

*Донецкий государственный университет
(Научн. рук. — канд. филол. наук, доц А. Н. Стебунова)*

ОЦЕНОЧНОСТЬ КАК КАТЕГОРИАЛЬНАЯ СЕМАНТИЧЕСКАЯ ЧЕРТА ОБРАЗА ПОЖИЛОГО ЧЕЛОВЕКА В РУССКОЙ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА

В статье рассматривается оценочность как категориальная семантическая черта образа пожилого человека в русской языковой картине мира. Цель исследования — описать типовые оценочные модели характеристики пожилого человека и возраста старости с опорой на их стилистические параметры.

Сделан вывод о том, что присущая языковому образу пожилого человека категория оценки реализуется на всех уровнях языковой системы и характеризуется количественной асимметричностью положительно-оценочных и отрицательно-оценочных смыслов с преобладанием последних, семантическим сопряжением нормы и оценки.

Ключевые слова: оценочность, образ пожилого человека, языковая картина мира, семантическое поле.

Феномен старости является объектом исследования многих гуманитарных и естественных дисциплин — психологии, социологии, биологии и др. Исследовательский интерес к этому феномену обусловлен тем, что именно этот этап нашей жизни очень важен и существенен. Это время важных внешних и внутренних изменений, а также подведения своеобразных итогов жизни.

Изучением феномена старости занимается такая наука как лингвоантропология. На сегодняшний день лучшими в этой области признаны работы выдающихся ученых Ю. Д. Апресяна, Н. Д. Арутюновой, В. В. Колесова, Ю. С. Степанова, В. Н. Телия, А. Д. Шмелева и др.

Цель нашего исследования — рассмотреть оценочность как категориальную семантическую черту образа пожилого человека в русской языковой картине мира.

В основу методологии исследования положены идеи и методы антропоцентристской семантики. Отличительной особенностью антропоцентристской семантики является ее интегративность. Интегративность в свою очередь предполагает использование в рамках антропоцентристского подхода методов разных направлений лингвоантропологии. При этом допускается даже привлечение необходимой информации из области нелингвистических наук. Так, ученые-лингвисты активно обращаются к данным из сферы философии, биологии, истории, социологии и даже медицины. Все это делается для получения качественных и адекватных выводов научного исследования.

Языковая картина мира — это ментально-лингвальное образование, важная информация об окружающей действительности, которая запечатлена в индивидуальном или коллективном сознании и представлена средствами языка.

Языковая картина мира обладает концептуальным содержанием, не отождествляясь при этом с таким понятием как концептуальная картина мира, но имея с ней вполне объяснимую тесную связь.

Таким образом, изучение знаний и представлений о мире, которые отображены в языке, должно осуществляться только в широком экстралингвистическом контексте. Именно такой подход обеспечивает учет всех факторов и обстоятельств, не нашедших непосредственного отражения в языке, но имеющих влияние на его характер.

В языковой картине мира одновременно могут быть отражены как повседневные, так и научные знания и представления о современном мире. Это дает прекрасную возможность лингвисту обнаружить и сопоставить языковые факты, позволяет проанализировать языковые данные в экстралингвистическом контексте, учитывая при этом и используя в работе достижения разных наук

Следует отметить, что языковая картина мира всегда национально-специфична, поскольку она непосредственно отображает определенный способ восприятия и концептуализации мира, который характерен для представителей какой-то конкретной национальности.

Таким образом, для изучения языковой картины мира одним из важных и определяющих является лингвокультурологический подход. Языковая картина мира состоит из языковых образов мира, главным из них является образ человека.

Описание этого образа не может претендовать на всеохватность и комплексность из-за сложности данного феномена. Исследование конкретного языкового образа, как и языковой картины мира в целом, возможно только с учетом механизмов понимания, которые должны обеспечить концептуализацию изучаемого объекта и формы его отражения в языке.

Образ пожилого человека в русской языковой картине мира может быть описан с точки зрения познавательной деятельности человека, а также способности пожилого человека к категоризации действительности.

Языковая картина мира и ее отдельные фрагменты характеризуются рядом семантических категорий.

Семантические категории — это системные воплощения когнитивных категорий, которые носят обобщающий характер по отношению ко всему множеству языковых явлений.

Наименования целостного пожилого человека бывают специализированные, условно специализированные и неспециализированные.

Изначально нами было сформировано предположение о том, что феномен старости имеет категориальный статус. Он проявляется в том, что языковому образу пожилого человека свойственен ряд семантических категорий. При этом также можем говорить о наличии категориальных семантических черт, таких как партитивность, градуированность, стереотипизированность и оценочность.

Партитивность — это характерная для языкового отображения человека категориальная семантическая черта, она представлена абстрактной оппозицией «часть-целое». В основе ее лежит когнитивный процесс разделения целого на части и соединения частей в целое.

Градуированность может быть описана как категориальная семантическая черта языкового образа человека, представленная семантической категорией градуальности. В ее основе лежит мыслительный процесс измерения некоего признака, что позволяет выстроить определенную градационную шкалу.

Стереотипизированность рассматривается как категориальная семантическая черта, она представлена семантико-функциональным значением «стереотип». В основе стереотипизированности лежит мыслительный процесс создания стереотипа, а также

процесс соотнесения конкретного объекта с созданным и существующим в реальной речевой практике устойчивым представлениям о нем.

Оценочность рассматривается как характерная для языкового образа человека категориальная семантическая черта. Она представлена семантической категорией оценки и ее подкатегориями. Оценка бывает положительной, отрицательной, или нейтральной. В основе оценочности лежит мыслительный процесс установления ценности объекта.

Как известно, возраст человека бывает биологический (по состоянию организма), хронологический (количество прожитых лет), социальный (уровень развития человека), психический.

Однако существует и такое понятие как субъективный возраст — это переживаемый возраст личности. В связи с понятием субъективного возраста в научной среде широко распространено мнение о том, что границы старости весьма условны и в некоторых случаях полностью индивидуальны.

На сегодня так и не решена проблема точного вычисления нижней границы старости. Существуют разногласия и относительно установления критериев и этапов старения. Безусловно можем наблюдать определенную связь этого этапа человеческой жизни с духовным состоянием общества в целом.

Отметим, что в основе научного описания старости и процесса старения лежат те же когнитивные механизмы, которые характеризуют образ пожилого человека в современном русском языке.

Например, описываемый феномен рассматривается как нечто целое, имеющее свои отдельные части: старость — это болезни. Также допускается градуирование: пожилой — старый — престарелый — дряхлый. При описании старости встречаются и разного рода стереотипы: старость = мудрость; старость — беспомощность.

В русской языковой картине мира мы можем констатировать наличие семантического поля «старость». В центре этого поля находятся наименования пожилого человека и наименования этого возрастного этапа. Здесь же языковые единицы разных частей речи с семой «старость», они могут обозначать действия или состояния пожилого человека.

Различные наименования пожилого человека и названия атрибутов старости также стремятся оказаться внутри данного семантического поля. Принадлежность этих слов к данному семантическому полю может быть обусловлена контекстуально или экстралингвистически.

Между компонентами семантического поля «старость» мы можем наблюдать прочные парадигматические и синтагматические связи. Однако следует отметить, что реальные границы этого поля в современной линвоантропологии слабо очерчены. Это в первую очередь связано с таким явлением как субъективный возраст человека. Иногда пожилой человек может быть описан как молодой и энергичный. То есть могут использоваться языковые единицы, характерные для других семантических полей. Эти единицы для семантического поля старости, конечно, не характерны, но на периферии этого семантического поля все же могут присутствовать.

Как известно, периоду старости предшествует период зрелости. Зрелым считается вполне сложившийся человек. Старость же — это тот возраст, который приходит на смену зрелости. Проанализировав конкретный речевой материал, мы пришли к выводу, что молодость и юность тоже могут сменяться старостью. Традиционная градационная шкала лексем для описания пожилого человека выглядит следующим образом: пожилой — старый — престарелый — дряхлый. Следует отметить, что представленная шкала может претерпевать вариативные изменения. Составляющие этой шкалы могут произвольно взаимозаменяться, при этом обретая новые смыслы и значения.

Партиитивность, оценочность, градуированность как семантические черты образа пожилого человека в русской языковой картине мира демонстрируют достаточно прочную взаимосвязь

Некоторые наименования, используемые для описания пожилого человека, носят выраженную оценочную коннотацию. На сегодняшний день лингвистами разработана шкала оценки пожилого человека. Она отражает степень интенсивности различных признаков. Возраст старости представлен в языке с помощью градационной шкалы.

Эта шкала создается самими реципиентами под влиянием как некоторых субъективных, так и чисто объективных факторов. При этом учитываются традиционно существующие критерии определения возраста человека. Одним из путей оценки возраста человека может служить элементарное сопоставление возраста его хронологического и психологического.

Средиспецифических наименований человека пожилого возраста в русской языковой картине мира традиционно преобладают наименования отрицательно-оценочные. Оценочность как категориальная семантическая черта образа пожилого человека показана в двух вариантах — это либо высказывания-одобрения или высказывания-порицания. Не последнюю роль она играет и при создании словесного портрета пожилого человека.

Именно противительные и причинно-следственные отношения чаще всего встречаются в речевых жанрах с коннотацией «одобрения» и «порицания», которые используются для оценки образа пожилого человека. В таком случае можем наблюдать картину, при которой наблюдается тесная взаимосвязь между биологическим и психологическим возрастом человека.

Рассмотрим разные варианты противопоставлений, возникающие при использовании высказываний-одобрений:

а) присутствует противопоставление между возрастом и внешним видом пожилого человека: *Как хорошо выглядишь! В твои-то годы! Как удаётся-то?* (из разг.); *Смотри, как наша соседка наряды подбирает. И сумочка стильная. А ведь ей уже восьмой десяток* (из разг.);

б) демонстрируется противопоставление между пожилым возрастом и действиями человека: *Ты молодец! Есть еще порох в пороховницах! Этим молодым оболтусам еще расти и расти* (из разг.); *Казалось бы, старая, еле ноги передвигает, а дома у неё всегда чистота и порядок* (из разг.); *Если наш Петрович решил починить кран, то будем с водой. У него голова и руки на месте. Даром что уже старик* (из разг.).

Семантика следствия всегда характерна для выражения похвалы интеллектуальным способностям пожилого человека. При этом обычно ссылаются на приобретенный человеком жизненный опыт: *Ты просто не мог не понять! Вон голова вся седая уже — как тебе и не понять* (из разг.).

Также отметим, что зачастую существует устойчивая причинно-следственная связь между старостью и добротой: *Бабушка у нас замечательная! Во внуках души не чаёт* (из разг.).

Если говорить об оценочных высказываниях-порицаниях, то тут встречаем такие характерные противопоставления:

а) возраста и понимания ситуации: *Вы же уже поживший человек, а таких простых вещей не хотите понять* (из разг.);

б) возраста и внешности человека: *Тебе скоро семьдесят стукнет, а ты все девочкой наряжаешься* (из разг.);

в) пожилого возраста и поступков: *Хоть ты и старик, а брешешь, как сивый мерин!* (М. А. Шолохов).

Чаще всего наблюдаем при порицании пожилых такие причинно-следственные отношения:

а) пожилой возраст — глупость: *Стар старичок, вот и дурит! Ему ведь восемь десятков* (М. Горький);

б) пожилой возраст — недовольство, ворчание, постоянное осуждение молодых: *Вечно эти бабки-сплетницы все недовольны! Только и делают что кости молодежи перемывают* (из разг.).

Характерной для оценочных высказываний в отношении пожилого человека является частое использование антонимической пары «молодой — старый». При этом эффект отрицательной оценки создается в том случае, когда молодой человек проявляет черты характерный для пожилого: *Разве ты юнец! Нет! Старая размазня!* (из разг.). Здесь, говоря о молодости с отрицательной коннотацией, мы подразумеваем преждевременную неестественную старость.

В нашем сознании существуют стойкие представления о характерных портретных особенностях пожилых людей. Это обязательные *морщины, седая шевелюра, хромота или сутулость*. Все эти детали связаны с биологическим старением организма. Однако в целом они носят отрицательную коннотацию. Для создания портрета пожилого человека широко используются сравнения, сопоставления и противопоставления.

При создании высказываний-портретов необходимо присутствует пара «молодой — старый». При этом маркером положительной оценки является констатация того, что пожилой внешне выглядит как молодой: *нашему соседу скоро 80 лет, а выглядит — на 50!* (из разг.).

Маркером же отрицательной оценки является наличие противоположных характеристик. В такой ситуации пожилой человек традиционно уступает молодому: *При Люсе старуха стыдилась себя, того, что она такая старая и слабая, ни кожи ни рожки. Ей казалось, что и дочь тоже должна стыдиться ее — вон какая она красивая, грамотная...* (В. Г. Распутин).

Достаточным и необходимым основанием, которое требуется для оценки возраста старости традиционно считаются такие аспекты как физиологический, духовный и социальный. Все эти аспекты должны рассматриваться не обособлено, а с учетом их взаимовлияния.

В сознании русского человека в его картине мира старость существует как неизбежность. Мы констатируем превалирование отрицательно-оценочных суждений об этом этапе человеческого существования и всего с ним связанного на уровне физиологии и психики: *Безоблачная старость — это миф* (И. Губерман).

При философском подходе к проблеме можем резюмировать что старость — это особый этап жизни, который сопровождается подведением итогов; это конечная точка, позволяющая человеку оценить свои жизненные достижения и неудачи.

Таким образом присущая языковому образу пожилого человека категория оценки реализуется на всех уровнях языковой системы. Она характеризуется явной количественной асимметричностью положительно-оценочных и отрицательно-оценочных смыслов с превалированием последних. Также можем наблюдать стойкое семантическое сопряжение нормы и оценки. Болезни для пожилого человека — это норма со знаком «минус», а опыт — это тоже норма, но уже со знаком «плюс».

Характерная для языкового образа пожилого человека оценочность может быть представлена высказываниями, выражающими одобрение или порицание, для этих высказываний характерны противительные и причинно-следственные структурно-семантические модели.

Специфика образа пожилого человека в русской языковой картине мира отражается во внимании к его внутренним состояниям, подтверждении его

противоречивости. При этом характерно, что в ассоциативном поле «старость» преобладают отрицательно-оценочные единицы, это обусловлено влиянием экстралингвистических факторов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Апресян Ю.Д. Образ человека по данным языка: попытка системного описания / Ю.Д. Апресян // Вопросы языкознания. — 1995. — № 1. — с.37 — 67.
2. Арутюнова Н. Д. Типы языковых значений: Оценка. Событие. Факт / Н.Д.Арутюнова. — М., 1988. — 339 с.
3. Залевская А. А. Значение слова сквозь призму эксперимента / А.А. Залевская. — Тверь: Твер. гос. ун-т, 2011. — 239 с.
4. Курганова Н. И. Смысловое поле при моделировании структурных и операциональных параметров значения слова / Н. И. Курганова // Вестн. Твер. гос. ун-та. Сер. Филология — 2012. — № 29. — Вып. 4. — С. 70-77.
5. Курганова Н. И. Смысловое поле при моделировании значения слова / Н.И. Курганова. — Мурманск: МГГУ, 2012. — 296 с.
6. Литвиненко Ю. Ю. Концепт возраст в семантическом пространстве образа человека в русской языковой картине мира: автореф. дис. ... канд. филол. наук / Ю.Ю. Литвиненко — Омск, 2006. — 19с.
7. Салимьянова И. В. Лексико-семантическое поле «пожилой человек» в русской языковой картине мира / И. В. Салимьянова // Омский научный вестник. — 2011. — № 3. — С. 114-117.
8. Чепелова Т. П. История возникновения понятия «языковая картина мира», его развитие / Т. П. Чепелова // Молодой ученый. — 2009. — № 5 — С. 119-122.

Поступила в редакцию 21.04.2023 г.

V. V. Omarova

EVALUATIVENESS AS A CATEGORICAL SEMANTIC FEATURE OF THE IMAGE OF AN ELDERLY PERSON IN THE RUSSIAN LANGUAGE PICTURE OF THE WORLD

The article considers evaluativeness as a categorical semantic feature of the image of an elderly person in the Russian language picture of the world. The purpose of the study is to describe typical evaluation models of characterization of an elderly person and the age of old age based on their stylistic parameters.

It is concluded that the evaluation category inherent in the linguistic image of an elderly person is implemented at all levels of the language system and is characterized by quantitative asymmetry of positive-evaluative and negative-evaluative meanings with the predominance of the latter, semantic conjugation of norm and evaluation.

Keywords: *evaluativeness, image of an elderly person, linguistic picture of the world, semantic field.*

Омарова Валерия Владимировна.

Донецкий государственный университет,
г. Донецк, РФ.
Магистрант.
E-mail: murad-omarv@mail.ru

Omarova Valeria Vladimirovna.

Donetsk State University, Donetsk, RF.
Undergraduate.
E-mail: murad-omarv@mail.ru

Стебунова Алла Николаевна.

Кандидат филологических наук, доцент.
Донецкий государственный университет, г.
Донецк, РФ.
Доцент кафедры русского языка.
E-mail: alla.stebunova@mail.ru

Stebunova Alla Nikolaevna.

Candidate of Philological Sciences, Associate
Professor.
Donetsk State University, Donetsk, RF.
Associate Professor of the Russian Language
Department.
E-mail: alla.stebunova@mail.ru

УДК 316.772.5

*Е. С. Овсяная**Донецкий государственный университет**(Научн. рук. — канд. филол. наук, доц. Н. В. Гладкая)*

ГРАМОТНОСТЬ И АГРАММАТИЗМ В РУНЕТЕ

В статье рассматривается вопрос влияния интернет-коммуникации на грамотность участников коммуникации. Представлены результаты анализа пользовательских текстов Рунета. Описываются типичные для интернет-общения отступления от языковой нормы, выявляются их причины. Разобраны основные пунктуационные, орфографические и словообразовательные ошибки коммуникантов.

Ключевые слова: виртуальная коммуникация, интернет-коммуникация, интернет, ошибки, грамматика.

Сложно представить современное общество без доступа к глобальной сети. Интернет открыл людям новые возможности, которые всего несколько десятков лет назад могли быть описаны в произведениях научной фантастики, а сегодня стали обыденным явлением. Вслед за новыми возможностями приходят и неизбежные изменения во всех сферах, которые способна затронуть глобальная сеть. В том числе под влиянием оказалась речь и язык.

С развитием интернета у людей, активно пользующихся сетью, появилось новое языковое пространство — в этом пространстве, с одной стороны, приходится использовать письменный язык, но с другой — нет практически никаких ограничений на правильность его использования. До появления виртуальной коммуникации практически все сферы использования письменной речи исключали допущение ошибок, тем более намеренно. И сейчас в официальных документах, в деловом общении и в других текстах, так или иначе связанных с рабочей деятельностью, аграмматизм может привести к отрицательному результату. Но в виртуальном пространстве ситуация с правильностью использования письменного языка раскрылась с другой стороны.

Проблема грамотности и её отсутствия встречается на всех языковых уровнях. Так или иначе, все несоответствия лингвистической норме можно называть ошибками. Из таких ошибок, по большей части, в виртуальной реальности и состоит интернет-сленг.

Интернет-коммуникация имеет некоторый ряд особенностей, отличающих её от других видов общения. Многие исследователи (Виноградова Т. Ю, Арестова О. НАУК, Лутовинова О. В. и др.) называют такие основные критерии:

- Коммуникативность
- Анонимность
- Интерактивность
- Динамичность
- Коннотивность
- Замена невербальных средств коммуникации вербальными

Исходя из этих особенностей мы и будем рассматривать грамотность и аграмматизм в Рунете.

Текст в интернет-коммуникации — это читаемое с определённой интонацией письменное сообщение. Иначе говоря, виртуальное общение принимает устно-письменную форму речи. Эта особенность интернет-коммуникации во многом отражается с грамматической стороны.

Первой, наиболее распространённой особенностью языка в сети, является нарушение правил орфографии — частое отсутствие заглавных букв, начало предложения или строки, имя или фамилия, город или страна, всё это может быть написано со строчной буквы. Например, «ещё не понятно, поедет оксана в киев сама или с серёжей». Но благодаря активному использованию гаджетов, в которых присутствует автоисправление на заглавные буквы имён, стран и слов в начале предложения, эта проблема начинает уходить на второй план. Однако, в текстах можно встретиться и с намеренным написанием имён собственных со строчной буквы с целью демонстрации негативного отношения к объекту или субъекту описания.

Для участников коммуникации преимущественным правилом является принцип «Как слышится, так и пишется»: *ничё нинада, пасиба, нравица* и т. п.

Такой же распространённой ошибкой является отсутствие мягкого знака в конце существительных женского рода, например: *ноч* (ночь), *мыш* (мышь), и в конце глаголов на шипящую: *делаеш* (делаешь), *еш* (ешь), *несёш* (несёшь).

Игнорируется не только мягкий знак, но и твёрдый. Причём здесь его отсутствие заменяется двумя способами:

1. Слово пишется целиком, а на месте твёрдого знака ничего не возникает: *подехать* (подъехать), *обявление* (объявление);

2. Твёрдый знак заменяется пробелом, отделяя префикс от корня: *под езд* (подъезд), *двух ярусный* (двухъярусный).

По тому же принципу используется и дефис в интернет-коммуникации. Он либо игнорируется при написании слов (*когда нибудь, чуть чуть, во первых*), либо слова пишутся слитно (*коекак, поллимона, югозападный*).

Так как интернет-общение имеет письменную форму речи, неизбежно в текстах мы будем встречаться и с опечатками. Опечатка (описка) не квалифицируется как ошибка, поскольку за ней не стоит незнание правил: она результат невнимательности или поспешности пишущего. [4] Виртуальная коммуникация предполагает скорость передачи сообщений, поэтому в онлайн-переписке появление опечаток не редкость. Технические неполадки (разбитый экран смартфона или западающие кнопки на клавиатуре), физические возможности (длинные ногти, печать вслепую), функция автоисправления или же простая невнимательность могут послужить причиной появления опечаток в тексте. Чаще интернет-пользователи их игнорируют, ссылаясь на то, что «и так все понятно» [4], кроме случаев с искажением смысла из-за описки.

Помимо ошибок, которые допускались и до появления коммуникации в Интернете, возникает особый вид слов — эрративы [2], которые составляют лекцию так называемого «албанского языка». Этот язык представляет собой специфический вид сетевого сленга, включающий в себя особый пласт лексики, переживший свое «второе рождение».

Эрратив — намеренная ошибка носителем языка, знающим правильность написания слова. Самыми первыми эрративами можно считать такие: *красавчег* (красавчик), *аффтор* (автор), *прифет*, *превед* (привет), *деняк* (денег) [2]. На сегодняшний день эта тенденция не утратила популярности, и в интернете мы можем встретиться с такими намеренными ошибками:

- слитное написание фраз и выражений: *яжемать, онжерребенок, ржунимагу*;
- замена буквы для искажения звучания слова: *прекол, ухади, аташол*;
- создание новой формы слова: *рыбов, человеков*.

Вторичные эрративы представляют собой трудно производимую гиперкоррекцию первичного эрратива» [2].

Активное употребление эрративов на самом деле отражает не неграмотность людей, а подчеркивает принадлежность их к одной из современных субкультур, которые бросают вызов сетевому сообществу. Использование эрративов, кроме основной функции акцентирования внимания на определённый фрагмент сообщения, как бы маркирует текст, и отделяет автора от других пользователей глобальной сети.

Наиболее распространёнными грамматическими нарушениями в Рунете являются пунктуационные ошибки. Правила пунктуации вовсе могут игнорироваться, но это не значит, что пользователи — участники коммуникации — не знают правил. Знаки препинания в виртуальной реальности расставляются не по правилам пунктуации, а по ощущениям пишущего: где бы он сделал паузу, а где бы говорил быстрее. Другой причиной отсутствия знаков препинания является стремление к скорости передачи сообщений [4]. Излишняя или неправильная расстановка пунктуационных знаков в виртуальном общении объясняется заменой ими невербальных средств коммуникации. Эмоциональное наполнение предложений в интернет-коммуникации напрямую связано со знаками пунктуации.

Рассмотрим отдельно каждый знак препинания.

Точки заменяются разрывом предложений, посредством переноса следующего предложения на другую строку, либо предложения разделяются на разные сообщения:

«- Привет

Как твои дела?»;

«- Естественно ты опоздаешь»

«- Опять всю ночь играла?».

Точка может выражать злость, гнев, указание на нежелание продолжать диалог. Также этот знак препинания может указывать на цель общения: точка используется при деловом общении или другого рода серьёзных разговорах.

Вопросительные и восклицательные знаки практически перестают существовать в текстах интернет-коммуникации. Либо наоборот, используются совсем не по правилам. Они могут находиться и в начале, и в середине, и в конце предложения, акцентируя внимание на чём-либо, а также употребляться в больших количествах. Например, «- Настя!!! И когда ты мне собиралась это сказать????»

Запятые расставляются по интонации пишущего, либо могут совершенно отсутствовать в тексте. К примеру, обращения совершенно не выделяются запятыми, либо выделяются тире: «*Давай быстрее — Катя — автобус уже подъехал*»; «*Алина ты паспорт забыла*». Этот знак препинания в интернет-коммуникации можно встретить чаще всего, и несёт он за собой множество смыслов: указание на темп речи, интонацию, расставление акцентов, разделение частей предложения и т. п.

Тире выделяют значимую информацию, находящуюся в фокусе внимания читающего и обычно противопоставляемую предтексту [1].

В скобки помещается второстепенная, неважная, дополнительная, уточняющая информация, а также то, что относится к метатексту. [1]. В большинстве случаев, скобки используются в качестве указание на настроение пишущего, причём, чем больше скобок, тем ярче эмоция:

«- Спасибо всем за вечер, надеюсь он скоро повторится))» (выражается радость — скобки используются в качестве улыбки)

«- Всё как всегда... В прошлый раз билеты не успели купить, а сейчас концерт отменили» (выражается грусть — скобка похожа на опущенные уголки рта при разочаровании, отсутствии настроения у человека).

Многоточие — знак, который ранее использовался в основном в научной литературе при цитировании, либо в художественных произведениях, приобрёл новую

жизнь в языке интернета. Этот знак препинания может указывать на настроение пишущего (мрачное, грустное, мечтательное), либо на его состояние (сонное) [3, с. 63]:

«- *Очень эмоционально...бабушка беденькая совсем плохо...всем было тяжело...*»;

«- *Представь, если нам автоматы выставят...*»;

«- *Да погоди....дай разчехлиться*».

Кроме привычных нам знаков препинания, популярность набирают другого рода символы. Косая черта, «слеш» используется в качестве замены союзов и, или, либо:

«- *Так ретушировать мне подсказал фотограф/видеограф, с которым я на свадьбе брата познакомилась, смотри*»

Популярным стало использование знака плюс, заменяя им слова согласия, поддержки и знака минус, означающим отказ, несогласие:

«- *Сегодня собираемся? Кто может?*

- *Я -, работы много*

- *Я могу, +*»

Синтаксис интернет-коммуникации отличают следующие характеристики:

- наличие неполных и конструктивно незавершенных словосочетаний;
- наличие односоставных, нераспространенных, неполных, эллиптических предложений;
- усечение начальной части предложения/высказывания;
- незавершенность или обрыв, нарушающие синтаксическую структуру предложения/высказывания;
- отмечается явления парцелляции, амплификации;
- тенденция к построению дискурса на основе прерванных конструкций;
- снижение роли синтаксических средств (предложно-падежных форм, союзов и союзных слов), служащих для связи предложений/высказываний;
- рассогласование частей высказывания.

Предложения во время виртуального общения чаще всего являются простыми, не загруженными разного рода речевыми оборотами. Общение в Интернете по своей скорости соотносится с устной формой общения, поэтому предложения создаются прямо здесь и сейчас, без времени на обдумывание.

Особенности использования синтаксических единиц проявляются в зависимости от жанровой принадлежности интернет-общения, тематики общения, интеллектуального уровня пользователя, коммуникативного намерения и др.

Благодаря онлайн коммуникации, адресату не обязательно каждый раз указывать на определённые объекты, уточнять время, место и т. д. Распространённой особенностью общения в сети Интернет является использование эллипсиса, т.е. многие слова в высказывании могут быть опущены:

«- *Ты где?*

- *Та иду уже*

- *Быстрее!!!!!!*»

С лексической точки зрения можно наблюдать не менее значимые изменения в языке интернет-коммуникации. Глобальная сеть во много раз ускорила передачу сообщений, язык в интернет-коммуникации сталкивается со значительной экономией речевых средств.

Наиболее распространенные сокращённые слова в интернет-коммуникации: *прив* (от слова привет), *норм* (нормально), *нрав* (нравится), *жиза* (жизненно), *админ* (администратор), *крос*, *красава* (красавчик).

Сокращение распространилось и на часто употребляемые словосочетания. К примеру, праздники Новый год и День рождения стали обозначаться аббревиатурами *НГ* и *ДР*. НЕ утрачивает популярности давно вошедшее в обиход исключение из слов гласных букв: *спс* (спасибо), *пжлст* (пожалуйста), *крч* (короче), *нзчт* (не за что), *бл* (блин).

Тексты наполнены, как и в устной речи, словами-паразитами, по типу блин, ну, короче и т. д.

Высокая эмоциональность передаётся посредством давно известных речевых средств. К таким средствам в последнее время можно отнести часто употребляемые междометия. Сообщения в сети Интернет пестрят восклицаниями, например, «*ooo*», «*mmm*», «*aaa*», «*ахаха*», «*хмм*». Это подтверждает тот факт, что язык, используемый в интернет-коммуникации, вбирает в себя одновременно письменную и устную речь.

Есть несколько способов, которые используются участниками коммуникации для выражения каких-либо эмоций.

Одним из таких способов является написание слов, словосочетаний или предложений исключительно заглавными буквами, которые можно назвать «кричащими». Это подчёркивает экспрессию высказывания:

«- Почему **ТЫ НЕ МОЖЕШЬ МЕНЯ ВЫСЛУШАТЬ?**

- *Не ори на меня!!!*».

Это можно считать альтернативой восклицательному знаку.

Но есть случаи, когда слова, написанные заглавными буквами, могут просто быть ключевыми в высказывании:

«- *Главное, НЕ забудь купить ХЛЕБА*».

Наиболее важным способом выражения эмоций является использование смайлов, эмоджи, стикеров. Это небольшие изображения, чаще всего рожицы, выражающие какое-либо эмоциональное состояние пишущего.

В интернет-коммуникации встречается «избыточность» речевых средств. Тексты могут быть наполнены тавтологией, дублированием словосочетаний и предложений:

«- *Привет) Мне как бы... как бы нужна твоя помощь.... Помощь нужна очень срочно... ОЧЕНЬ.*»

Всё это объясняется спецификой устно-письменного общения.

Эмоция злости или требовательности может выражаться в членении высказывания на слова тремя способами:

1. Высказывание пишется в строку, но каждое слово отделяется точкой: «*Я. Же. Просила. Тебя. Никому. НЕ. Говорить*».

2. Членение предложения может происходить посредством переноса каждого слова на новую строку:

«- *Почему*

Ты

Не

Берёшь

Трубку

А?»

3. Этот способ похож на предыдущий, а разница состоит только в том, что слова не переносятся на новую строку, а отправляются отдельным предложением:

«*Я*

«*С тобой*

«*Больше*

«*Не*

«*Разговариваю*»

«.»

О приближение письменной речи к устной свидетельствует и всякого рода отражения на письме фонетических процессов. Участник коммуникации различными способами может отразить не только интонацию своего высказывания, но и звучание слов.

В текстах мы встречаем расширение слов посредством дублирования гласных или согласных букв, как бы с указанием на то, как бы слово выглядело в устной речи:

«- Урааааа, я сдалааа!!!!!».

Слова записываются как бы в виде фонетической транскрипции. Это попытка максимально приблизить написанные слова к их звучанию. Например, *бушь* (будешь), *щас, ща* (сейчас), *чё-нить* (чего-нибудь), *ваще* (вообще), *тя* (тебя).

Следует отметить, что в сетевом общении нарушение правил орфографии не является нарушением какой-либо нормы и не воспринимается неуважительным отношением к собеседнику.

Несмотря на то, что у коммуникантов есть возможность исправить ошибки в сообщении, они ей не пользуются. Это обуславливается такой спецификой интернет-коммуникации, как экономия усилий коммуниканта. Корректировка ошибок происходит зачастую после того, как сообщение уже было отправлено. При этом, корректируется сообщение в случаях, если ошибки и опечатки оказывают влияние на смысл высказывания.

Подводя итоги, следует сказать, что современных пользователей интернетом нельзя назвать безграмотными, т. к. все допускаемые ими ошибки чаще всего являются намеренными, которые, скорее, можно назвать языковыми особенностями виртуальной коммуникации. Ошибки же другого рода, грубые, которые мешают адекватному восприятию текста, большинством людей осуждается и высмеивается. В подтверждение этому можно привести то, что на просторах интернета насчитывается уже целая коллекция мемов с порицанием безграмотности.

Таким образом, языковая среда интернета изменяется под воздействием многих особенностей интернет-среды, основными из которых являются особая форма речи — устно-письменная, экономия речевых усилий, и поиск возможностей передачи невербальных средств общения. И все эти изменения невозможны без отхода от литературной нормы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Громкова А.Г. Языковое своеобразие интернет-коммуникации. / А.Г. Громкова, Н.И. Ершова // ОГАРЁВ-ONLINE. Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарева. — 2022. — № 9 (178).
2. Гусейнов Г. Ч. Неполная коммуникация в блогосфере: эрративы и литуративы: доклад, прочитанный в Fitzwilliam College (University of Cambridge), 29 августа 2008 года / URL: <http://www.speakrus.ru/gg/litulative.htm>
3. Лутовинова О.В. Интернет как новая «устно-письменная» система коммуникации // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. — 2008. — № 71. — С. 58 — 65.
4. Никитина Л. Б. Трансформации грамотности в интернет-общении // Вестник Омского государственного педагогического университета. Гуманитарные исследования. — 2013 .— 2021 .— №1 .— С. 81– 86.

Поступила в редакцию 20.05.2023 г.

E. S. Ovsyanaya

LITERACY AND AGRAMMATISM IN RUNET

The article deals with the issue of the influence of Internet communication on the literacy of communication participants. The results of the analysis of Runet user texts are presented. Deviations from the language norm, typical for Internet communication, are described, their reasons are revealed. The main punctuation, spelling and word-formation mistakes of communicants are analyzed.

Key words: virtual communication, internet communication, internet, errors, grammar.

Овсяная Елизавета Сергеевна.

Донецкий государственный университет,
г. Донецк, РФ.
Магистрант.
E-mail: ovsyanyay@mail.ru

Ovsyanaya Elizaveta Sergeevna.

Donetsk State University, Donetsk, RF.
Undergraduate.
E-mail: ovsyanyay@mail.ru

Гладкая Наталия Витальевна.

Кандидат филологических наук.
Донецкий государственный университет,
г. Донецк, РФ.
Доцент кафедры русского языка.
E-mail: Nata.gladkaya25@yandex.ru

Gladkaya Nataliia Vitaliivna.

Candidate of Philology.
Donetsk State University, Donetsk, RF.
Associate Professor of the Department of Russian
Language.
E-mail: Nata.gladkaya25@yandex.ru

Дискурсология и генристика

УДК 372.881.161.1

З. З. Саидов

*Российский университет дружбы народов им. Патриса Лумумбы
(Научн. рук. — канд. пед. наук, доц. С. А. Дерябина)*

СОВРЕМЕННАЯ РУССКОЯЗЫЧНАЯ ЛИТЕРАТУРА В АСПЕКТЕ ПРЕПОДАВАНИЯ РУССКОГО ЯЗЫКА УЧАЩИМСЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ ШКОЛЫ

Статья посвящена описанию потенциала современной русскоязычной литературы на занятиях по русскому языку в национальной школе в условиях интегрированного обучения. Рассмотрены работы исследователей по этой тематике. Рассмотрен лингвокультурологический и лингводидактический потенциал литературы XXI века для освоения иноязычными учащимися. Наглядно продемонстрирована ценность использования художественных текстов для усвоения лексико-грамматического материала.

Ключевые слова: *русский язык, современная литература, национальная школа, интегрированное обучение.*

Тема изучения текстов российских авторов на занятиях по русскому языку в национальной школе является одним из важных направлений в творчестве исследователей-русистов. Изучение русской литературы всегда было актуальным в системе образования Республики Таджикистан. Русская литература как отдельный предмет перестал существовать в связи с преобразованием парадигмы изучения русского языка, и с 2003 года по настоящее время данные предметы изучаются на интегрированной основе. Данная проблематика исследована многими учеными (Н.С. Болотнова, 2009; Н.В. Кулибина, 2000, 2015, 2018; О.Н. Левушкина, 2013, 2021; Е.С. Богданова, 2016, 2021; Т.В. Гусейнова, М.Б. Нагзибекова и др.).

Учет потенциала художественных текстов современных писателей на занятиях по русскому языку в таджикской школе является важным, так как на их основе учащимися можно изучить русский язык и развивать коммуникативную и культурологическую компетенций. Л.А. Сергеева пишет, что «художественный текст рассматривается как продукт первичной коммуникативной деятельности автора, направленной на кодирование определенной информации, и как объект декодирования, осуществляемого в процессе вторичной коммуникативной деятельности адресатом или читателем» [11, с. 3].

Современные русские художественные тексты представляют собой материал для изучения культурных феноменов народа изучаемого языка. По мнению Н.В. Кулибиной, «художественный текст является своеобразным диалогом его создателя с аудиторией, причем, как современниками, так и последующим поколением» [8, с. 116]. В результате, каждый художественный текст в русской литературе в определенной степени отражает суть национальной культуры. Вслед за ученым А.А. Акишина и О.Е. Каган пишут, что «художественные тексты — богатый источник страноведческой информации, они стимулируют мыслительную деятельность учащихся, воздействуя на эмоции и эстетический вкус. Вот почему каждый преподаватель стремится как можно быстрее предложить студентам произведения русских поэтов и писателей» [2, с. 55].

Именно язык представляет собой то средство, которое дает возможность опосредованно проникать в сферу ментальности. Принадлежность каждого человека к той или иной национальной культуре подразумевает язык, традиции, историю, в

результате чего возникает специфическое национальное пространство. Изучение русских текстов позволяет осознать и прочувствовать такое национальное русское пространство, проникнув в русское мировоззрение, овладев специфической системой знаков русского общества, его социальной информацией.

В процессе использования в учебном процессе художественных текстов необходимо упомянуть принцип «сравнительного анализа реалий и явлений в истории и культуре двух стран» [6, с. 166]. Например, таджикские школьники, которые овладевают русским языком, имеют возможность лучше ознакомиться с наследием и многообразием русской культуры. Приобщение к подобным современным текстам дает возможности для расширения предметно-экспрессивного кругозора представителей другой национальности в рамках приобщения к иной ментальности на всех уровнях, от узкого бытового до самого широкого духовного и философского.

Отметим, что использование художественных текстов при обучении позволяет удовлетворять различные потребности учащихся — коммуникативные, эстетические, познавательные, для чего в текстах должна содержаться информация различного характера — социального, этнического, культурного. При работе с художественными текстами, в том числе современными у таджикских учащихся появляется интерес к изучению русского языка и формируется понятие о человеческих ценностях. По справедливому мнению, Е.С. Богдановой: «Мировая литература прививает общечеловеческие ценности и показывает, что их утрата ведет к кризису личности и социальным катаклизмам» [4, с. 126].

Так, художественный текст дает возможности для усвоения учащимися всех языковых функций, представляя также социокультурную информацию о стране изучаемого языка. По словам Ю.Н. Караулова, «человек живет в мире текстов» [7], что обуславливает, в том числе, мотивацию учащихся при изучении русских современных текстов. Художественный текст при помощи языковых средств передает культурные смыслы, в нем происходит пересечение картины мира его автора и картины мира этноса, где он живет. Л.А. Сергеева отмечает, что «художественный текст — это обращение автора к читателю, которое должно быть воспринято и истолковано, в следствии чего читатель является его вторым автором» [11, с. 5].

Как известно, художественная литература изучается на уроках русского языка с методической точки зрения. Так, Е.С. Богданова отмечает, что «с помощью художественных текстов иллюстрируются языковые явления и способы функционирования языковых единиц в речи, демонстрируются образцы построения связной речи и решения коммуникативных задач» [4, с. 127]. Развивая мысль ученого, С.А. Хавронина и Т.М. Балыхина подчеркивают, что «в практике преподавания иностранных языков и русского языка как иностранного художественный текст используется как единица обучения языку и речи» [13, с. 47-49].

Таким образом, придерживаясь точки зрения ученых об эффективности художественных текстов для отработки грамматического материала, продемонстрируем работу по теме «Синтаксис простого предложения. Подлежащее и сказуемое» на основе рассказов «Русские звуки» и «Петербургские зонтики» современного русского писателя Е.Г. Водолазкина.

На основе этих примеров можно составить задания.

Например, 1. Найдите в предложениях главные члены предложения. 2. Чем выражено подлежащее в предложениях? 3. Чем выражено сказуемое в предложениях? и др. Соответственно, после подобных заданий закрепляется грамматическая тема в рамках урока русского языка на интегрированной основе.

Предложения из текста «Русские звуки»:

1. *«В Мюнхенском университете я читал однажды курс лекций по*

древнерусской литературе». 2. «Время от времени **появлялись новые лица**». 3. «Спустя время **они снова возникали на прежних местах**». 4. «**Я и не осуждал**». 5. «**Никогда еще мой рот не рассматривали так пристально**». 6. «Древнерусская литература меня не привлекает» [15, с. 31].

Предложения из текста «Петербургские зонтики»:

1. «**Сергей Сергеевич Аверинцев выступал с лекцией в Петербурге**». 2. «**Случались такие вещи в пединститутах**». 3. «**Вместе с Сергеем Сергеевичем слушатели дошли до Казанского собора**». 4. «**Стояли ранние осенние сумерки**». 5. «**На лекциях известных ученых сейчас сидят преимущественно студенты**». 6. «**И профессоров после лекций больше не провожают**». 7. «**Выражаясь современным языком, у общества были другие приоритеты**» [15, с. 23].

Целесообразно говорить о том, что в национальных таджикских школах изучаются только творчества русских классиков, также на ряду с русскими авторами в учебники включены тексты из творчества персидско-таджикских классиков и советских национальных писателей.

Представим наглядно некоторые произведения, включенные в учебники по русскому языку для учащихся старших классов таджикской национальной школы (таблицы 1,2).

Таблица № 1. Русские писатели и поэты, включенные в учебники по русскому языку

Художественные тексты в учебнике 9 класса	Художественные тексты в учебнике 10 класса	Художественные тексты в учебнике 11 класса
Жизнь и творчество А. С. Пушкин (упр. 14, стр. 12-13). «Сказка о рыбаке и рыбке» (упр. 24, стр. 22-23). О романе «Евгений Онегин» (упр. 31, стр. 29). «Я помню чудное мгновение», (стр. 30). Жизнь и творчество Н. В. Гоголя. (Первая часть упр. 90, стр. 71-72). «Ночь перед рождеством» (упр. 106, стр. 85-86). Отрывок из повести «Тарас Бульба» (упр. 113, стр. 94-95). Комедия «Ревизор» (отрывок) ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ Явление VI, (упр. 120, стр. 102-104). Отрывок из поэмы «Мертвые души» (упр. 127, стр. 110-111). Жизнь и творчество М.Ю. Лермонтова. Первая часть (упр. 153, стр. 139-140). Стихотворение Бородино, (упр. 156, стр. 143-144). «Смерть поэта» (отрывок) (упр. 163, стр. 149-150). Роман «Герой нашего времени» упр. 164, стр. 152-153. Повесть «Княжна Мери» (упр.	Автобиография И. С. Тургенева (упр. 9, стр. 8-9) Отрывок из рассказа И.С. Тургенева «Ася» (упр. 23, стр. 17). Отрывок из «Записки охотника» (упр. 45, стр. 27). И. С. Тургенев «Госка по родине» (упр. 87, стр. 48-49). Автобиография Н.А. Некрасова (упр.110, стр. 63-64) Отрывки из стихотворения Некрасова «Поэт и гражданин» (упр. 126, стр. 70). Творчество Н.А. Некрасова «Мороз красный нос (отрывок из I части)» (упр. 133, стр. 72-74). Текст о детстве Льва Николаевича Толстого (упр. 216, стр. 126-127). Годы юности и начало творчества Л. Н. Толстого (упр. 225, стр. 131-132). Отрывок из повести Л. Н. Толстого «Детство» (упр. 137-139). Биографию А. П. Чехова «Детство и годы самовоспитания» (упр. 324, стр. 191-192). Рассказ А. П. Чехова «Хамелеон»	А.А. Ахматова «Мужество», Р. Рождественский «Берёза», Н.С. Гумилев «Сахара», «Я и ВЪ», «Естество», М.Горький «Старуха Изергиль», «На Дне», «Мать», А.А. Блок «Россия», М.И. Цветаева «Мне нравится, что вы больны не мной...», М.А. Шолохов «Судьба Человека» (стр. 87). В.С. Токарева «Один кубик надежды» (стр. 94). В.С. Высоцкий «Песня о друге» (стр. 107). В.В. Маяковский поэма «Хорошо!» С. А. Есенин «Письмо к женщине», «Не жалею, не зову, не плачу...» (стр. 117). Н.А. Островский роман «Как закалялась сталь» (стр. 129). А.А. Фадеев роман «Молодая гвардия», стр. 132 А.Н. Толстой рассказ «Русский характер» (стр. 152). М.А. Булгаков роман «Мастер и Маргарита» (стр. 168). А.А. Вознесенский стихотворение «Романс»

165, стр. 154-155).	(упр. 347, стр. 208-212).	Б.Л. Пастернак стихотворение «Зимняя ночь» (стр. 275).

Как видно по таблице в учебниках по русскому языку отсутствуют тексты русских и таджикских авторов XXI века. Считаем уместным, сказать, что наряду с творчеством перечисленных авторов, таджикским учащимся необходимо знакомиться с произведениями современных русских авторов, таких как Е.Г. Водолазкин («Кунсткамера в лицах», «Служба попутчика», «Петербургские зонтики», «Русские звуки» и др.) Л.Е. Улицкая, («Благословенны те, которые...», «Человек в горном пейзаже», «Серпантин» и др.), Д.И. Рубина («Уроки музыки») С. Мосова («Ангел мой», «Непрощенный», «Четыре пышки» и т. д.), Н. Абгарян «Манюня», З. Прилепин («Какой случится день недели», «Бабушка, осы, арбуз»), Л. Петрушевская («Роза», «Счастливые кошки»), С.А. Щаргунов («Укол в сердце» и др.).

Вместе с современными русскими авторами видится целесообразным изучать творчество таджикских авторов, пишущих свои произведения на русском языке. Среди них: Тимур Зулфикаров (романы «Хуррамабад», «Возвращение в Панджруд»), Васид Шарипов (стихотворения «Верность Родине», «Таджикистан», «Ветеранам Великой Отчественной...»), Карим Хайдар (стихотворения «Москва слезам не верит», «Великий град», «Пушкину», «За Воронеж», «Я возвращаюсь на Большой Каретный», «Россия» и др. С помощью таких текстов, отчасти реализуется принцип диалог культур, формируется чувство патриотизма и положительное отношение к другим народам.

Н. В. Кулибина пишет, что «лексика русской классики уже существенно отличается от словаря современного русского языка: в ней много историзмов и архаизмов, устаревших стилистических оборотов». [9, с. 128–129]. Ученый подчеркивает относительно отбору художественных произведений, что человеку будет понятен текст, в том случае, если ему будет понятна ситуация про которой говорится в нем. Касательно адаптации художественных произведений Н.В. Кулибина отмечает, что «в методике преподавания русского языка как иностранного вопрос об адаптации текстов не имеет однозначного решения, — адаптированный художественный текст теряет неповторимое своеобразие авторской манеры изложения и лишает читателя возможности посмотреть на мир другими глазами, подчас большого писателя» [9, с. 186]. С этой точки зрения, можно прибегать к аутентичным современным художественным текстам, так как в большинстве случаев нет необходимости адаптировать такие произведения с целью преподавания в старших классах национальной школы. С точки зрения Э.Г. Азимова и А.Н. Щукина «аутентичный текст является фрагментом, выраженным в письменной или устной форме. Это результат речевой деятельности носителей языка, который не претерпел изменений для нужд изучающих лиц» [1, с. 28].

В рекомендуемых произведениях использованы речевые конструкции, которые часто употребляет современное русскоязычное население. Также тексты перечисленных авторов несложны для восприятия ученикам старших классов.

Еще одним из важных моментов рекомендации текстов современных авторов состоит в том, что в процессе работы с ними можно непосредственно познакомиться с их творчеством в Интернете. Например, можно смотреть их интервью, где читают свои произведения, также можно смотреть в социальных сетях, где они делятся различными фактами (Instagram, YouTube и Facebook Е.Г. Водолазкина, С.А. Шаргунова, З. Прилепина). Такой подход на занятиях мотивирует учащихся национальной школы и активизирует их мировоззрения.

Для художественных текстах характерно использование выразительных средств, что положительно сказывается на развитии речи учащихся, воздействует на адресата

сильнее, чем обычная модальность разговорного или публицистического текстов. Например, в части «Манюня, или что делает большая любовь с маленькими девочками» повести Н. Абгарян «Манюня» описывается дачный поселок, куда главные герои ездили каждое лето с семьей в свой домик. При описании места используются такие эпитеты, как *«неповторимую, омытую прохладной росой красоту, плотный утренний туман, аромат высокогорных трав, вековые деревья, невероятное счастье»* [14], выражают эмоции автора: радость, нежность и т. д.

Таким образом, резюмируя вышесказанное, можно сделать следующие выводы:

1. В таджикской национальной школе русский язык и русская литература изучаются на интегрированной основе в рамках предмета «Русский язык».

2. Художественные тексты являются ценными материалами для формирования коммуникативной и лингвокультурной компетенций, формирования лексико-грамматических навыков.

3. В учебники по русскому языку для таджикской национальной школы включены только произведения классиков и советских авторов.

4. Представляется целесообразным с методической точки зрения включить произведения русскоязычных писателей XXI века. Многие тексты современных авторов написаны современным языком, воспринимаются легче, отражают современные российские реалии.

ЛИТЕРАТУРА

1. Азимов Э.Г. Современный словарь методических терминов и понятий. Теория и практика обучения языкам / Э.Г. Азимов, А.Н. Щукин. — М.: Русский язык. Курсы, 2018. — 496 с.
2. Акишина А.А. Учимся учить. Для преподавателя русского языка как иностранного / А.А. Акишина, О.Е. Каган. — Москва: Русский язык. Курсы, 2012. — 255 с.
3. Бабаева Р. Н. Русский язык. Учебник для 10 классов общеобразовательных учреждений с таджикским языком обучения) / Р.Н. Бабаева, Р.А. Бегматова, М.О. Махмудова. — Душанбе, Маориф, 2018. — 288 с.
4. Богданова Е.С. Свойства художественного текста как основа методики обучения старших школьников текстовой деятельности: монография / Е.С. Богданова. — Рязань: РГУ им. С.А. Есенина, 2016. — 265 с.
5. Гусейнова Т.В. Русский язык: учебник для 9-го класса общеобразовательных учреждений с таджикским языком обучения / Т.В. Гусейнова, Д.Х. Шабурова. — 3-е изд. испр. и доп. — Душанбе: Маориф, 2017. — 208 с.
6. Гу Ши. Принципы отбора историко — культурных аутентичных текстов для изучения в китайской студенческой аудитории / Гу Ши // Наука и школа. — № 2. — 2019. — С. 165-170.
7. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность / Ю. Н. Караулов; Отв. ред. Д. Н. Шмелев; АН СССР, Отд-ние лит. и яз. - Москва: Наука, 1987. — 26, [2] с.
8. Кулибина Н. В. Художественный текст в лингводидактическом осмыслении: монография / Н.В. Кулибина. — М.: Гос. ИРЯ, 2000. — 303 с.;
9. Кулибина Н.В. Зачем, что и как читать на уроке: новое издание: методическое пособие / Н.В. Кулибина. — СПб.: Златоуст, 2015. — 221 с
10. Нагзибекова М.Б. Русский язык (Учебник для 11-ых классов общеобразовательных учреждений с таджикским языком обучения) / М.Б. Нагзибекова, Л.В. Мягкая. — Душанбе, Маориф, 2018. — 288 с.
11. Сергеева Л.А. Художественный текст: функционально-коммуникативный аспект исследования [Текст]: монография / Л.А. Сергеева, Г.Г. Хисамова, В.А. Шаймиев. — Москва: Изд-во МГОУ, 2014. — 203 с.
12. Сомова Л.А. Методика обучения литературе: особенности художественной коммуникации [Текст]: электронное учебное пособие / Л.А. Сомова. — Тольятти: Изд-во Тольяттинского государственного университета, 2014. — 247 с.
13. Хавронина С.А. Инновационный учебнометодический комплекс «Русский язык как иностранный»: учебное пособие / С.А. Хавронина, Т.М. Балыхина. — М.: РУДН, 2008. — 324 с.

Список источников

14. Абгарян Н. Две повести о Манюне / Наринэ Абгарян. — Москва: Издательство АСТ, 2018. — 639 с.

15. Водолазкин Е.Г. Инструмент языка [Электронный ресурс]: о людях и словах: [эссе] / Евгений Водолазкин. - Москва: Астрель: ЛитРес [поставщик], 2012. — 142 с.

Поступила в редакцию 18.05.2023 г.

Z. Z. Saidov

MODERN RUSSIAN LITERATURE IN THE ASPECT OF TEACHING THE RUSSIAN LANGUAGE TO STUDENTS OF THE NATIONAL SCHOOL

The article is devoted to the description of the potential of modern Russian-language literature in the Russian language classes at the national school in the context of integrated learning. The works of researchers on this topic are considered. The linguoculturological and linguo-didactic potential of the literature of the 21st century for learning by foreign language students is considered. The value of using literary texts for the assimilation of lexical and grammatical material is clearly demonstrated.

Key words: russian language, modern literature, national school, integrated education.

Сайдов Зайнулараб Забуриддинович.

Российский университет дружбы народов
им. Патриса Лумумбы, г. Москва, РФ.
Аспирант.
E-mail: szaynularab1994@inbox.ru

Saidov Zainularab Zaburiddinovich.

Peoples' Friendship University of Russia, Moscow, RF.
Postgraduate student.
E-mail: szaynularab1994@inbox.ru

Дерябина Светлана Александровна.

Кандидат педагогических наук, доцент.
Российский университет дружбы народов
им. Патриса Лумумбы, г. Москва, РФ.
Доцент кафедры русского языка и методики его преподавания.
E-mail: deryabina_sa@pfur.ru

Deryabina Svetlana Alexandrovna.

Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor.
Peoples' Friendship University of Russia, Moscow, RF.
Associate Professor of the Department of Russian Language and methods of teaching it.
E-mail: deryabina_sa@pfur.ru

УДК 80.81

V. V. Чебручан

*Приднестровский государственный университет им. Т. Г. Шевченко
(Научн. рук. — канд. филол. наук, доц. С. С. Полежаева)*

ЯЗЫКОВЫЕ ОСОБЕННОСТИ ЭРГОНИМОВ, ОТРАЖЕННЫХ В ПРИДНЕСТРОВСКИХ СМИ

В статье описываются эргонимы сферы культуры, отраженные в газетах Приднестровья. Цель — представить типологию эргонимов по ряду классификаций. Доказывается, что эргонимы отражают поликультурный, полиязычный характер многонационального общества и «расширяют» его границы за счет включения слов, заимствованных из европейских языков. Делается вывод, что в эргонимах кодируется связь с культурой, мифологией народов Приднестровья, и это способствует формированию их уважительного друг к другу отношения.

Ключевые слова: эргоним, ономастика, лексика, СМИ, Приднестровье.

Введение. Ономастическая лексика активно изучается в русле современной антропоцентрической парадигмы. Значительную долю имен собственных составляют эргонимы, являющиеся объектом изучения эргонимии — области ономастики, сформировавшейся в конце 90-х годов XX в.

Проблематика научной области «Эргонимия» отражена в работах: [1; 2; 3; 7; 8] и др. На сегодняшний день в науке не сформировался единый взгляд как на сам термин «эргоним», так и на его содержательную характеристику [9]. Номинация «эргоним»

была предложена Н.В. Подольской в [5]: **эргоним** — «собственное имя делового объединения людей, в том числе союза, организации, учреждения, корпорации, предприятия, общества, заведения, кружка. Пр.: *Организация Объединённых Наций* (ООН), <...>, *спортивное общество «Спартак»*, <...>, *музыкальный кружок «Могучая кучка»* [5, с. 151]. Исследователи ([2], [8] и др.) отмечают разнообразие взглядов на толкование термина «эргоним»: 1) в узком смысле — это имя собственное только коммерческой организации; 2) в широком смысле — это имя собственное любого учреждения (не только коммерческого), относящегося к группе людей, организованной в соответствии с определенными деловыми интересами [8]. Общее между двумя взглядами на эргонимы: они служат номинацией таких структур, в которых люди объединены именно деловыми интересами. Семантический компонент ‘дело’ лег в основу понимания термина «эргоним» в данной статье, что и определило отбор фактического **материала исследования** — номера газеты «Приднестровье» за период 2015 — 2017 гг., из которых были отобраны эргонимы в публикациях, освещающих область культуры. **Актуальность** темы обусловлена необходимостью систематизации номинативных средств эргонимического пространства Приднестровья для создания исследовательской базы данных, что позволит углубить теоретический взгляд на ономастикон Приднестровья и будет способствовать практической реализации полученных данных [6]. **Цель** — разработать типологию эргонимов области культуры Приднестровья и описать их языковые особенности, доказав, что эргонимы 1) отражают поликультурный, полиязычный характер многонационального приднестровского общества и 2) воплощают современные тенденции в использовании иностранных слов (как правило, относящихся к западноевропейским языкам).

Основная часть. Аналитическая база данных представлена разнообразным языковым материалом, исследованным в следующих аспектах: **тематическом, словообразовательном, этимологическом** и др.

1. Тематическая классификация эргонимов на основе рода деятельности деловых объединений людей. Это самая обширная в количественном плане классификация эргонимов (14 групп наименований).

1. Эргонимы — названия музыкальных ансамблей и коллективов: хор «Дирижабль», хор «Тезаур», сводный хор «Тирасполь-блюз», ансамбль молдавской песни «Бусуйок молдовенеск» и др. В следующих контекстах представим их использование в газетных публикациях: *Подарили <...> зрителям артисты народного творческого коллектива — ансамбля молдавской песни «Бусуйок молдовенеск» городского Дворца культуры...* [«Приднестровье». «"Ракушка" приглашает на праздник» 04.06.2015].

2. Эргонимы — названия фондов: фонд «Русский мир» ПГУ им. Т. Г. Шевченко, республиканский благотворительный фонд «Мир равных возможностей», ср.: *... отметил в интервью нашей газете руководитель республиканского благотворительного фонда «Мир равных возможностей» Дмитрий Кузук* [«Приднестровье». «Кино без барьеров» 30.05.2015].

3. Эргонимы — названия оркестров: *Сводный духовой оркестр Рыбницы, оркестр народной музыки «Фольклор», ср.: ... приняли участие заслуженный коллектив, оркестр Главного штаба Вооруженных сил ПМР, сводный духовой оркестр Рыбницы ...* [«Приднестровье». «По улицам с оркестром духовым» 26.03.2015].

4. Эргонимы — названия танцевальных коллективов: образцовый коллектив современного танца «Феерия», хореографический коллектив «Любава», ср.: *Хореографические коллективы «Миллениум», «Авангард» и «Любава» погрузили зрителей в чарующий мир танца ...* [«Приднестровье». «Фейерверк таланта, молодости и красоты!» 27.04.2017].

5. Эргонимы — названия театров, театральных и цирковых коллективов: сельский драматический коллектив «Фараоны», драматический театр им. А. П. Чехова, коллектив «Сказка», ср.: *Маленькие участники стали зрителями кукольного представления коллектива «Сказка»* [«Приднестровье». «Честита Баба Марта!» 12.03.2016].

6. Эргонимы — названия интернет-порталов и площадок: интернет-портал «Музей боевой славы», информационное агентство «Новости Приднестровья», ср.: *В музее <...> создан интернет-портал «Музей боевой славы»* [«Приднестровье». «И экспонаты могут говорить...» 21.02.2015].

7. Эргонимы — названия музеев: Тираспольский объединенный музей, Дубоссарский историко-краеведческий музей, ср.: *Историко-краеведческий музей с Незавертайловка основан в 1960 году* [«Приднестровье». «Хранители духовного наследия» 19.05.2015].

8. Эргонимы — названия союзов и сообществ: народный самодеятельный коллектив «Артемида», республиканская общественная организация «Приднестровское общество дружбы с Кубой», ср.: *В последнее время сотрудников музея <...> активно поддерживают общественные движения — союз ветеранов Афганистана, республиканская общественная организация «Приднестровское общество дружбы с Кубой», общество ветеранов войны и труда, союз защитников ПМР, Слободзейское Черноморское казачество* [«Приднестровье». «Времен связующая нить» 22.02.2017].

9. Эргонимы — названия творческих кружков: кружок прикладного искусства «Ладушки», образцовый кружок вязания и поделок «Волшебный клубок», ср.: *... награждены <...> кружок прикладного искусства «Ладушки», <...> образцовый кружок вязания и поделок «Волшебный клубок»...* [«Приднестровье». «Самые-пресамые» 13.10.2016].

10. Эргонимы — названия литературных объединений: ОО «Союз писателей Приднестровья», литературное объединение «Родник», литературная организация «Прометей», ср.: *В Рыбницкой городской детской библиотеке имени С. Маршака прошло традиционное семинарское заседание литературного объединения «Родник» и местного отделения союза писателей Приднестровья* [«Приднестровье». «У родника добрых традиций» 18.12.2015].

11. Эргонимы — названия домов культуры и культурных центров: «Дом офицеров», клуб «Ветеран», ср.: *Музыкальное сопровождение на этот раз «взял в свои руки» народный ансамбль «Тирас» клуба «Ветеран»* [«Приднестровье». «Друзья, прекрасен наш союз...» 07.06.2016].

12. Эргонимы — названия школ и библиотек: Детская школа искусств имени С. Рахманинова, ДЮСШ села Сукля, ср.: *В 2015 году детская школа искусств имени С. Рахманинова отмечает 45-летний юбилей* [«Приднестровье». «Юных творцов разовьются таланты» 05.12.2015];

13. Эргонимы — названия кинотеатров: кинотеатр «Тирасполь», кинотеатр им. Горького, ср.: *В пятницу в кинотеатре «Тирасполь» покажут драму «Воссоединение»* ... [«Приднестровье». «Кино и шведы» 20.03.2015].

14. Эргонимы — названия партий: партия «Возрождение», партия «Народная воля Приднестровья», ср.: *Организаторами мероприятия выступили Федерация профсоюзов, республиканская партия «Возрождение», Приднестровская компартия...* [«Приднестровье». «За консолидацию общества и воссоздание единого экономического пространства» 06.05.2015].

Часть эргонимов прямо отражает род деятельности делового сообщества (ср.: образцовый кружок вязания и поделок «Волшебный клубок»; оркестр народной

музыки «*Фольклор*»; музыкальный ансамбль «*Волшебные флейты*» и др.). Однако большинство эргонимов **нельзя напрямую связать с определенным родом деятельности** делового объединения людей, возможно лишь усмотреть ассоциативные связи между эргонимом как номинативной единицей языка и родом деятельности делового коллектива людей, ср.:

(а) народный вокальный ансамбль украинской песни «*Хрустовчанка*»: эргоним следует увязать с топонимом — село Хрустовая Каменского района ПМР. Однако этот эргоним вполне можно соотнести с любым другим деловым объединением людей;

(б) (танцевальный) коллектив «*Миллениум*» (*millennium* — «граница между тысячелетиями»). Функционирование данного слова в качестве эргонима в современной коммуникации говорит о том, что этим словом сегодня называют и ювелирные магазины, и отели, и даже одну из версий компьютерной программы Windows (Windows Millennium Edition);

(в) народный самодеятельный коллектив «*Артемида*». В древнегреческой мифологии Артемида — вечно юная богиня охоты, богиня женского целомудрия, покровительница всего живого на Земле. По-видимому, коллектив назван так потому, что преобразует дары природы в произведения искусства, которые представлены на выставках этого самодеятельного творческого коллектива;

(г) некоммерческая организация «*Ключевые ценности*» («ценность — важность, значение» [4]). В эргониме заключен смысл сохранения культурных ценностей, а именно сохранения поэтического творчества и многих других;

(д) молодёжное поэтическое сообщество «*Борщ*». Борщ — это жидкое первое блюдо, состоящее из множества ингредиентов. Представляется, что сообщество названо именем «Борщ», потому что в нем находятся представители разных литературных направлений. Такая языковая игра в основе эргонима «Борщ» привлекает внимание читателей к сообществу.

2. Этимологическая классификация эргонимов области культуры представляет языковые единицы, разные по происхождению. Это связано с тем, что на территории Приднестровья проживают люди многих национальностей — молдаване, русские, украинцы, болгары, гагаузы, немцы, армяне и др. Закономерно, что номинации деловых объединений людей будут отражать определенный культурный фон народов. В данную классификацию включены эргонимы:

1) **исконно русского происхождения**: Казачий ансамбль «*Станица*»; коллектив «*Сказка*»; Театр кукол «*Солнышко*»;

2) **иноязычного происхождения**: **старославянские**: вокальный ансамбль «*Глась*», народная вокальная группа «*Вдохновение*»; **молдавские**: Ансамбль молдавской музыки «*Гиочел*», Ансамбль народного танца «*Ватра*», народный ансамбль молдавской песни «*Бусуйок молдовенеск*», фольклорный коллектив «*Извораи*», ансамбль танца и народной музыки «*Виорика*», духовой оркестр «*Плаи натал*»; **украинские**: фольклорный ансамбль «*Джерело*»; **болгарские**: народный коллектив «*Другари*»; **греческие**: Хор «*Гармония*»; **латинские**: Сводный хор «*Экспрессия*»; **французские**: Театр «*Феерия*»; **румынские**: Оркестров русских народных инструментов «*Тараф*»; **английские**: Оркестр народной музыки «*Фольклор*»; **итальянские**: Образцовый ансамбль эстрадного танца «*Феличита*» и др.

Большинство эргонимов по происхождению являются иноязычными словами. Среди них — **старославянские слова** («*Вдохновение*», «*Глась*» — в последнем примере отражено старое написание: с редуцированной гласной «ер» в конце слова). В старославянских эргонимах есть апелляция к истокам русского языка, русского народа, что, на наш взгляд, является своеобразным кодом русской культуры, способствует воспитанию любви к русскому народу, формированию уважения к его прошлому.

Значительное количество составляют эргонимы **молдавского** и **украинского происхождения**. Молдавский и украинский языки, наряду с русским языком, образуют группу официальных языков в Приднестровье. Соответственно, и нейминговая составляющая объектов в нашей республике будет отражать этот факт. Название ансамбля «*Ватра*» (русс. — «очаг, костер»), т.е. то, что притягивает, что является родным и близким. Название ансамбля молдавской музыки «*Гиочел*» связывается с легендой, бытующей в молдавском народе, о подснежнике (русс. — «подснежник»). Об истоках памяти своего народа свидетельствует также название фольклорного коллектива «*Извораши*» (русс. — «родничок»). Показательно, что таким же смыслом обладает и название ансамбля, содержащее слово на украинском языке, — «*Джерело*» (русс. — «источник»). Название народного коллектива «*Другари*» из болгарского села Парканы в переводе с болгарского языка — «друзья, товарищи».

В проанализированных эргонимах, связанных с тремя самыми большими по численности народами в нашей республике, отражается связь с культурой, мифологией этих народов, и это способствует формированию уважительного их отношения друг к другу. Кроме названных, представлены также эргонимы, происхождение которых восходит к другим, западноевропейским, языкам (в большем количестве — английским), что свидетельствует о многогранной культуре приднестровского народа, об «открытости» границ в сфере номинации.

3. **Словообразовательная классификация** построена на способе словообразования эргонимов. Большинство из них образованы **морфологическим способом**, среди которых — **способ аббревиации** (*ЦБС — Тираспольская центральная библиотека имени А. С. Пушкина*) и **способ сложения (в разных его вариациях)** («*Первоцвет*», «*Россотрудничество*»). **Неморфологический (семантический) способ** представлен незначительным количеством номинаций: молодежный центр досуга «*Юбилейный*» (**морфолого-синтаксический способ, субстантивация**). К противоположному выводу (о большей представленности семантического способа словообразования эргонимов г. Уфы) приходит А. М. Емельянова [1, с. 12].

4. В проанализированных контекстах из сферы культуры нередко отражена **оценочная характеристика** эргонимов. И. В. Крюкова пишет, что соответствующую рефлексию на эргоним читатель может сформировать даже основе части фразы, состоящей «из эргонима и согласованного с ним оценочного определения» [3, с. 70]. В нашем материале это, как правило, **положительная оценка** деловых объединений людей, что нередко выражается **эпитетами**. Ср.: (значение слов с положительной оценочностью, которые сочетаются с эргонимами, толкуется по [4]):

(1) *Без преувеличения можно сказать: ансамбль молдавской музыки «Гиочел» городского Дворца культуры — явление для Рыбницы яркое и даже уникальное* [«Приднестровье». «Народная музыка — мое дыхание, моя любовь», 27.02.2015] (*яркий* — 3. перен. Сильный и впечатляющий; *уникальный* — единственный в своём роде, неповторимый).

(2) *Гордость отделения — ансамбль «Батман», который возглавляет А. Манько, неоднократно становился лауреатом конкурсов ...* [«Приднестровье». Юных творцов разовьются таланты, 05.12.2015] (*гордость* — 2. Чувство удовлетворения от чего-н.).

(3) *Село Воронково представляли танцоры, <...>, а также прекрасный инструментальный ансамбль «Юность»* [«Приднестровье». Пронька и Секлета живут в селе Воронково, 07.06.2017] (*прекрасный* — то, что воплощает красоту, соответствует её идеалам).

(4) *Такое интересное, а для многих и загадочное место, как «Шерстяной дом» в Слободзее ...* [«Приднестровье». Они создают сказку, 14.09.2017] (*интересный* — 2.

Красивый, привлекательный; *загадочный* — непонятный, труднообъяснимый; многозначительный и таинственный).

Выводы. Разработанные классификации эргонимов культурной сферы Приднестровья, отраженных в газете «Приднестровье», свидетельствуют о большом их разнообразии в тематическом и этимологическом аспектах. Однако оценочная их характеристика однозначна: все эргонимы, функционирующие в речи в «содружестве» с эпитетами, реализуют исключительно положительную оценочную семантику. И это, безусловно, характеризует приятие и (принятие) обществом деловых объединений людей и оценку их важной роли для культурной (и не только!) жизни приднестровцев.

Значительная доля эргонимов отражает многонациональный и поликультурный характер приднестровского общества, где значимо количество русских, молдавских, украинских и болгарских по происхождению онимов. Эргонимы сферы культуры Приднестровья отражают связь с мифологией, традициями народов, которые проживают на этой территории издавна. Вместе с тем большое количество эргонимов ряда тематических групп (например, названия музыкальных и танцевальных коллективов) представляют собой иноязычные слова, как правило, из английского языка. Такая же закономерность наблюдается и в русском (российском) эргонимическом пространстве, ср.: «анализ эргонимической подсистемы русского языка, <...> позволяет считать заимствование тенденцией, обусловленной экстралингвистическими факторами» [7, с. 178].

Эргонимы, которые называют деловые объединения людей, на уровне смысла явно отождествляемые с родом их деятельности, представлены в меньшем количестве, чем эргонимы, семантика которых не дает прямого понимания рода деятельности таких деловых коллективов.

С точки зрения образования, эргонимы как мотивированные языковые единицы представляют морфологическое словообразование (способы сложения и аббревиацию).

Данные выводы, безусловно, сделаны только на базе проанализированного корпуса примеров. Требуется дальнейшее изучение эргонимов с учетом более обширного исследовательского материала.

ЛИТЕРАТУРА

1. Емельянова А. М. Эргонимы в лингвистическом ландшафте полиэтничного города: на примере названий деловых, коммерческих, культурных, спортивных объектов г. Уфы: автореф. дис... канд. филол. наук / А. М. Емельянова. — Уфа. 2007. — 24 с.
2. Захарова-Саровская М. В. К вопросу об эргономии / М. В. Захарова-Саровская // Вестник КемГУ. 2018. №3 (75). — С. 187–191.
3. Крюкова И. В. Коннотативная эргонимия / Ономастика Поволжья: материалы XVII Международной научной конференции (Великий Новгород, 17 — 20 сентября 2019 года) / И. В. Крюкова // Сост., ред. В. Л. Васильев; Новгородский гос. ун-т им. Ярослава Мудрого. — Великий Новгород: «ТПК «Печатный двор», 2019. — С. 68 — 72.
4. Ожегов С. И. Толковый онлайн-словарь русского языка / С. И. Ожегов. — Режим доступа: <https://lexicography.online/explanatory/ozhegov/>
5. Подольская Н. В. Словарь русской ономастической терминологии / Н. В. Подольская / отв. ред. А. В. Суперанская — М.: Наука, 1978. — 200 с.
6. Полежаева С. С. Имя собственное в полилингвистическом сообществе (на материале урбанонимов города Тирасполь) / С. С. Полежаева // Ономастика Поволжья: материалы XVII Международной научной конференции (Великий Новгород, 17–20 сентября 2019 года) / Сост., ред. В. Л. Васильев; Новгородский гос. ун-т им. Ярослава Мудрого. — Великий Новгород: «ТПК «Печатный двор», 2019. — 560 с. — С. 394–398.
7. Пономаренко И. НАУК, Крыжановская В. А. Современный эргоним: Основные тенденции в нейминге / И. Н. Пономаренко, В. А. Крыжановская // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Филологические науки. Научный журнал. — Том 5 (71). — 2019. — № 3. — С. 176 — 186.

8. Пшенкина Т. Г. The problem of translating business company names from Russian into English / Т. Г. Пшенкина, Н. Н. Безрукова // Филология и человек — 2016 — №4. — С. 67 — 78.
9. Разумов Р. В. Об упорядочении ономастической терминологии в области урбанонимии / Р. В. Разумов // Верхневолжский филологический вестник — 2015 — № 2. — С. 14 — 19.

Список источников

Газета «Приднестровье» / Режим доступа: <https://pridnestrovie-daily.net/archive/>. Дата обращения: февраль-март 2023 г.

Поступила в редакцию 29.04.2023 г.

V. V. Chebruchan

LINGUISTIC FEATURES OF ERGONYMS REFLECTED IN THE PRIDNESTROVIAN MEDIA

The article describes the ergonyms of the sphere of culture reflected in the newspapers of Pridnestrovie. The aim is to present a typology of ergonyms according to a number of classifications. It is proved that ergonyms reflect the multicultural, multilingual nature of a multinational society and "expand" its borders by including words borrowed from European languages. It is concluded that ergonyms encode a connection with the culture and mythology of the peoples of Pridnestrovie, and this contributes to the formation of their respectful attitude towards each other.

Key words: *ergonym, onomastics, vocabulary, mass media, Transnistria*

Чебручан Виктория Витальевна

Приднестровский государственный университет им. Т. Г. Шевченко, г. Тирасполь, Приднестровская Молдавская Республика. Студент.
E-mail: solonina2001@inbox.ru

Chebruchan Victoria Vitalievna

Shevchenko Pridnestrovian State University, Tiraspol, Pridnestrovian Moldavian Republic. Student.
E-mail: solonina2001@inbox.ru

Полежаева Светлана Серафимовна.

Кандидат филологических наук, доцент. Приднестровский государственный университет им. Т. Г. Шевченко, г. Тирасполь, Приднестровская Молдавская Республика. Доцент кафедры русского языка и межкультурной коммуникации.
E-mail: svetlanapolejaeva1506@mail.ru

Polezhaeva Svetlana Serafimovna.

Candidate of Philological Sciences, Associate Professor. Shevchenko Pridnestrovian State University, Tiraspol, Pridnestrovian Moldavian Republic. Associate Professor of the Department of Russian Language and Intercultural Communication.
E-mail: svetlanapolejaeva1506@mail.ru

УДК 81'373.612.2

Е. П. Кашникова

*Калмыцкий государственный университет им. Б. Б. Городовикова
(Научн. рук. — канд. филол. наук, доц. Э. Б. Манджиева)*

МЕТАФОРА КАК СРЕДСТВО ЭКСПРЕССИВИЗАЦИИ РАЗГОВОРНОГО ДИСКУРСА

В статье предпринята попытка анализа метафоры как способ выражения эмотивности и оценочности в разговорной речи, в том числе с учетом ситуации языковой неоднородности (национально-русского двуязычия). Анализ показал, что метафоризация в разговорном дискурсе реализует следующий перенос по сходству: представители животного/растительного мира, предметы окружающего пространства — человек/предмет. В основе переноса — индивидуальное восприятие коммуниканта, создающего образ. Отсюда выделились типы метафор (зооморфные, флористические, неологичные, прецедентные), которые выполняют образно-оценочную функцию с целью воздействия на адресата и имеют отношение к ситуациям, человеку, основным физическим, поведенческим и интеллектуальным его характеристикам.

Ключевые слова: разговорный дискурс, метафора, метафоризация, эмотивность, оценочность, повседневная коммуникация.

Метафора — продуктивный способ выражения эмотивности и оценочности в разговорной речи. Это вид тропа, в котором лексема или оборот используется в переносном значении на базе сходства, аналогии в определенном отношении двух объектов. С помощью метафор по-новому открывается окружающий мир. Она один из способов трансляции оценки, характеристики, а в полемическом дискурсе иногда даже аргумент [5, с. 269]. Человек по своей природе склонен к метафоризации с опорой на эстетический потенциал родного ему языка. Через метафорические мыслеформы познается действительность и выстраивается индивидуальная картина мира. «Метафора выступает быстрым и мощным средством передачи идеи» [10, с. 148]. Потому есть основание считать процесс метафоризации одним из позитивных явлений творчества в дискурсе, в том числе и разговорном.

Разговорная речь — особый тип дискурса, дающий в силу нестрогих норм определенную свободу для проявления творческого потенциала. Основные жанры обиходно-бытового общения (*беседа, болтовня, ссора, поздравление, колкость, анекдот, шутка, флирт* и пр.), непосредственность и неофициальность общения дают возможность коммуникантам проявить красноречие, хотя этому типу дискурса и не свойственна «рассчитанная риторичность» [12, с. 103]. А особенности двуязычной среды предоставляют дополнительный материал для этого. Д.И. Яхина считает, что метафора в разговорном дискурсе выполняет функцию оценки явлений, выходящих за границы общепринятых норм, нестандартных, нетипичных [13, VII, с. 212-220].

Наш материал подтверждает наблюдения ученых в пользу того, что в РР образному описанию, оценочности подвергается весь окружающий человека мир. Сам человек также не избежал этого. Метафоры в нашем материале в основном зооморфные (анималистические) и флористические, они есть результат метафорического переноса: свойства представителей животного (зверей, пресмыкающихся, насекомых, птиц и рыб в их первичном значении) и растительного миров (деревья, цветы, овощи, фрукты, ягоды) приписываются человеку или другому объекту (предмету) по признаку сходства и в силу индивидуального восприятия. Помимо этих процессов присутствует перенос с предмета /явления/ на предмет/лицо. Обратимся к примерам, имеющим отношение к человеку и его основным поведенческим и интеллектуальным характеристикам. Активным является процесс оценочной метафоризации по отношению к **внешности человека, её деталям:**

– Ну что/ малышка/ **вишенки**.../ или **смородинки** у тебя такие хитрющие...// (о глазах ребенка);

– **Огуречик** ты наш/ довольная, чистенькая, умытая/ доча, будешь кушать?// (об опрятном внешнем виде);

– Хороша/ просто **роза майская** Вкуся/ признавайся, что сделала с собой?// (РЖ комплимент);

– Хорошо вам /девочки/ ты **березка**, ты **рябина**/... а я **дуб в три обхвата**.../;

– **Актриса** что **Асмиту** играет ну всем хороша, но вот **клюв**/ ну больно большой/ ну вот все-таки главная роль...// (имеется в виду нос);

– **речевая деятельность:**

– А этот **дятел** сам себе всё//... воздух сотрясает / и по фигу, что его не слушают// (об учителе);

– Елена Владимировна **проскрипела** свое поздравление/ интересно говорит так/ как у старушки голос// (характеристика тембра голоса);

– Ну **скворец**, на минуту хоть остановись, притомил бабу/ (смеется) // С утра рот не закрывается// (о непрерывной болтовне ребенка);

– Хватит **рычать!** // Неужели нельзя нормально говорить? / Голова уже болит и настроение хуже некуда//... (об агрессивной речи);

– **интеллект:**

– Ты, **овца**, / думай давай/ математика — гимнастика для ума.../ «науки юношей питают, отраду старым подают»...//;

– **Овощ** что ли? Соображай//;

– Совсем не соображает, в голове **уксн ноха**, видимо// (калм.: сдохшая собака);

– Ну что **тормозим?** Сказано же, что не принимаем, не стойте над душой// (реакция на непонимание);

– **поведение:**

– Полегче/ **медведь** / ребра переломаете все//... (при объятиях);

– Он же работает в женском коллективе/ потому весь всегда / **павлин** настоящий/ хвост распушит и красуется... как в той рекламе// (смех);

– Давай, **Бабася**, топ-топ прыг-скок/ **кузнечик** настоящий// (Бабася — маленькая Наташа так произносит свое имя);

– Не **попугайничай**, / Савр / вон из класса выйдешь//;

– **психоэмоциональное состояние:**

– Ты не напоминай лучше /как вспомню/ шуд прям **закипаю**/ зла не хватает//;

– Он не человек/ **бешеный слон**,/ когда касается его интересов / Вау!//;

– Утром после реанимации **Кема** говорит она слабая была / **квашня** такая//;

– Вечно киснет/ **квашня**/ сил нет// (о грудном ребенке);

– **Питон** тетя Валя наша.../ или **питониха** /...**питонша** /как там — правильно// Спокойная-спокойная, что бы ни случилось//;

– **отношения с людьми:**

– **Бальзам** для души // Хорошая такая /сострадать умеет эта девочка//

– **Рыбе** моей **золотой** спасибо огромное за помощь передай //...

Как видим, метафоризация в разговорной речи оценочная, яркая, создающая наглядные для восприятия образы, оживляющая общение. Как правило, используется перенос «животное / птица / рыба / насекомое / растение / предмет — человек».

Кроме вышеописанных метафор, разговорной речи характерно использование средства выразительности, источниками которых являются различного типа артефакты из повседневного пространства, окружающего человека: одежда, ее детали, предметы быта, здания, помещения. Это могут быть манера движения транспортных средств (перенос на способ передвижения человека), сходство со свойствами различных металлов, состоянием вещества (перенос на эмоциональное состояние эмоциональное состояние человека).

Рассмотрим, как источник метафоризации предметы как часть жизненного пространства человека. Выделились определенные группы:

– **одежда, её детали:**

– Да я для него **тапки домашние**/ нет на месте / так ищет сразу, а как дома/ и не замечает//;

– **Халат** заношенный я/ а не вечернее платье// Не знаю уже и не помню, как его носить, а ты говоришь...// превратилась уж.../, не помню когда что покупила себе в последний раз//;

– Да я несколько раз ездил в этот отдел/ ждал-ждал /говорят что вышли/ **пиджаки** на работе реально//;

– Где **пуговица**, на которой держится вся семья? Мама-а...//;

– Как всегда я **не пришей рукав** / не пойму что делать на этой работе конкретно, как и на /... прошлой//;

– **быт:**

– Слушай, вполне уютная у тебя **конура**//;

– Мать вам **не пылесос** /за всеми прибирать // Все вместе сели и отобедали//;

– Эй ты/ **оглобля**/ уйди в сторону/ здоровая такая/стала и стоит /не видно остальным/ (характеристика человека высокого роста, крупного телосложения);

– Вытаращила свои **две пуговицы**/ оловянные/... **курица испуганная**...// (о глазах и поведении);

– **пища:**

– Где мой **воздушный шоколад**?//... (о ребенке) — Ого, воздушный/ тяжё-ё-ёлый / **махта-щёлтя**// (калм: букв — с мясом, бульоном, то есть набрал вес);

– Эту **кашу** ты заварила / давай и расхлебывай! // (о ремонте);

– А как теперь быть?/ Учебу оплатили, а ты раздумала?/ Что/год ждать? /Нет, ты уж учись, а там видно будет/ **вот такой компот**//;

– Люда/ а что теперь, раз они отказались покупать квартиру, а документы запущены?/ Так бывает? // — Вот такие **пирог с котятами**...//;

– Ну ты **мед да сироп**, пролила да втерла//;

– **металлы, вещества:**

– Она сама с трех месяцев умеет **переворачиваться**/ чисто **ртуть**/ не уследишь//;

– **Золото** просто /характер покладистый, милая, приятная/ короче как в классике/ дама приятная во всех отношениях//;

– Опять этот / **шампунь** / эту **химию** купил// (о кока-коле).

Итак, языковой материал продемонстрировал, что в сознании большая часть образов в сознании информантов стереотипна, хорошо известна. Отметим влияние синтаксиса РР на использование метафоричных номинаций: в группе «одежды, её детали» некоторые метафоры являются компонентом приема отождествления по типу я = халат, я = домашние тапки. Такие структуры отождествления считаются разговорными, то есть стилистически маркированными (см. работы О.Б. Сиротининой).

В сфере повседневного общения сильна позиция оценивания от позитивного до негативного: **Вот он такой /честь и совесть эпохи/ хоть в музее выставляй, как плачущего большевика**//. Критичность, безапелляционность есть свойства русского характера [7]. Обычно негативная оценка звучит в отсутствии объекта оценки, реализуясь в речевом жанре сплетни, злословии по поводу лиц, ситуаций, мероприятий и пр.: — **Такая ужасная в поведении/ кобыла/ хамка... Но когда ей что-то надо/ просто соловей в куцах/ заслушаешься/ а получила свое/ вселенский холод получай**//.

Оценочные суждения присущи женскому дискурсу. Обычно негативная оценка звучит в отсутствии объекта оценки, реализуясь в речевом жанре сплетни, реализуется тональность злословия по поводу лиц, ситуаций, мероприятий и пр.: **Светка вылитый Кощей бессмертный/ как после голодовки**//; **Танька твоя змея/ ну реально змея/ ядом так и брызжет**//.

Речь мужчин в этом отношении отличается нейтральностью, меньшей категоричностью. Им присуща неуверенность, затрудненность в выборе оценки. К примеру, выражая неуверенность в оценочной характеристике, чаще всего, по наблюдениям Д.И. Яхиной, используется словообразовательный суффикс -ова- (*грязноватый, вороватый, аляповатый*). Негатив смягчается упоминанием положительных качеств обсуждаемой личности (надежность, доброта, профессионализм): **Ну Саныч/ мужик кремень/ но вот/ прижмистый он**...//; **Вороватый он человек/ но мастер на все руки**...//; **Лен, ну ты не совсем права/ Галка**

*иногда может быть **стервой**/ такая по складу своему характера/ но вспомни как она в больницу к тебе носилась//.*

В выражении эмоционально-оценочной мужчины сдержанны в соответствии со своим природным психотипом. Они предпочитают промолчать. «Мужчинам специально предписывается «не проявлять слабость», стараться избегать сентиментальности и не выражать на людях такие «женские» эмоции, как ласку, нежность» [4, с. 56].

Образная оценочность характерна семейному общению, где задействованы разные речевые жанры — от доверительной беседы, безобидной болтовни до нотаций и ссор: *Юля ты юла / что не сидишь на месте?/ просто / замучила...//; Ведет себя как последний подлец//...*

Для старших в семье значимы состояние/здоровье, быстрота реакции (*юла, ртуть, обезьянка, белка, коза*). Подобные оценки свойственны женщинам. Д.И. Яхина отмечает, что именно женщина берет на себя обязанности по воспитанию младших в семье. Особенности поведения любимого ребенка родители склонны оценивать образно: *Генка мой / в детстве подвижный был /обезьяна//.*

Гендерные предпочтения в плане оценочности вполне предсказуемы. Но есть и универсальная черта в процессе метафоризации предметов, явлений и лиц: ситуация оценки лиц противоположного пола, при общении с друзьями, близкими людьми, жанр флирта, обсуждение любимых и нелюбимых видов деятельности и др. Тематика же может не совпадать: дамы активно метафоризируют и сравнивают, погружаясь в темы *дома, семьи, моды, обсуждения третьих лиц, режиссерской работы, проблемы социального плана*. У мужчин тематика другая: *работа, спорт, политика, общественные проблемы; домашнее и личное* гораздо реже.

Как и другие тропы, метафора выступает в повседневной коммуникации как субъективно-объективный способ передачи модальных отношений. Широко понимая модальность как семантическую категорию, включающую как категорию оценки, так и целеустановку автора, считаем, что в разговорной речи субъективная модальность реализуется как авторская. Важную роль в выражении отношения автора текста играет категория оценочности. Она семантической природы и сложилась в общей системе модальности. Метафора тесно связана с познавательной деятельностью человека и наглядно передает содержание, давая возможность адресату чувственно и определенно представлять факты и влияние общественно-политической жизни социума, сопровождая высказывание модально-оценочным значением. Метафора устанавливает ассоциации в поисках сходного, позволяя глубже проникать в суть описываемого явления, события, выражая собственное к ним отношение.

Метафоризация в своей основе имеет конкретный признак. Ему может быть присущ логический принцип выделения, и передавать он может общее впечатление на основе противопоставления предметов/явлений. «Метафора переносит слово от одного значения к другому по качеству на том основании, что различные предметы могут производить на нас своими действиями и свойствами одинаковые впечатления» [1, с. 29]. Это может быть пучок признаков, порой разных: *лиса* — хитрая и изворотливая; *кремень* — воля и упорство; *кувалда* — грубая и неуклюжая + невоспитанная и т. п.

Человек ловит и создает сходство между разными лицами и классами предметов/объектов/явлений, проявляя свои творческие потенции или потенции социума соответственно своей картине мира.

Источником образных средств также служат **прецедентные имена**. Они представляют собой индивидуальное имя, связанное или с широко известным текстом, относящимся, как правило, к числу прецедентных, т.е. значимых в данной национальной культуре, или с ситуацией, широко известной носителям языка и

выступающей как прецедентная [3, XI, с. 137]. Прецедентное имя является сложным знаком: при его упоминании в процессе коммуникации идет отсылка воспринимающего не к собственно денотату прецедентного имени, а к набору его дифференциальных признаков, которые позволяют отличать данное лицо от других [2, с. 9].

В нашем материале это **имена собственные представителей эстрады, шоу-бизнеса, спортсменов, селебрити:**

– *Магомаев* **новоявленный...**/ я это «море-море» устала слушать по тридцать раз на дню// (о соседе, поющем под караоке);

– Ну чисто *Соловьев*/ **вернее двойник/ одного по ТВ слушаю, а другого в собственной квартире/ хватит уже про это...**//;

– Бабуля удивляется, что *Светка* (внучка) **маленького роста/ А ее то Сабонис — метр с кепкой**// (о сыне, то есть отце внучки) // (колкость);

– *Ай да сердцеед/ Нагиев* **местный...**//;

– **имена героев мифов, исторических деятелей античности:**

– *Гай Юлий Цезарь*/ **и типа уроки учишь/ и музыку слушаешь/ и насыщаешься/ все одновременно**//;

– *Давай Геракл* **шкаф двигать**// — Если я *Геракл*, то ты *Гераклище*...//;

– *Что орешь/ Пелеев сын Ахилл?*.../ **Гневаться нехорошо/ до добра не доводит**//;

– **имена сказочных персонажей:**

– *Баба-Яга* **настоящая/ пригладить хоть патлы**//;

– *Какая ты Дюймовочка-а-а*//... **на диетах что ли сидела?**//;

– *Иван-дурак*, **по-другому и не скажешь/ ни с кем не посоветовался Ванька...**/ и есть Ванька//

– Ну давай **туда-сюда на своего Аранзала и нет проблем**// (мифический конь богатыря Джангара из одноименного эпоса калмыков);

– *Наша Радхарани* **совсем разыгралась/ разбаловалась/ растанцевалась...**// (принцесса, земное воплощение ведической богини).

Критерием успешного использования прецедентного имени является их известность воспринимающей стороне и соответственно правильная интерпретация. В условиях реализации разговорной речи коммуникативная компетенция адресанта заключается в учете знания интеллектуального уровня адресата. Прецедентный феномен должен быть ему знаком. Важным является наличие у коммуникантов прагматической пресуппозиции знания адресатом используемого прецедентного феномена [11, с. 55]. Однако если возникает недопонимание, оно легко разрешается в условиях развертывания неофициального и непосредственного дискурса (всегда возможен переспрос).

Специфика повседневной коммуникации не накладывает нормативные рамки на словотворчество, потому в разговорном дискурсе возможны неологичные (индивидуально-авторские) метафоры. В нашем материале они единичны, очень эмоциональны и необычны:

1) РЖ болтовни: — *Эта ... ЁКЛМНПРСТ!!!* // **Невозможная/ тупая!!!!** // **Ужас ужасный!!!!**...// (оценка нелогичных действий коллеги Елены Клеменьевны, инициалы вызвали соответствующую ассоциацию);

2) РЖ сплетня: — *Смотрю/ а мне навстречу лебл..дь* **белая плывет**// **Явление... все такая же томная, но .../ толстая**// (инвектива: о давней знакомой);

3) РЖ болтовни: — *Эта Дюймовочка* **всю ночь орала/ спать не давала**// (обыграно имя сказочного персонажа Дюймовочка, шуточный укор);

4) РЖ угроза: — *Эй ты/ ДАЗДРАДЕБ!* // **давно не получал в бубен?** // **Исправим/ дебилоид должен дома сидеть...**...// (вероятно, *Да здравствует дебил(-оид)* по аналогии с

именем советского периода *Даздраперма — да здравствует первое мая*).

5) РЖ *ссора*: — *Ты чего это/ паровозишь/ слово тебе не скажи*// (характеристика вызывающего поведения).

Инвективы окказиональные, по сути, использованы с целью оскорбительной оценки/унижения предмета речи, выразив таким образом к нему свое неуважение (1-2 примеры). Третий пример — результат игры со смыслом и формой прецедентного имени в субжанре укора. Четвертый пример не метафора, а скорее экспрессив-квалификатив, транслирующий презрение к оппоненту. По причине его единичности приводим здесь по признаку окказиональности. Пятый пример — окказионализм, выражающий возмущение.

Итак, анализ языкового материала показал, что метафоризация разговорного дискурса — продуктивный процесс и реализует следующий перенос по сходству: «представители животного и растительного мира, предметы окружающего пространства — человек/предмет». Перенос отражает индивидуальное восприятие коммуниканта, создающего некий образ. Отсюда выделились следующие типы метафор: зооморфные (*дятел, павлин*), флористические (*вишенка, роза майская*), предметные (*квашина, шляпа*), глагольные (*не рычи, закипаю*) и неологичные (индивидуально-авторские: *ЕКЛМНПРСТ, Дюрьмовочка*). Они выполняют образно-оценочную функцию с целью воздействия на адресата и имеют отношение к человеку и его основным поведенческим и интеллектуальным характеристикам.

ЛИТЕРАТУРА

1. Буслаев Ф.И. Историческая грамматика русского языка / Ф.И. Буслаев. — М.: Учпедгиз, 1959. — 623 с.
2. Гунько, Ю.А. Особенности функционирования прецедентных высказываний в разговорной речи носителей русского языка: автореф. дис... канд. филолог. наук: 10.02.01 — русский язык / Гунько Юлия Александровна — СПб, 2002. — 24 с.
3. Драпалюк А.В. Прецедентные имена реальных личностей в современной русской и немецкой прессе / А.В. Драпалюк // Проблемы речевой коммуникации. — Саратов: Изд-во Саратовского университета, 2011. — Вып.11. — С. 136-145.
4. Крейдлин Г.Е. Невербальная семиотика: язык тела и естественный язык / Г.Е. Крейдлин. — М.: Новое литературное обозрение, 2005. — 592с.
5. Культура русской речи / под ред. Л.К. Граудиной, Е.Н. Ширяева. — М., 2006. — 560с.
6. Николина Н.А., Петрова З.Ю. Метафоры повседневной речи в зеркале современной русской художественной прозы / Н.А. Николина, З.Ю. Петрова // Русская речь, 2020, № 4. — С. 93-104.
7. Седых А.П. Языковая личность и этнос (национально-культурные особенности коммуникативного поведения русских и французов) / А.П. Седых. — М.: Спутник, 2004. — 269 с.
8. Сиротинина О.Б. Всё, что нужно знать о русской речи / О.Б. Сиротинина. — М.: URSS, 2009. — 218 с.
9. Сиротинина О.Б. Современная разговорная речь и ее особенности / О.Б. Сиротинина. — М.: Просвещение, 1974. — 174 с.
10. Слободянюк Э.П. Настольная книга копирайтера / Э.П. Слободянюк. — М.: Манн, Иванов и Фербер, 2011. — 216 с.
11. Слышкин Г.Г. От текста к символу: лингвокультурные концепты прецедентных текстов в сознании и дискурсе / Г.Г. Слышкин. — М., 2000. — 125 с.
12. Хорошая речь / под ред. М.А. Кормилицыной, О.Б. Сиротининой — Саратов: Издательство СГУ, 2001. — 317 с.
13. Яхина Д.И. Метафора в русской разговорной речи / Д.И. Яхина // Проблемы речевой коммуникации: межвуз. сб. науч. тр. — Саратов, 2007. — Вып.7. — С. 212-220.

Поступила в редакцию 21.05.2023 г.

E. P. Kashnikova

METAPHOR AS A MEANS OF CONVERSATIONAL DISCOURSE EXPRESSION

The article attempts to analyze metaphor as a way of expressing emotionality and evaluativeness in colloquial speech, including the situation of linguistic heterogeneity (national-Russian bilingualism). The analysis has shown that metaphORIZATION in colloquial discourse realizes the following transfer by similarity: representatives of the animal/plant world, objects of the surrounding space — person/object. The transfer is based on the individual perception of the communicant creating the image. Hence, the types of metaphors (zoomorphic, floristic, neologic, precedent), which have a figurative and evaluative function in order to influence the addressee and are related to situations, people, their basic physical, behavioural and intellectual characteristics, have been distinguished.

Key words: *colloquial discourse, metaphor, metaphorisation, emotionality, evaluativeness, everyday communication.*

Кашникова Елена Павловна

Калмыцкий государственный университет им.
Б. Б. Городовикова, г. Элиста, РФ.

Магистрант.

E-mail: elinamandzhieva@yandex.ru

Kashnikova Elena Pavlovna

Kalmyk State University named after
B. B. Gorodovikov, Elista, RF.

Undergraduate.

E-mail: elinamandzhieva@yandex.ru

Манджиева Элина Борисовна.

Кандидат филологических наук, доцент.

Калмыцкий государственный университет
им. Б. Б. Городовикова, г. Элиста, РФ.

Доцент кафедры русского языка и общего
языкознания, русской и зарубежной литературы.

E-mail: rigzelc@gmail.com

Mandzhieva Elina Borisovna.

Candidate of Philological Sciences, Associate
Professor.

Kalmyk State University named after
B. B. Gorodovikov, Elista, RF.

Russian Language and General Linguistics,
Russian and Foreign Literature Department Associate
Professor.

E-mail: rigzelc@gmail.com

УДК 8.81

Е. С. Коливашко

*Приднестровский государственный университет им. Т. Г. Шевченко
(Научн. рук. — канд. филол. наук, доц. С. С. Полежаева)*

ВАРИАЦИИ НАИМЕНОВАНИЙ ГОРОДА ПЕТЕРБУРГ КАК ВЫРАЖЕНИЕ ЕГО ЛИНГВОКУЛЬТУРНОГО КОДА

В статье в рамках актуального лингвокультурологического подхода к анализу художественного текста рассматриваются топонимы Петербург и Петроград, отраженные в стихотворениях И. Северянина и Г. Иванова. Обосновывается идея положительной коннотации обоими авторами пространства текста, образуемого топонимом Петербург, и, соответственно, отрицательной коннотации топонима Петроград. Делается вывод об особенностях представления авторами в художественной картине мира их концептуальных взглядов на социальное устройство.

Ключевые слова: *Петербург, Петроград, топоним, И. Северянин, Г. Иванов, лингвокультурный код.*

Введение. В современной филологической науке **актуальный** характер имеют лингвокультурологические исследования, связанные с изучением номинации людей, объектов живой и неживой природы, артефактов. В ономастическом пространстве отражаются глубокие связи языка и культуры, национальных особенностей народов, факты их исторического становления и современной жизни. Художественная литература представляет собой благодатный материал для изучения ономастических

единиц, отражающих «человека в языке» / «языка в человеке», «человека в культуре» / «культуру в человеке», в том числе через воплощение имен собственных — топонимов.

Данная статья посвящена лингвокультурологическому описанию номинаций одного и того же города (города Петербург) в разные исторические периоды, номинаций, употребленных в поэтических произведениях Г. В. Иванова и И. В. Северянина — современников, творческих людей и глубоких личностей, переживших сложный и противоречивый период исторических преобразований русского общества. Обращение к стихотворному материалу классиков русской литературы начала XX в. обусловлено широким представлением в нем топонима Петербург в разных его исторических номинациях, которые особым образом кодируют философское и художественное восприятие поэтами мироздания. **Гипотеза** исследования: каждая из номинативных единиц в корреляции «Петербург — Петроград» отражает взгляды авторов на образы не только одного и того же города, но и мира, воплощенного в каждом из анализируемых топонимов. **Цель** — описать сегмент художественной картины мира Г. Иванова, И. Северянина, вербализованный топонимическими единицами «Петербург — Петроград», которые как лингвокультуремы кодируют информацию о народе, его культуре, притязаниях, традициях и представляют ее читателю в «свернутом» виде — в виде кода культуры. Основными **методами исследования** являются: лингвокультурологический анализ текста, описательный, компонентный, интерпретативный и др. Ключевые *лингвистические* термины, используемые в данном материале, и их содержание мы понимаем в концепциях Н. В. Подольской, В. В. Воробьева, С. В. Ивановой, ср.: **топоним** — разряд онимов, обозначающих собственное название природного объекта на Земле или объекта, созданного человеком на Земле [8, с. 127]; **лингвокультурема** –лингвокультурема есть совокупность формы языкового знака, его содержания и культурного смысла, сопровождающего этот знак [3, с. 44]; **лингвокультурный код** — система лингвокультурных соответствий, организованных согласно заложенной матрице, роль которой выполняет структурная организация языковой личности [6, с. 56], коды культуры — это специфический для каждой культуры набор способов социальной практики, свод ценностей и правил игры коллективного существования, выработанная людьми система нормативных и оценочных критериев, сквозь которые народ постигает мир. Это совокупность реалий, выражающих определенные культурные смыслы и ценности [7, с. 274]. Среди *литературоведческих* работ отметим те, которые позволили проникнуть в концептуальное поле художников слова, они посвящены исследованию поэтики Г. Иванова и И. Северянина [1; 2]. **Материалом** для лингвокультурологического описания топонимов служат стихотворения этих поэтов, написанные ими в разные годы. Отбор стихотворений производился по одному критерию: отражение либо в заглавии, либо в самом тексте топонимов «Петербург — Петроград» или языковых единиц — номинаций топонимических объектов городов.

Основная часть.

1. Топоним Петербург (название города с 1703 по 1914 гг.).

К образу «северной столицы» России Георгий Иванов и Игорь Северянин обращаются на протяжении всего творчества. Город Петербург стал для каждого из них родным, объединил их. Поэты были лично знакомы, принадлежали к новому литературному направлению литературы Серебряного века и состояли в «Ассоциации эгофутуризма». В период Революции 1917 г. писатели эмигрировали в Германию и Эстонию, где продолжали творить. Первый творческий период в эмиграции у каждого из поэтов ознаменован обращением к теме «Петербург». В творчестве Г. Иванова и И. Северянина, в их стихотворениях, посвященных Петербургу — Петрограду, перекликаются эпохи, наслаиваются различные временные периоды, отражающие

культурные явления и исторические события — от царской России и основания Петербурга до революционного Петрограда.

1.1. Стихотворение И. Северянина «Пасха в Петербурге» [10] написано в 1926 г., входит в сборник «Классические розы», цикл «Чаемый праздник». Поэт описывает Петербург во время великого православного праздника — Пасхи. Лексема «Пасха» содержит следующие семы: 'чистота', 'радость', 'сытость'. Северянин употребляет в своем стихотворении слова, содержащие эти смысловые компоненты, создавая для каждого из них своё семантическое пространство. Сема 'чистота' реализуется в причастиях, а также в словосочетаниях, синонимичных глагольным формам: *Пахло вешнюю Пасхой Христовой, / Православною русскою верой. / Пахло солнцем, оконною краской / И лимоном от женского тела... // Просмоленную пахло доскою. / Из-за вымытых к Празднику стекол, / Из-за рам без песка и без ваты...//*

Значение глагола *пахнуть* отмечено положительной коннотацией — «издавать приятный запах» [11]. Словосочетание «свежевыкрашенные окна» семантически сопоставимо с выражением «пахло оконною краской» и также входит в семантическую область «чистота» по ассоциации «обновленный». Составная номинация «просмоленную пахло доскою» отсылает к глаголу «просмолить», т.е. пропитать смолой для предотвращения гниения, что ассоциативно связано с семами 'чистота', 'обновление', 'порядок'. Использование поэтом в тексте стихотворения таких наименований продуктов питания, как *ветчина, кулич, мадейра* объединяет их общей глубинной семантикой и соотносится с семой 'сытость'. Сема 'радость' реализуется многочисленными глаголами, которые обозначают различные звуки: *колокольно гудела, топал, трезвонил, цокал, целовался*. Для придания большей выразительности стихотворению поэт использует стилистически маркированные окончания в словах, которые относятся к книжному стилю, ср.: *православною русскою, оконною, вдохновенно-веселою* и т.д. Функцию выражения авторской оценки выполняет новообразование «вдохновенно-веселою», реализующее значение 'искренне проникнутый весельем', которое также входит в семантическое пространство лексемы «Пасха». Составные имена прилагательные отражают талант поэта видеть и отражать тонкий мир в разных его субстанциях (через звуки, краски, запахи).

И. Северянин описывает православные Пасхальные традиции дореволюционной России, что «кодирует» его положительное восприятие города того времени, когда он назывался «Петербург». Поэт написал стихотворение «Пасха в Петербурге» будучи в эмиграции в Эстонии. В заглавии употреблен топоним *Петербург*, тогда как ко времени создания стихотворения «северную столицу» переименовали в *Ленинград*. Поэт намеренно не использует ни наименование «Ленинград», ни название «Петроград», а обращается к эпохе царской России, к Петербургу. В строчках *Было в годы мои молодые, / Но зато было сердце объято/ Тем, что свойственно только России!* // прошедшее время глагола «быть» указывает на ностальгические настроения автора. Описываемый им Светлый Праздник — одно из ярких впечатлений его прошлой жизни. Поэт воспевает не нынешний город на Неве, а дорогой его сердцу Петербург. Интересно название цикла стихотворений — «Чаемый праздник» — в семантической связи с анализируемым стихотворением. *Чаемый* — «прил. устар., такой, какого ожидают, на какой надеются» [12]. Пасха — Светлый Праздник, к которому готовятся с трепетом в сердце. Это праздник перерождения, победы жизни над смертью. И. Северянин воспевает пасхальный Петербург ушедшей эпохи, но именно в ключе представления Православного Праздника представляется возможным декодировать в строчках стихотворения косвенно выраженную поэтом надежду на возрождение того, что «было свойственно только России!».

1.2. Стихотворение «Еще не молкнет шум житейский...» *Георгий Иванов* написал в 1918 г. [4]. В тексте, кроме топонима «Петербург», автор называет следующие топонимические объекты, связанные с этим городом: *Адмиралтейство, (берег) Невы*. Поэт описывает ключевые образы Петербурга и с помощью лексем, образующих одну семантическую группу, выражает в стихотворении настроение напряженной торжественности, что подчеркивается многочисленными инверсиями и средствами выразительности — эпитетами и олицетворениями. Обратим внимание на поэтическое выражение *«медленно и веще куранты дряхлые поют»*. Наречие *веще* происходит от многозначного стилистически маркированного прилагательного *вещий*, ср.: *«вещий — вещая, вещее (книж. поэт. устар.) — знающий или предсказывающий будущее, пророческий»* [13]. Куранты — башенные часы с колокольным звоном. В стародавние времена звон колокола на дворцовых башнях был сигналом тревоги, бедствия и предупреждал о нападении противника. Лирический герой испытывает чувство тревоги, он предчувствует, что грядет что-то страшное. Чтобы в тексте передать царящее напряжение с помощью словесных знаков, автор использует прием градации (восходящей градации по интенсивности проявляемого действия): неожиданно все, что казалось обычным, стало резким, буйным, беспокойным. Ср.: *тени выступили резче, но волны глуше в берег бьют, куранты дряхлые поют, прислушайся к сирены вою и др.*

Словоформы *«роза», «розой»,* однокоренное слово *«зарозовело»,* употребленные в стихотворении, можно трактовать двояко: употребленное в метафорическом значении существительное *роза* обозначает, с одной стороны, закат, а с другой — кровь. На закате золотой шпиль *Адмиралтейства* окрашивается в розовый, красный — в цвета заката, этот оттенок приобретают гранитные набережные, сады, да и жители славного города. Чувство тревоги, которым пронизано стихотворение, слова любви, адресованные автором Петербургу, кодируют информацию для читателя: под закатом дня, природы поэт подразумевал закат Российской империи, конец существования великой державы и скорое наступление революции. С данной интерпретацией связан второй смысл существительного *роза*: роза как символ крови. В воздухе запахло кровью, повсюду развеваются красные флаги коммунистической партии, звучат сирены. Уходит эпоха императорской России, наступает что-то, что автор пока не называет, но за него говорит его сердце: *Мой Петербург — моя свобода, / Моя последняя любовь. / Мое единственное счастье.//*

Стихотворение написано в то время, когда город именовался Петроградом. Автор не использует новое название города, содержащее часть «град», — старославянскую по происхождению, так как оно остается для него чужим. Его любимый город, время, эпоха — это эпоха города под названием *Петербург*.

Вывод: на основании проведенного анализа стихотворений И. Северянина и Г. Иванова мы заключаем, что топоним «Петербург» представляет собой лингвокультуру, репрезентирующую культуру, обычаи людей, их праздники, она отражает определенный исторический период. Петербург выступает как дорогой сердцу величественный город, в котором поэты были свободны и счастливы, и воспоминания об этом прекрасном времени они пронесут через всю жизнь.

2. Топоним Петроград (название с 1914 по 1924 гг.)

2.1. Стихотворение И. Северянина «Отходная Петрограду» [9] входит в сборник «Вервэрна» (1918 — 1919), оно написано в 1918 г. Заглавие «Отходная Петрограду» отражает тему и идею стихотворения. *Отходная* (церк.) — это молитва, читаемая над умирающим [13]. Петроград умирает, и мотив смерти проходит через все стихотворение, реализуемый большим количеством слов с семантикой «смерть»: *окровавленный, живой мертвец, мертв со смертью, занесенный нож, болезни, голод,*

сырость, проклятье. Все эти лексемы способствуют выражению лингвокультуремой «Петроград» отрицательной коннотации. Из праздничного и нарядного Петербург превратился в кошмарный проклятый Петроград — город-привиденье, склеп для мертвецов. Поэт убежден, что Петроград не может существовать без Петербурга: *Ты мертв со смертью Петербурга, — / Мечты о воскресеньи брось. //*

У Петрограда нет основы, на которой может вырасти город с новой историей и культурой, поэтому Петроград *качающийся*, в значении *нестабильный*. В стихотворении практически нет глаголов, которые выражали бы динамику действия. Петроград не может выбраться из топи Революции 1917 г. и бескультурья, в которой увяз. Об этом и пишет Северянин: *Всё топчется на топком месте.../* Характеристика Петрограда как топкого места реализует не только культурную, но и географическую составляющую лингвокультуры «Петроград» — город расположен на болотах и реке Неве, что отрицательно сказывается на его фундаменте. Прослеживаются интертекстуальные связи между Петроградом Северянина и известными библейскими городами Содомом и Гоморрой. Жители этих городов были уничтожены за грехопадение, сами города являются олицетворением высшей степени греховности, которая и навлекает Гнев Божий. Содом и Гоморра горели, проваливались под землю. Это сопоставимо со словами Игоря Северянина: *...Раскрой же топкие объятия, / Держащая тебя земля. //*

Поэт уверен, что Петроград будет наказан и поглощен землей за грехи, которые совершались жителями города, в частности, революционерами, за тысячи отобранных невинных жизней, за разрушение многолетней культуры. Автор наблюдает «царство смрада», «город взбунтовавшихся рабов», обреченный на гибель. Петербург, по Северянину, умер, став столицей революции.

2.2. В 1916 г. *Георгий Иванов* написал цикл «Стихи о Петрограде» [5], в который вошли три стихотворения, посвященные городу на Неве. Для анализа мы взяли первое стихотворение цикла — *«На небе осеннем фабричные трубы»*. В заглавии цикла стихотворений есть прямая номинация — лексема «Петроград», но в самом тексте анализируемого стихотворения автор использует перифразу «город гранитный». Лингвокультурема «Петроград» в данном стихотворении репрезентируется с помощью топонимических единиц: *река Нева, фабричные трубы* (фабрики и заводы), *всадник победный* (речь о памятнике Петру I, установленному на Сенатской площади, а понятие «памятник "Медный всадник"» семантически соотносится со словосочетанием «запад оранжево-медный»). Для большей выразительности и поэтичности в тексте стихотворения употреблены слова с усеченной основой, оканчивающейся на мягкий согласный, а не на гласный *и*: *зданья* (ср. *здания*), *сияньем* (ср. *сиянием*), *преданья* (ср. *предания*), *осужденьем* (ср. *осуждением*) и т. д. Они придают описываемому оттенку разговорности, выражают динамизм происходящих событий.

Г. Иванов в стихотворении в большом количестве использует наречия. Они, выражая признак действия, выступают в роли эпитета, реализуя эффект яркой выразительности поэтической речи. Такие наречия эмоционально окрашивают действие, уточняют и конкретизируют описание целой картины, ср.: *И бледное солнце сияет так редко,...* <...> / *И только Нева в потемневшем граните, / Что плещется глухо, сверкает сурово,...* <...> / *Сурово желтеют старинные зданья, / И кони над площадью смотрят сердито.//*

Описание Петрограда реализуется с помощью лексем, объединенных общей семой — ‘грусть’ и ‘тоска’, унылой цветовой гаммой: «*бледное*», «*потемневшем*», «*глухой*», «*сонный*», «*туманный*». Культурно-историческое значение Петрограда выражают строчки: *Ты многое слышал / И видел ты много и славы, и горя.//*

Георгий Иванов характеризует современный ему Петроград, и эта обстановка ему чужда. Люди стали грубыми, скупыми, великая культура города обесценилась, вокруг только *«трубы да мокрые крыши»*. Поэт тоскует по родному Петербургу, что выражается через лексему «былое», присутствующую практически в каждой строфе. Но лишь старинные здания и невские волны тонкой нитью соединяют его с прошлой эпохой, которая осталась жить в памяти поэта, бесконечно влюбленного в этот город под названием Петербург. А Петроград для Г. Иванова — город серый и бездушный.

Выводы и заключение. Два топонима (Петербург и Петроград), употребленные в стихотворениях Г. Иванова и И. Северянина, представлены нами в бинарной оппозиции, такими, какими реализуются в художественных картинах мира этих поэтов. Эти топонимы выражают культурный код города в индивидуально-авторском восприятии двух больших поэтов. Отобранные для анализа стихотворения показательны: они в своеобразной параллели отражают картину изменяющегося, ломающегося мира, воспринимаемого его современниками. Обнаружены практически очень схожие смысловые и концептуальные доминанты в описании города в разные его исторические периоды, когда он именовался по-разному. В этих стихотворениях с помощью языковых средств передано отличие в глубинной сущности обоих топонимов и делается вывод о том, что оба поэта ностальгируют по тому времени, который ознаменован названием «Петербург», и не «вписываются» своими взглядами в новое время, наступившее для города с именованием его «Петроград». Лингвокультурема «Петербург» имеет положительную коннотацию, семантически связана с понятиями «ностальгия», «историческая память» и «высокая культура», в текстах обоими поэтами описывается в эпоху своего расцвета — царской России. Лингвокультурема «Петроград» имеет отрицательную коннотацию, семантически связана с понятиями «смерть», «чужое», в текстах описан в период Революции 1917 г.

Таким образом, анализ и описание топонимов позволяет расширить представление об идиостиле поэтов и углубить сведения о русской языковой картине мира. Подчеркнем, что представленные в статье рассуждения и выводы соотносятся непосредственно с проанализированными стихотворениями Г. Иванова и И. Северянина. Несомненно, требуется дальнейшее глубокое исследование большего массива поэтического творчества обоих поэтов для более детализированных заключений.

ЛИТЕРАТУРА

1. Басинский П. В. Русская литература к. XIX — н. XX вв. и эмиграции первой волны: учебное пособие для учителей / П. В. Басинский, С. Р. Федякин. — М.: Академия, 2000. — 528 с.
2. Богомолов Н. А. Северянин Игорь [Электронный ресурс] / Н. А. Богомолов // Русские писатели. 1800 — 1917 : биобиблиогр. словарь. — Т. 5. — М., 2007. — Режим доступа: <https://www.booksite.ru/lichnosty/index.php?action=getwork&id=365&pid=185&sub=workabout>. Дата обращения: 15.02.2023.
3. Воробьев В. В. Лингвокультурология: теория и методы / В. В. Воробьев. М.: Изд-во РУДН, 1997. — 331 с.
4. Иванов Г. Еще не умолкнет житейский шум [Электронный ресурс] / Г. Иванов. — Режим доступа: <https://www.culture.ru/poems/24386/eshe-ne-molknet-shum-zhiteiskii>. Дата обращения: 03.02.2023.
5. Иванов Г. Стихи о Петрограде [Электронный ресурс] / Г. Иванов. — Режим доступа: <https://www.culture.ru/poems/24397/stikhi-o-petrograde>. Дата обращения: 03.02.2023.
6. Иванова С. В. Лингвокультурологический аспект исследования языковых единиц / С. В. Иванова: дисс. ... докт. филол. н. — Уфа, 2003. — 364 с.
7. Пименова М. В. Коды лингвокультуры: метаязык описания / М. В. Пименова // Термінологічний вісник. — 2017. — Вип. 4. — С. 274 — 281.
8. Подольская Н. В. Словарь русской ономастической терминологии / Н. В. Подольская. — Изд. 2-е, перераб. и доп. — М.: Наука, 1988. — 192 с.

9. Северянин И. Отходная Петрограду [Электронный ресурс] / И. Северянин. — Режим доступа: <https://www.culture.ru/poems/28589/otkhodnaya-petrogradu>. Дата обращения: 03.02.2023.
10. Северянин И. Пасха в Петербурге [Электронный ресурс] / И. Северянин. — Режим доступа: <https://www.culture.ru/poems/28571/paskha-v-peterburge>. Дата обращения: 03.02.2023.
11. Словарь русского языка / С. И. Ожегов. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://slovarozhegova.ru/>
12. Современный толковый словарь русского языка / Т. Ф. Ефремова [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://gufo.me/dict/efremova>.
13. Толковый словарь современного русского языка. / Д. Н. Ушаков [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://ushakovdictionary.ru/>

Поступила в редакцию 18.05.2023 г.

E. S. Kolivashko

VARIATIONS OF THE NAMES OF THE CITY OF PETERSBURG AS AN EXPRESSION OF ITS LINGUISTIC AND CULTURAL CODE

The article considers the toponyms Petersburg and Petrograd, reflected in the poems of I. Severyanin and G. Ivanov, within the framework of the current linguoculturological approach to the analysis of the literary text. The idea of a positive connotation by both authors of the text space formed by the toponym Petersburg and, accordingly, a negative connotation of the toponym Petrograd is substantiated. The conclusion is made about the peculiarities of the authors' representation of their conceptual views on the social structure in the artistic picture of the world.

Key words: *Petersburg, Petrograd, toponym, I. Severyanin, G. Ivanov, linguistic and cultural code.*

Колывашко Екатерина Сергеевна.

Приднестровский государственный университет им. Т. Г. Шевченко, г. Тирасполь, Приднестровская Молдавская Республика. Студент.
E-mail: kolivashko@mail.ru

Kolivashko Ekaterina Sergeevna.

Shevchenko Pridnestrovian State University, Tiraspol, Pridnestrovian Moldavian Republic. Student.
E-mail: kolivashko@mail.ru

Полежаева Светлана Серафимовна.

Кандидат филологических наук, доцент. Приднестровский государственный университет им. Т. Г. Шевченко, г. Тирасполь, Приднестровская Молдавская Республика. Доцент кафедры русского языка и межкультурной коммуникации.
E-mail: svetlanapolejaeva1506@mail.ru

Polezhaeva Svetlana Serafimovna.

Candidate of Philological Sciences, Associate Professor. Shevchenko Pridnestrovian State University, Tiraspol, Pridnestrovian Moldavian Republic. Associate Professor of the Department of Russian Language and Intercultural Communication.
E-mail: ssvetlanapolejaeva1506@mail.ru

УДК 81'42

Д. А. Мамай

*Донецкий государственный университет
(Научн. рук. — канд. филол. наук А. А. Лялюк)*

ПРЕЦЕДЕНТНЫЕ ИМЕНА В РЕКЛАМНОМ ДИСКУРСЕ (НА МАТЕРИАЛЕ НАИМЕНОВАНИЙ ПАРФЮМОВ)

В статье рассматриваются прецедентные имена, которые используют российские бренды парфюмерии для названия своих продуктов. Актуальность данной темы обусловлена тем, что реклама является неотъемлемой частью нашей современной жизни. Именно в рекламном дискурсе отражаются взгляды, ценности и нормы, функционирующие в современном обществе. Также рекламный текст

способен транслировать элементы культурной памяти. В ходе исследования были отображены, описаны и классифицированы прецедентные имена различных сфер человеческой деятельности.

Ключевые слова: прецедентный феномен, прецедентное имя, рекламный дискурс.

Реклама занимает чрезвычайно важное место в современной массовой коммуникации, что определяет возможность ее изучения с точки зрения разных аспектов. Современная лингвистика заинтересована в рассмотрении особого вида текстовой информации, а именно — рекламных сообщений.

Язык рекламы значительно изменился за последние годы, и если рассматривать рекламный текст с точки зрения языкознания, то можно сказать, что на современном этапе существует тенденция использования невербальных средств коммуникации, мультимедийных метафор и прецедентных слов. Языкознание интересуется языковой спецификой организации рекламных текстов, приемами, которые наиболее активно используются, а также способами воздействия на адресата. Для создания рекламных слоганов, которые бы убеждали адресата в потребности приобрести товар, специалисты пользуются различными техниками, и одна из них — это интеграция прецедентных имен в рекламу.

Активное изучение теории интертекстуальности потребовало введения понятия «прецедентные тексты», под которыми понимаются «значимые для личности в познавательном и эмоциональном отношении, имеющие сверхличностный характер, т. е. хорошо известные и широкому окружению данной личности, обращение к которым возобновляется неоднократно в дискурсе данной языковой личности» [2, с.216].

Теоретические основы теории прецедентности представлены в работах таких ученых, как В. В. Красных, Д. Б. Гудкова, Д. В. Багаевой и И. В. Захаренко. Лингвистами были выявлены следующие ключевые типы прецедентных феноменов: прецедентная ситуация, прецедентный текст, прецедентное высказывание и прецедентное имя [3, с. 47-49].

Современная лингвистика использует достаточно широкий ряд терминов, связанных с теорией прецедентности, включая, помимо вышеуказанных, такие, как: прецедентная ситуация, прецедентное событие, прецедентная дата, прецедентный знак, прецедентное название, прецедентный стиль, прецедентный жанр, прецедентное изображение, прецедентное звучание, прецедентный образ, прецедентная фразеология и другие.

Термин «прецедент» относится к лингвистическому явлению, которое возникло в древности (но существует как теория уже четверть века) и до сих пор широко используется в медиадискурсе. Само слово «прецедент» по данным толкового словаря Д.Н. Ушакова происходит от латинского слова *praecedens*, которое переводится как «идущий впереди, предшествующий» и обозначает «случай, поступок в прошлом, служащий примером или оправданием для последующих поступков того же рода» [6]. Также в указанном словаре представлено следующее толкование данного слова с пометой «юридический термин»: «решение суда или иного органа государственной власти, ставшее образцом для разрешения сходных вопросов на последующее время» [там же].

В рамках данной статьи мы рассматриваем функционирование прецедентных имен в качестве названий парфюмов.

Объектом исследования являются прецедентные имена в российской рекламе парфюмерии. Предмет исследования — сферы-источники прецедентных имен, используемых для наименования парфюмерной продукции.

Цель исследования — проанализировать прецедентные имена, используемые в современном рекламном дискурсе в качестве наименований парфюмерной продукции, с точки зрения их соотнесенности с определенной тематической сферой.

Материалом для анализа послужили наименования парфюмерных продуктов современных российских брендов («Brocard», «Ладаника», «Северное сияние»), размещенные на специализированных сайтах в сети Интернет.

Прецедентные имена относятся к индивидуальным именам, образующим особую группу внутри класса прецедентных феноменов. Статус прецедентного имени принадлежит тем именам, которые являются частью когнитивной базы, т. е. «инвариантное представление обозначаемого ими “культурного предмета” является общим для всех членов лингвокультурного сообщества» [1, с.146]. По мнению Д.Б. Гудкова, прецедентные имена в наибольшей степени отражают систему эталонов культуры общества, задают определенную ценностную шкалу и парадигму социального поведения [1, с.146]. Также специалист выделяет для них следующие функции: экспрессивную, оценочную и парольную [1, с. 157–158].

С.И. Сметанина, рассматривая прецедентные феномены в медиатекстах, указывает, что они «интеллектуализируют изложение, формируют новые смыслы, своеобразно вводя событие текущей жизни в общеисторический и культурный контекст» [5, с. 123]. В диссертациях, которые посвящены использованию прецедентных феноменов в рекламном дискурсе, особое внимание вызывает их манипулятивная функция, прагматическое воздействие на адресата.

Стоит отметить, что прецедентные имена — это неотъемлемая часть языкового мировоззрения, формирующая систему ценностей языкового сообщества. Использование прецедентных имен «влечет за собой некоторую апелляцию к чему-то известному, некоторому факту, который за ними стоит» [4, с.153]. Прецедентные имена в рекламных текстах помогают создать индивидуальный образ компании или продукта, привлечь внимание потребителя и способствуют продвижению товаров на потребительском рынке.

На нынешнем рынке рекламы парфюмерной продукции можно выделить прецедентные имена из различных сфер человеческой деятельности. Отобранный нами материал позволяет выделить следующие сферы-источники прецедентных имен.

1. Сфера «Русский фольклор»

Нами был выделен большой пласт наименований парфюмерной продукции, которые отсылают нас к произведениям устного народного творчества (русскому фольклору). В частности, активно используются имена персонажей русских народных сказок. Парфюмерный бренд «Ладаника» выпускает обширный ряд парфюмов с подобными названиями.

➤ Ладаника «Василиса Прекрасная»

Героиня русской народной сказки с одноименным названием послужила наименованием духов. Сказочная героиня Василиса имела волшебную куколку-помощницу, обладала красотой и мастерством ткацтва и пряжи. Сначала нежный, ягодный аромат, со временем раскрывается, добавляя величественности.

➤ Ладаника «Жар-птица»

Персонаж славянских народных волшебных сказок. Птица с золотыми перьями, которые имеют яркое сияние. На флаконе духов золотым напылением изображена сама птица. Духи привлекают своим названием и ярким оформлением.

➤ Ладаника «Баба Яга»

Персонаж славянской мифологии и фольклора. Уродливая старуха, которая владела магией и обладала магическими предметами. Чаще выступает отрицательным персонажем. Название духов интригует и добавляет пикантности. Аромат духов

должен заинтересовать покупателей из-за использованного прецедентного имени, а также ассоциативного ряда, возникающего в связи с таким наименованием.

➤ *Ладаника «Змей Горыныч»*

Персонаж славянской мифологии. Трехглавый змей, который похищал женщин. Флакон духов украшает золотое напыление с изображением сказочного персонажа. В данном парфюме таинственный и страшный образ передан натуральными эфирными маслами и оттенками специй.

➤ *Ладаника «Кот Баюн»*

Прецедентное имя отсылает к одному из главных персонажей русских волшебных сказок. Кот, обладающий волшебным голосом, заговаривает и усыпляет своими разговорами и пением.

➤ *Ладаника «Лисичка-сестричка»*

В основу данной номинации положен один из главных персонажей русских сказок, ассоциирующийся с хитростью и коварством. Созвучен наименованию и аромат данного парфюма, сочетающий в себе звонкие цитрусы, сочные ноты османтуса, абрикоса и облепихового чая. В целом все компоненты, входящие в состав духов, воплощают рыжий цвет лисицы.

➤ *Ладаника «Молодильные яблоки»*

Волшебный предмет, неоднократно упоминаемый в русском фольклоре. Данные плоды способны возвращать молодость их обладателю. Таким образом наименование отсылает нас к данному поверью и позиционирует парфюм как тот, который способен уменьшить возраст своей обладательницы.

➤ *Ладаника «Живая вода»*

Волшебный предмет, который частотно функционирует на страницах народных сказок. Такая вода обладает способностью возвращать к жизни убитого героя. Использование данного наименования в качестве названия духов способствует их ассоциированию с ароматом пробуждения, возрождения.

➤ *Ладаника «Молодильные яблоки»*

Волшебный предмет большой силы, способный подарить молодость, здоровье и силу их обладателю. Яблоки выступают символом здоровья, хорошего самочувствия и молодости. Ассоциативный ряд позволяет сопоставить эффект парфюма со свойствами сказочных молодильных яблок.

➤ *Brocard «Царевна-Лебедь»*

Царевна-Лебедь — рассудительная и прекрасная волшебница, олицетворение великодушия, честности и мудрости. Аромат данной парфюмированной воды олицетворяет прекрасную девушку, способную преображаться в не менее прекрасного лебедя.

Таким образом, среди наименований парфюмов данной сферы можно выделить такие подгруппы наименований, как «женские персонажи», «мужские персонажи», «волшебные предметы».

II. Сфера «Мифология»

Также нами были выявлены наименования парфюмов, связанные с древнегреческой мифологией. Боги и мифологические персонажи обладают всеми теми качествами, к которым стремится человек. Большое количество подобных наименований парфюмерной продукции отмечено у бренда «Северное Сияние».

➤ *Северное Сияние «Аврора»*

Прецедентное имя Аврора послужило наименованием духов, выпущенных парфюмерно-косметическим комбинатом «Северное сияние». Аврора — богиня утренней зари в древнеримской мифологии.

➤ *Северное сияние «Афродита»*

Пряно-цветочный аромат духов с названием «Афродита» вызывает ассоциацию с греческой богиней красоты. Древнегреческая богиня умела управлять чувствами, и была покровительницей влюбленных. Легкий цветочный аромат для девушек, который должен покорять сердца мужчин, как богиня Афродита.

➤ *Северное сияние «Геракл»*

Основным образом этого продукта является прецедентное имя Геракл. Геракл — герой греческой мифологии, сын бога Зевса и Алкмены (жены героя Амфитриона). Он известен прежде всего своими двенадцатью подвигами. Бренд использовал образ греческого мифического героя в своих рекламных роликах, чтобы подчеркнуть название своего продукта. Другими словами, образ Геракла — это образ могущественного, сверхсильного полубога, который ничего не боится и всегда побеждает.

➤ *Северное сияние «Амазонка»*

Отечественный бренд парфюмерии для своего нового аромата использовал прецедентное имя Амазонка. Амазонка — это женщина-воительница из древнегреческой мифологии. Состав парфюмерной композиции включает с одной стороны ноты амбры, сирени, жасмина, а с другой — табака.

III. Сфера «Музыка»

К данной группе наименований парфюмов относятся прецедентные имена, связанные с музыкальной культурой. Встречаются как собственные имена популярных исполнителей, так и названия музыкальных композиций. Примечательно, что используемые номинации относятся к разным историческим эпохам.

➤ *Северное сияние «Эдита Пьеха»*

В основу наименования положено прецедентное имя популярной артистки. Эдита Пьеха — советская и российская певица, актриса. Парфюм был выпущен в 1997 году, когда Эдита была уже на пике своей популярности. Таким образом, использование данного собственного имени должно привлечь внимание к продукту фанатов её творчества.

➤ *Ладаника «Вальс цветов»*

В данном случае в качестве наименования духов выступает прецедентное имя из сферы классической музыки. Вальс цветов — музыкальное произведение П.И. Чайковского к балету «Щелкунчик», характеризующееся разнообразием мелодий, симфоническим развитием, пышностью и торжественностью.

➤ *Ирина Ваганова. Парфюмерный Дом Моды «Фиалка Монмарта»*

Название данной парфюмерной композиции отсылает нас музыкально-театральному произведению. «Фиалка Монмарта» — это название оперетты Имре Кальмана. Данный аромат олицетворяет собой героиню произведения — продавщицу фиалок Виолетту.

Среди наименований парфюмов данной сферы можно выделить такие подгруппы наименований, как «популярные артисты», «музыкальные композиции».

IV. Сфера «Литература»

В данную группу наименований включены прецедентные имена, связанные с литературным творчеством. К данной группе наименований относятся как названия художественных произведений, так и их действующих лиц.

➤ *Северное сияние «Фрези Грант»*

В основу наименования положено прецедентное имя персонажа повести А. Грина «Бегущая по волнам». Фрези Грант — девушка-призрак, которая является морякам, которые потерпели кораблекрушение.

➤ *Ладаника «Гранатовый браслет»; Ирина Ваганова. Парфюмерный Дом Моды «Гранатовый браслет»*

В данном случае наименование духов отсылает нас к одноименной повести А.И. Куприна. Наименование произведения о неразделенной и изначально обреченной любви становится названием духов сразу двух парфюмерных брендов.

➤ *Ирина Ваганова. Парфюмерный Дом Моды «Алые паруса»*

Используется прецедентное имя — название литературного произведения А. Грина. Духи ассоциируются с историей трогательной любви молодой девушки Ассоль.

➤ *Северное сияние «Офелия»*

В наименовании парфюма использовано прецедентное имя персонажа трагедии Уильяма Шекспира «Гамлет». Молодая дворянка, дочь Полония, сестра Лаэрта и возлюбленная Гамлета. Цветочная композиция духов такая же нежная как Офелия. Аромат духов должен привлечь внимание юных представительниц прекрасного пола.

➤ *Северное сияние «Эсмеральда»*

В наименовании парфюма использовано прецедентное имя главной героини романа В. Гюго «Собор Парижской Богоматери».

➤ *Северное сияние «Джульетта»*

Прецедентное имя Джульетта отсылает к главной героине трагедии Уильяма Шекспира «Ромео и Джульетта».

Таким образом, среди наименований парфюмов данной сферы можно выделить такие подгруппы наименований, как «женские литературные персонажи», «литературные произведения».

V. Сфера «Географические объекты»

Данная группа представлена наименьшим количеством наименований. Используемые прецедентные имена чаще всего представлены наименованиями внутригородских объектов.

➤ *Северное сияние «Эрмитаж»*

Эрмитаж — российский государственный музейный комплекс, который был основан при императрице Елизавете. Это второй по величине художественный музей, здесь хранятся больше трех миллионов экспонатов. Прецедентное имя намекает на величественность самого аромата, а также статусность обладательницы данного парфюма.

Таким образом, можно сделать вывод, что прецедентный ономастикон достаточно широко распространен в российской рекламе парфюмерии. В рекламном дискурсе разнообразны прецедентные имена, которые отсылают к различным сферам деятельности человека. В качестве наименований парфюмов могут выступать собственные имена следующих сфер-источников: русский фольклор, мифология, музыка, литература, географические объекты. Все они представлены различным количеством наименований и расположены в порядке убывания частотности используемых имен. В рамках указанных сфер можно выделить несколько подгрупп наименований.

Употребление прецедентного имени довольно частое явление и направлено на привлечение внимания потребителя к продукту, его ключевым характеристикам и качеству. Герои русского фольклора, мифологические персонажи, литературные и музыкальные произведения активно используются при наименовании парфюмерной продукции в силу своей узнаваемости, принадлежности к явлениям национально-культурной картины мира. Такие названия дополняются историко-информационными и культурно-символическими коннотациями.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гудков Д.Б. Теория и практика межкультурной коммуникации / Д.Б. Гудков. — М.: ИТДГК «Гнозис», 2003. — 288 с.
2. Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность / Ю.Н. Караулов. — Изд. 7-е. — М.: Издательство ЛКИ, 2010. — 264 с.
3. Красных В.В. Этнопсихоллингвистика и лингвокультурология / В.В. Красных. — М.: ИТДГК «Гнозис», 2002. — 284 с.
4. Прохоров Ю.Е. Действительность. Текст. Дискурс: учеб. пособие / Ю.Е. Прохоров. — М.: ФЛИНТА, 2016. — 225 с.
5. Сметанина С.И. Медиа-текст в системе культуры : Динам. процессы в яз. и стиле журналистики конца XX в. / Сметанина С.И. — Санкт-Петербург: Изд-во Михайлова В.А., 2002. — 382 с.
6. Ушаков Д.Н. Толковый словарь [Электронный ресурс] / Д.Н.Ушаков. — Режим доступа: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/ushakov/970014> (дата обращения 10.02.2023).

Поступила в редакцию 18.05.2023 г.

D. A. Mamai

**PRECEDENT NAMES IN ADVERTISING DISCOURSE
(BASED ON THE NAMES OF PERFUMES)**

The article examines the precedent names that Russian perfume brands use to name their products. The relevance of this topic is due to the fact that advertising is an integral part of our modern life. It is in the advertising discourse that the views, values and norms functioning in modern society are reflected. Also, the advertising text is able to broadcast elements of cultural memory. In the course of the study, precedent names of various spheres of human activity were selected, described and classified.

Keywords: precedent phenomenon, precedent name, advertising discourse.

Мамай Дарья Андреевна.

Донецкий государственный университет,
г. Донецк, РФ.
Магистрант.
E-mail: ovsyanyay@mail.ru

Mamai Darya Andreevna.

Donetsk State University, Donetsk, RF.
Undergraduate.
E-mail: ovsyanyay@mail.ru

Лялюк Анна Александровна.

Кандидат филологических наук.
Донецкий государственный университет,
г. Донецк, РФ.
Доцент кафедры русского языка.
E-mail: anna.lyalyuk@list.ru

Lyalyuk Anna Alexandrovna.

Candidate of Philology.
Donetsk State University, Donetsk, RF.
Associate Professor of the Department of Russian Language.
E-mail: anna.lyalyuk@list.ru

УДК 811.161.1

А. А. Менякина

*Донецкий государственный университет
(Научн. рук. — канд. филол. наук, доц. Н. А. Ярошенко)*

**МОДЕЛИ РЕЛИГИОЗНОЙ МЕТАФОРЫ В ПОЛИТИЧЕСКИХ ТЕКСТАХ
А. А. ПРОХАНОВА**

Статья посвящена изучению особенностей воплощения религиозной метафоры в такой понятийной сфере, как «социум» и, в частности, в рамках подсистемы «политика». Анализируются структурно-семантические и функциональные особенности метафорического воплощения библейских мотивов в творчестве Проханова. Было выявлено, что за счет включения мифологических структур происходит воздействие на адресата, что способствует развитию новых представлений индивидуума о исторических и социальных процессах.

Ключевые слова: религиозная метафора, политический дискурс, интертекстуальность.

Одной из фундаментальных задач современной лингвистики является определение роли языка в процессе познания и осмысления реалий современной действительности. При этом в данном процессе важная роль принадлежит концептуальной метафоре.

В данной работе следом за Джорджем Лакоффом и Марком Джонсоном, рассматривающими метафору как когнитивный механизм, под концептуальной метафорой понимаем одну из основных ментальных операций, которая является способом познания, структурирования и объяснения окружающего нас мира. «Метафора пронизывает всю нашу повседневную жизнь и проявляется не только в языке, но и в мышлении, и в действии... Метафоры как языковые выражения становятся возможны именно потому, что существуют в понятийной системе человека» [1; с. 387–415]. Таким образом, мы можем сказать, что метафора является средством когнитивного процесса, когда на основе ассоциаций и аналогий индивидум переносит знания из одной сферы, уже изученной им, в область другой сферы, только постигаемой.

Метафора представляет собой специфический языковой способ передачи культурного наследия нации, раскрывает национальное мировосприятие, ценности, ментальность, и становится ключом к истории народа. Для выражения представлений о мире в разных культурах, как известно, используются разные образы. Метафорическая модель зависит от культурной традиции народа, его истории, веры.

Принципы когнитивного подхода к метафоре легли в основу современного подхода к изучению религиозной метафоры и библейской метафоры, в частности.

Данная работа базируется на идее о том, что религиозный язык представляет собой метафорическое воплощение определенных образов, с помощью которых автор вносит в текст скрытый, вторичный смысл.

Религиозная метафора часто тесно связана с проблемой интертекстуальности, что в свою очередь понимается как соотношение текста с другими текстами [7; с. 538]. Полагаем, что данный подход можно применить к анализу религиозной метафоры, использованной публицистических текстах Александра Андреевича Проханова.

Анализ политического дискурса является недостаточно изученным с точки зрения его интертекстуального наполнения. Таким образом, специфика языкового материала определила **актуальность** данной работы, **объектом** которой являются тексты статей Проханова, опубликованных в книге «Слово к народу» [10] и его роман «Последний солдат империи», содержащий в себе религиозные метафорические конструкции. Предмет исследования содержит особенности реализации религиозных метафорических моделей в рассматриваемых текстах.

Цель настоящего исследования — проследить особенности воплощения библейских метафорических моделей, содержащихся в названных текстах Проханова.

На достижение поставленной цели направлено решение следующих **задач**:

1. Путём критического анализа научной литературы сформулировать рабочие определения таких терминов, как: метафора, политический дискурс.
2. Осуществить выборку фактического материала исследования
3. Проанализировать особенности воплощения и средства реализации религиозных метафорических моделей в рассматриваемых текстах.

Предложенная работа продолжает цикл публикаций авторов, посвящённых изучению особенностей реализации метафорических моделей в политическом дискурсе на материале текстов А. А. Проханова (см. [2; 3; 4; 5; 6; 11; 12; 13]).

Наталья Александровна Сегал отмечает, что под политическим дискурсом следует понимать «речевую деятельность, реализуемую через знаковую систему и обусловленную ментальными установками субъекта и социополитическими факторами» [10; с. 35]. При этом широкое понимание термина политический дискурс предполагает, что к дискурсу этого типа относятся любые тексты политической направленности.

Используя в публицистических текстах религиозные мотивы и образы, Проханов выделяет такие полюса, как зло / добро, свет / тьма, демоны / ангелы, духи света / духи тьмы. Например:

а) «... во Вселенной есть **источник света и источник тьмы. Источник света пропитывает мир светом, а источник тьмы пропитывает мир тьмой**» [9; с. 157];

б) «**выводят в историю демонов, замурованных долгие годы в монолите империи**» [9; с. 138];

в) «**так же как недавно копилась духи тьмы, точно так же стали слетаться духи света**» [9; с. 158];

г) «и казалось, за каждой ратью, за “красной”, за “белой”, за каждой прибывавшей подмогой стоит свой светлый дух, летит свой **светлый Ангел**» [9; с. 159].

Говоря о встрече тьмы и света, Проханов имеет в виду столкновение в 1993 году двух миров: прозападной либеральной верхушки во главе с Ельциным и разочаровавшегося народа: «**Народное восстание осенью 93-го года — еще одно сражение света и тьмы...**». [9; с. 157].

Используя религиозную метафору, Проханов называет Россию храмом, тем самым наделяя этот образ чувством глубокого почтения, благоговения. Например: «**Строительство и труды неоглядные покажут, как выкладывать стены и кровлю нашего общего **российского храма****» [9; с. 35].

Вся Российская история метафорически выступает как священная книга, в которой содержатся все человеческие умыслы и поступки: «**Родная история — война, строительство, поступки святых и героев есть **священная книга...****» [9; с. 37].

Библейским Богом у публициста выступает механистический образ Мегамашины, которая роковым образом устанавливает мировой порядок на земле. Например: «**Машина была **гневым Библейским Богом. Исправляла кривую времени. Меняла утомленный ход ветхозаветных веков. Убирала с земли плотоядное, утратившее смысл человечество****» [8; с. 37]. В данном контексте прослеживается взаимосвязь религиозной и механической метафоры, которые, таким образом, реализуют концептуальную сферу «Библейский Бог — Машина».

А измена родине признается равноценной предательству Иисусу Христу, при этом Иудой Проханов именуется власть: «**Бессовестные **вожди, нацеливающие украинские пушки на русские корабли... воспринимаются славянами как **христонпродавцы...******» [9; с. 38].

Примечательно, что религиозные мотивы и образы в романе раскрываются при помощи цветового красного компонента в их структуре. Например:

а) «и в этом ликовании мы поднимаем **кверху глаза, и в синем туманном небе, как виденье, летит над Родиной **Красный Ангел Победы****» [9; с. 164];

б) «**красные духи** излетали из него самого. Лишали его **красной веры, красного заповедного смысла, ради которого он существовал на земле, совершал свои деяния, страдал, причинял страдания другим, веря в осмысленность бытия, служба своей **красной империи****» [8; с. 68].

Можно предположить, что метафорический образ Красного Духа совпадает с образом Духа Света, а значит, противопоставляется метафорическому образу Духа

тмы. В подтверждение вышесказанному приведем следующий контекст: «Он смотрел потрясенно на **исход красных духов**, которые населяли священную стену. Были хранителями красной державы, ее мистическими **ангелами**, таинственными опекунами» [8; с. 67].

Образ России выступает у Проханова в качестве источника света: «Через Россию, утверждают духовидцы, в мир приходит свет.» [9; с. 157].

Источником тмы, напротив, выступают образы Бориса Николаевича Ельцина и его сторонников. При этом Проханов говорит о них не прямо, а посредством скрытых намеков. Так, в следующих примерах можно встретить такие религиозные метафорические уподобления, как **поганый идолице**, **языческий кумир**, **демоны**:

а) «люди пришли к ненавистной башне, к **поганому идолицу**, источавшему отраву, нечистоты, сеющему безумие и растлений, пришли, чтобы выразить свое негодование. И здесь, у подножья этого идолица, у этого **языческого кумира** была принесена первая кровавая жертва» [9; с. 159–160];

б) «... сидение... палачей в Министерстве обороны было сидением опьяненных убийством **демонов**...» [9; с. 160].

Березовский метафоризируется в беса, изгнание которого именуется мистическим религиозным актом: «Вы видели **изгнание беса**, когда накрытая золотой епитрахилью молодая женщина стенает, бьется, исходит звериным рыком, ... пока не изойдет из нее... чудище... **Изгнание Березовского есть мистический, религиозный акт**» [9; с. 350].

СМИ публицист характеризует с помощью таких религиозных метафорических образов, как **колдуны**, **маги**, **сатанисты**, а сам процесс передачи ими информации сравнивается с совершением черных месс и оккультизмом:

а) «их нет в поповском **капище**, где ежедневно приносятся **сатанинские жертвы**, совершаются “**черные мессы**”» [9; с. 51];

б) «телевидение... — это **оккультное воздействие**, при котором электромагнитная волна модулируется злой волей **колдуна, мага**...» [9; с. 53].

В следующем контексте из романа «Последний солдат империи» Проханов использует образ восточного бога с жабой на макушке: «На Белосельцева глянула каменными злыми глазами **голова восточного бога, на макушке которого прилепилась жаба**, раздувая от ненависти липкий зоб» [9; с. 11]. Похожее описание, как известно, можно было встретить на заставке телекомпании «ВИД» в 90-е годы. По причине запрета руководством музея фактического изображения маски философа Го Сяна с жабой на голове творческий коллектив студии принял решение переработать это изображение. Однако по причине изменения мимики маска приобрела мрачное выражение, вследствие чего всплывающий потрет на заставке случайно или намеренно приобрел некоторое сходство с портретом главы государства, а многие телезрители 90-х годов называли заставку телекомпании «ВИД» **Ельциным**.

Также Проханов сравнивает Ельцина с царем Иродом из Евангельской притчи «О Вифлеемских младенцах и наследниках царя Ирода»: «Убийцы, как в притче об избииении младенцев и о **царе Ироде**, искали этого будущего богатыря и спасителя, рубили безжалостно кричащую мать» [9; с. 173].

Кроме этого, публицист метафорически моделирует пророчество Ельцину: «...расплодил **сатанистов, изуверов**... **приготавливая в России пришествие князя тмы?** ... **Ангел с копьем схватит его...** и кинет в самую сердцевицу ада, где его подхватит косматое чудище, сунет в пасть... и станет грызть... исполняя казнь...» [9; с. 289].

Продолжают тему пророчества статьи Проханова «Вий пришел за душой Ельцина» и «Ельцин — бомба, которая всегда с тобой», заголовки которых уже сами по

себе метафоричны. При этом заголовок «Ельцин — бомба, которая всегда с тобой» отсылает подготовленного читателя к названию книги воспоминаний Э. Хемингуэя «Праздник, который всегда с тобой». Итак, приведем примеры из названных статей: «Ночью... жители видят... Ангела с золотым копьем... а сзади, в черном лесу... ждет Вельзевул — схватит душу несчастного грешника... и утащит в ад...»; «Чемоданчик с ядерной кнопкой... — это и есть Апокалипсис...» [9; с. 365]. В последнем примере, как видим, возникает библейский мотив Апокалипсиса.

Далее публицист проводит параллели между историческими событиями в России 1993 года и библейскими мотивами, а именно: «Если это так, то события дня 3 октября соответствуют ликующему въезду в Иерусалим, а события вечера 3 октября и утра и дня 4-го — есть Голгофа, казнь, крестное распятие “агнца”». [9; с. 159].

Собирательный образ агнца в данном примере метафорически выступает русским народом, а говоря о распятии агнца, публицист имеет в виду расстрел Ельциным людей в 1993 году, процесс которого описывается как некий религиозный ритуал: «Все, кто наутро 4 октября атаковали Дом Советов... все были участниками ритуального убийства... У всех у них будет обнаружено... трупное пятно, — награда за тот ритуальный расстрел» [9; с. 160]. Таким образом, история и судьба Российского народа Прохановым видится как метафора Христовой жертвы: «Богословы говорят, что история и судьба России — это воспроизведение народом жизни и жертвы Христа» [9; с. 159].

Воскресение Иисуса Христа изображается публицистом как появление некоего человека в белоснежной одежде с золотыми полосами во время прорыва блокады 3 октября: «... все, кто был в этой счастливой толпе, пережил мистические ликование, словно... кто-то огромный, в белоснежных одеждах с золотыми полосами смотрел на людей своим чудным лицом...» [9; с. 159].

Это воскресение способствовало исчезновению бесов, процесс подсчета голосов в думе был прерван, а сама Россия была снята с Креста, в ней наступила Святая неделя. Рассмотрим следующие примеры:

а) «мы помним, как... заволновались, замельтешили бесы, словно их кто-то ненароком начал крестить» [9; с. 161];

б) «мистическая зимняя ночь во время подсчета думских голосов, задуманная царственным бесом как шабаш на Лысой горе... и вдруг... сверкнул грозный свет, электронные табло стали выбивать на своих циферблатах итоги голосования...» [9; с. 161];

в) «Россия... снятая с Креста... восставала, наполняя грудь первым глубоким дыханием» [9; с. 162];

г) «на Руси наступила Святая неделя. Кругом обновление, весна, ожидание великих перемен» [9; с. 280];

д) «все они в ужасе, будто при крике третьего петуха, полетели вон из Храма...» [9; с. 161–162].

Также нужно отметить, что, описывая исход злых духов в последнем примере, Проханов затрагивает еще один религиозный мотив: третий крик петуха по одному библейскому сюжету является сигналом прекращения действий нечистой силы, а вместе с тем он свидетельствует о победе добра над злом.

Таким образом, как свидетельствует проведенный контекстуальный анализ, в отличие от других метафорических моделей, религиозная метафора, как и флористическая, у Проханова часто несет положительную коннотацию. В том же случае, когда религиозная метафора в рассматриваемых политических текстах публициста направлена на критику каких-либо событий или поступков

государственных деятелей, то данные метафорические модели апеллируют к библейской морали.

Религиозные метафорические модели, к которым прибегает Проханов при описании политических и социальных реалий действительности, реализует свою идеологическую функцию, оказывая сильное эмоционально-экспрессивное воздействие на адресата и тем самым способствуя формированию общественного мнения. Сочетание двух функций (информативной функции и функции воздействия) наряду с другими факторами указывают на переходный характер текстов как публицистического, так и политического дискурса.

ЛИТЕРАТУРА

1. Лакофф Дж. Метафоры, которыми мы живём / Дж. Лакофф, М. Джонсон. — М.: Едиториал УРСС, 2004. — 256 с.
2. Менякина А. А. Семантическая типология метафоры в политическом дискурсе (на материале книги А. Проханова «Слово к народу») / А. А. Менякина // Чтения молодых учёных: Сб. науч. трудов V Республиканской очно-заочной научно-практич. конф. с международным участием, приуроченной к 70-летию Горловского института иностранных языков (г. Горловка, 11–12 апреля 2019 г.). — Горловка: Изд-во ОО ВПО «ГИИЯ», 2019. — С. 246–248.
3. Менякина А. А. Взаимодействие пищевого и антропоморфного кодов в политическом дискурсе (на материале книги А. Проханова «Слово к народу») / А. А. Менякина // Славистика: новые имена в науке: Сб. науч. трудов участников III Международной очно-заочной научно-практич. конф. студентов и молодых учёных. — Горловка: Изд-во ОО ВПО «ГИИЯ», 2019. — С. 119–125.
4. Менякина А. А. Модели пищевой метафоры в политическом дискурсе (на материале книги А. Проханова «Слово к народу») / А. А. Менякина // Вестник студенческого научного общества ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет». — Донецк: ДонНУ, 2020. — Вып. 12. — Т. Социально-гуманитарные науки. — Ч. 2. — С. 64–69.
5. Менякина А. А. Соматический код как средство концептуализации действительности (на материале публицистических текстов А. Проханова) / А. А. Менякина // Славистика: новые имена в науке: Сб. науч. трудов участников IV Международной очно-заочной научно-практич. конф. студентов и молодых учёных. — Горловка: Изд-во ОО ВПО «ГИИЯ», 2020. — С. 167–174.
6. Менякина А. А. Взаимодействие соматического и антропоморфного культурных кодов в политическом дискурсе (на материале публицистики А. Проханова) / А. А. Менякина // Вестник студенческого научного общества ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет». — Донецк: ДонНУ, 2021. — Вып. 13. — Т. 2. Социально-гуманитарные науки. — Ч. 2. — С. 155–161.
7. Морозкина, Е. А. Библейская метафора в художественном тексте / Е.А. Морозкина, М.М. Биктимирова, Э. В. Исакова. — Башкортостан: Вестник Башкирского университета, 2018. — 538-542 с.
8. Проханов А.А. Последний солдат империи: Роман / А. Проханов. — М.: «AdMarginem», 2003. — 508 с.
9. Проханов А. Слово к народу / Составитель и отв. ред. О. А. Платонов / Предисловие В. Г. Бондаренко. — М.: Институт русской цивилизации, Родная страна, 2013. — 896 с.
10. Сегал Н. А. Категоризация мира в языке политики (на материале когнитивных доминант пространство — направление — движение): Дис. д.а филол. наук / Наталья Александровна Сегал. — Краснодар, 2019. — 424 с.
11. Ярошенко Н. А. Модели пищевой метафоры в политическом дискурсе (на материале книги А. Проханова «Слово к народу») / Н. А. Ярошенко, А. А. Менякина // Язык и культура: Сб. науч. трудов V Республиканской очно-заочной научной конф. (с международным участием) (18 ноября 2019 г.). — Макеевка: ДонНАСА, 2019. — С. 103–107.
12. Ярошенко Н. А. Средства реализации пищевого кода культуры в политическом дискурсе (на материале книги А. А. Проханова «Слово к народу») / Н. А. Ярошенко, А. А. Менякина // Актуальные проблемы изучения славянских языков: Сб. науч. трудов V Международной научной конф. памяти проф. Е. С. Отина (Донецк, ДонНУ, 13 апреля 2020 г.); отв. ред. доц. Н. А. Ярошенко. — Донецк: ДонНУ, 2020. — Вып. 6. — С. 92–98.
13. Ярошенко Н. А. Модели фитоморфной метафоры в политических текстах А. А. Проханова / Н. А. Ярошенко, А. А. Менякина // Наука и мир в языковом пространстве: Сб. науч. трудов VI Международной научной конф. (10 ноября 2020 г.). — Макеевка: ДонНАСА, 2020. — С. 154–160.

Поступила в редакцию 10.05.2023 г.

A. A. Menyakina

MODELS OF RELIGIOUS METAPHOR IN A. A. PROKHANOV'S POLITICAL TEXTS

The article is devoted to the study of the peculiarities of the embodiment of religious metaphor in such a conceptual sphere as "society" and in particular within the framework of the subsystem "politics". The structural, semantic and functional features of the metaphorical embodiment of biblical motifs in Prokhanov's work are analyzed. It was revealed that due to the inclusion of mythological structures, the addressee is influenced, which contributes to the development of new ideas of the individual about historical and social processes.

Key words: *religious metaphor, political discourse, intertextuality.*

Менякина Алина Артёмовна.

Донецкий государственный университет,
г. Донецк, РФ.
Аспирант.
E-mail: menyakina.2000@mail.ru

Menyakina Alina Artemovna.

Donetsk State University, Donetsk, RF.
Postgraduate student.
E-mail: menyakina.2000@mail.ru

Ярошенко Наталья Александровна.

Кандидат филологических наук, доцент.
Донецкий государственный университет,
г. Донецк, РФ.
Доцент кафедры общего, славянского и
прикладного языкознания им. Е. С. Отина.
E-mail: n.yaroshenko-dongu@mail.ru

Yaroshenko Natalia Alexandrovna.

Candidate of Philological Sciences, Associate
Professor.
Donetsk State University, Donetsk, RF.
Associate Professor of the Department of General,
Slavic and Applied Linguistics named after E. S. Otin.
E-mail: n.yaroshenko-dongu@mail.ru

УДК 811.161

О. Г. Никулкина

*Российский экономический университет
имени Г. В. Плеханова, Брянский филиал*

ИМЯ ИВАН В РУССКОМ НАРОДНОМ ЛИНГВОСОЗНАНИИ

В статье рассматривается смысловая составляющая лингвокультуры *Иван*. Выделяется три ментальные модели прецедентного имени: бытовая, мифологическая и идеологическая. Актуальность темы исследования обусловлена повышенным интересом современной лингвистики к культурно маркированным языковым единицам, с одной стороны, и отсутствием комплексного исследования прецедентного имени Иван — с другой стороны. В результате анализа было установлено, что имя *Иван* является культурным знаком, кодирующим этнолингвистическую информацию о духовной культуре народа.

Ключевые слова: *русская народная сказка, онимическое пространство, Иван, лингвокультура, культурное пространство.*

Русское культурное пространство отражает совокупность специфических лингвистических категорий, проецирующих духовную культуру народа [2, 3, 4, 6, 12]. Онимическое пространство русской народной сказки отражает коллективную языковую картину мира и значимо как сочетание культурных кодов, знаков, читаемых в контексте культуры как лингвокультуры. К числу таких лексических кодов относятся прецедентные имена. Под прецедентными именами собственными мы понимаем имена, хорошо известные всем представителям национального лингвокультурного сообщества, актуальные в познавательном и эмоциональном плане и обращение, к которым постоянно возобновляется [5, с. 216].

Прецедентные имена (имена известных носителей, обладающие познавательной и эмоциональной ценностью, обращение к которым является перманентным) являются той частью антропонимикона, которая относится к ядру языковых средств хранения культурной информации и определяет шкалу ценностей той или иной лингвокультуры. Особенности использования прецедентных имен в разных видах дискурса тесно связаны с их семантической структурой. Важнейшее место в семантической структуре прецедентных имен занимают ассоциации и коннотации, которые накапливаются на протяжении всего функционирования имени и имеют способность вытеснять базовое значение [4, с. 59–60].

Рассмотрим самое распространенное мужское сказочное имя *Иван*, получившее в русском лингвокультурном пространстве статус прецедентного.

В сказках именем *Иван* обозначаются герои разного социального происхождения и с разными физическими и моральными качествами, что подчеркивается характеризующими компонентами именования (перечь именованных приводится методом сплошной выборки из трехтомного собрания русских народных сказок А.Н.Афанасьева): *Иван-царевич, Иванушка-царь, князь-княжевич Иван-королевич, Иван кухарский сын, Иван царский зять, Иван купеческий сын, Иван крестьянский сын, Иван гостинный сын, Иван солдатский сын, Иван-собой молодец, Иван русский богатырь, Ивашка белая рубашка, сорочинская шапка, Иван-дурак, Поваренко Иван, Царенко Иван.*

Антропоним *Иван* выступает в следующих формах: *Ивашко, Ивашечко, Ванюша, Иванушка, Ванька* и *Ваня*. Употребление этих форм обусловлено отношением действующих персонажей волшебных сказок к центральному герою — *Ивану*. Наивность, доброта и мягкость по отношению к другим героям сказочного повествования вызывают доброжелательное отношение к Ивану, что и выражается в использовании к нему по преимуществу ласкательных форм имени.

Герой переходит из сказки в сказку, выполняя одну и ту же задачу. Его действия предопределены и легко предугадываются. Персонаж под именем *Иван* действует не как индивид, а как определенный тип с раз и навсегда заданными характеристиками, его происхождение при этом совсем не важно. Имя героя остается неизменным (изменяется лишь форма имени, обусловленная ситуацией употребления, характером действий героя и отношением к нему других персонажей), трансформируется лишь характеризующий элемент, чаще всего выступающий социальным маркером. Все обозначенные выше именования главного персонажа являются проявлением разных ипостасей одного и того же типа персонажа. Его узнавание происходит по поступкам и ряду традиционных сюжетных моментов.

На бытовом уровне лексемы *Иван* выявляется поверхностный слой значений. Иван — третий, младший сын в семье, он устранен от каких-либо полезных дел. Ему не доверяют серьезной работы, он «обделен» разумом с точки зрения окружающих его людей, так как совершает странные с точки здравого смысла поступки. Иван отличается добротой, храбростью, милосердием. Ему сопутствует удача, все, что он получает в сказке, — это результат чудесного везения. Наиболее употребительной является модель именования персонажа посредством компонента *дурак*, имеющего в русской языковой картине мира особый статус. Проанализировав лингвокультуре *дурак* (под лингвокультуремой мы понимаем вербализованный концепт, представленный в пределах семантической системы языка определенного лингвокультурного сообщества) в русской языковой картине мира, можно выделить три ментальные модели, входящие в содержательную основу лексемы: бытовую, мифологическую и идеологическую. Бытовая модель объединяет три понятия: 1) «слабоумный, лишенный рассудка человек», 2) «глупый, умственно неразвитый

человек», 3) «неадекватно поступающий человек». В основе мифологической модели лежит фольклорный образ дурака из русской волшебной сказки. При функционировании концепта *дурак* в пределах мифологической модели ее содержание может редуцироваться до семантического признака «человек, обладающий везением». Идейная модель связана с русским культурным явлением юродства. Концепт *дурак* апеллирует к таким чертам поведения и сущности юродства, как правдивость, обладание высшими духовными добродетелями, самоотречение. Культурная обусловленность концепта *дурак* делает его специфической лингвокультуремой, содержание которой полностью выявляется только при погружении концепта в русскую культуру [1, с. 183-187].

Идеологический уровень значения прецедентного имени *Иван* отображает общий (инвариантный) для русского лингвокультурного пространства спектр представлений о персонаже. Прецедентное имя выходит за рамки текста-источника, обрастая новыми значениями и наполняясь культурными и идеологическими коннотациями. Так, Иван-дурак выступает как собирательный образ, отражающий специфические представления о типичном национальном положительном герое. Неприглядный внешний облик, чужаковатость, «непутевость», неприспособленность Ивана-дурака компенсируются его добротой, готовностью прийти на помощь, отсутствием стремления к личной выгоде. Многие видят в образе сказочного Ивана-дурака некоторые особенности русского менталитета, в частности, ленность, надежду на «авось». Благодаря частотности и повторяемости в разных текстах, оно стало использоваться в нарицательном значении при обозначении всякого русского человека [7, с. 51]. Это имя используется как метафора при характеристике недотепы, простака, поступки которого кажутся говорящему странными и нелепыми с точки зрения здравого смысла или принятых норм поведения, а также как символ сказки как таковой [11, с. 200].

В конце сюжета именно Иван-дурак (или другой тип Ивана) одерживает победу в испытаниях и добивается поставленной цели. Сказка как художественное произведение с нравственной установкой успеха Ивана-дурака связывает с положительными моральными качествами героя. Она назидает: самопожертвование и милосердие вознаграждаются.

Однако счастливый финал предопределен мифологической подосновой персонажа. Некоторые ученые, обосновывая «везение» героя, находят в образе Ивана отголоски архаической функции, связанной с магией слова, которую раньше исполняли жрецы (заметим, что он единственный из братьев говорит, отличаясь «замысловатостью» слога). Другие исследователи связывают образ Ивана с деревом (добыл ветку с золотой сосны, в ветвях пасет своего коня), которое можно интерпретировать как «мировое дерево». Эта зависимость свидетельствует о космологической символике персонажа и сам образ в такой интерпретации может быть понят как образ «первочеловека» [9, с. 226].

Что касается имени *Иван*, то, как можно полагать, оно появилось в поздних народных редакциях сказочных текстов и пришло на смену более раннему именованию, также имевшему обобщающее значение «русский человек», «человек вообще».

Мифологический пласт содержится в прозвищах (Ивашко) *Запечник* и (Иван) *Запечный*. «Говорящие» формы указывают не только на любимое занятие героя (лежание на печи), но содержат реминисценции представлений, согласно которым печь — символ дома, тепла, удачи. Печь — рождающее и оберегающее начало (сюжетные моменты разных героев так или иначе связаны с этим архетипом), поэтому связь с архаическим атрибутом предопределяет везение Ивана. Под архетипом мы понимаем первообраз, мифологический мотив, формулу, устойчивое обобщение,

посредством которого первобытное мышление давало ответ на тот или другой вопрос об окружающем бытии. Архетипы как устойчивые образы существуют в индивидуальном и коллективном сознании и являются элементами любой этнической культуры.

Особый интерес представляют Иваны, имеющие животное происхождение: *Сученко Иван, Иван Быкович, Буря-богатырь Иван коровий сын, Иванко Медведко, Ивашко-Медведко*. По мифологическим представлениям, община брала начало из брака человека с животным, рассматривавшимся как тотем. В сказке это представление не только сюжетно прорисовывается, но и отражается в способе именовании героя (Ивана). Животные являются непосредственными предками Ивана (герой рождается от связи человека с тем или иным животным). Эти персонажи действуют как главные герои или параллельно с Иваном-царевичем, выступая его помощником или противником.

В волшебной сказке происходит процесс переименования героя: если вначале он Иван-дурак (Иван-крестьянский сын и другое), то в конце — Иван-царевич. Преодолев все препятствия, герой женится на дочери царя и меняет социальный статус. Испытания, которые проходит герой в «тридесатом царстве», дают право Ивану становиться царевичем. Мифологический смысл испытания связан с обрядом инициации, который, по мнению В. Я. Проппа, завуалированно изображается волшебной сказкой. Качественное перерождение влечет смену ипостасей, происходит «трансфигурация» [10, с. 195]: герой чудесным образом меняет свой облик, наружность, становится красавцем. Заметим, Иван меняет не только статус, но и облик. Известно, что в первобытной культуре имени придавалось особое магическое значение. Новое имя давалось в поворотные периоды жизни. Человек на протяжении своего жизненного пути мог сменить несколько имен. Считалось, что старое имя «умирало» вместе с прежней сущностью человека, а при совершении обряда посвященный член общины получал другое имя [8, с. 265-267]. В сказке этот сакральный акт был переосмыслен и воплотился в новой художественной форме: при смерти героя утрачивается и его имя, а обретшего новую жизнь ждет новое имя. Мыслимое перерождение в обряде воплощается в качественную «трансфигурацию» героя в сказке, сопровождаемую сменой статуса, который фиксируется в новом имени. Процесс переименования тождествен именованию при рождении. Таким образом, смысл переименования заключается в следующем: герой проходит через смерть и возрождается в новом качестве с другим именем. Так, в начале большинства волшебных сказок мы сталкиваемся с Иваном-дураком (или иным типом Иванов: Иваном крестьянским сыном, Иваном купеческим сыном и т. п.) и следим за увлекательным сюжетом, в ходе которого незадачливый персонаж, пройдя все испытания (художественно трансформированный образ обряда инициации), женится на царской дочери и становится царем. Мотив смены власти является древнейшей реминисценцией, архетипическим кодом, согласно которому прежний правитель сменяется новым, и чаще всего смена власти сопровождается смертью старого царя, символизирующей собой начало нового, лучшего правления (в сказках этот кровавый исход нередко смягчается, и герой восседает на престоле с разрешения прежнего царя).

Таким образом, прецедентное имя *Иван* является культурным знаком, кодирующим этнолингвистическую информацию о духовной культуре народа. Оно представляет собой особым образом организованный микротекст, имеющий многоуровневую структуру, включающую в себя бытовой, идеологический и мифологический компоненты значения. Причем, мифологически детерминированная исходная семантика имени собственного оказывается скрытой позднейшими переосмыслениями, а также социальными, политическими, морально-нравственными

напластованиями, связанными как с развитием общественных отношений, так и со становлением сказки как фольклорного жанра.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бусурина Е.В. Лингвокультурема «дурак» в русской языковой картине мира: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 — русский язык / Е.В. Бусурина. — СПб., 2004. — 209 с.
2. Ван И. Личное имя в русской фольклорной картине мира (на фоне китайской): автореф. дис. ... филол. наук: 10.02.01 — русский язык / И.Ван. — Краснодар, 2021. — 25 с.
3. Горшкова Т.М. К проблеме психологической реальности антропонимов русской народной сказки / Т.М. Горшкова // Вестник Нижегородского университета имени Н.И. Лобачевского, 2013,– № 6 (2). — С. 54-57.
4. Дюжева М.Б. Лингвокультурологические аспекты англоязычных названий музыкальных групп: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04 — германские языки / М.Б. Дюжева. — Владивосток, 2007. — 211 с.
5. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность / Ю.Н. Караулов. — М.: Наука, 1987. — 264 с.
6. Керова Л.В. Личные имена в английском и немецком языках: лингвокультурологический аспект: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 — русский язык / Л.В.Керова. — Донецк, 2019. — 266 с.
7. Кондратьева Т.Н. Метаморфозы собственного имени: Опыт словаря /Т.Н. Кондратьева. — Казань: Изд-во Казанского ун-та, 1983. — 111 с.
8. Леви-Строс К. Первобытное мышление / К.Леви-Строс. — М.: ТЕРРА — Книжный клуб; Республика, 1999. — 392 с.
9. Мифологический словарь / Гл. ред. Е. М. Мелетинский. — М., 1991. — 736 с.
10. Пропп В.Я. Русская сказка /В.Я. Пропп. — М., 2000. — 350 с.
11. Русское культурное пространство: Лингвокультурологический словарь: Вып. первый / И.С. Брилева, Н.П. Вольская, Д.Б. Гудков, И.В. Захаренко, В.В. Красных. — М.: «Гнозис», 2004. — 318 с.
12. Татарникова О.Н. Ономастическое поле имени собственного Иван в народном сознании / О. Н. Татарникова // Наука о человеке: гуманитарные исследования. Раздел 1. Филологические науки. Part 1. Philological sciences. 2015. — С.70-75.

Поступила в редакцию 11.05.2023 г.

O. G. Nikulkina

THE NAME IVAN IN THE RUSSIAN PEOPLE'S LINGUISTIC CONSCIOUSNESS

The article deals with the semantic component of the linguocultureme Ivan. There are three mental models of the precedent name: everyday, mythological and ideological. The relevance of the research topic is due to the increased interest of modern linguistics in culturally marked linguistic units, on the one hand, and the lack of a comprehensive study of the precedent name Ivan, on the other hand. As a result of the analysis, it was found that the name Ivan is a cultural sign encoding ethnolinguistic information about the spiritual culture of the people.

Key words: *Russian folk tale, onymic space, Ivan, linguocultureme, cultural space.*

Никулкина Ольга Геннадьевна.

Кандидат филологических наук, доцент.
Российский экономический университет имени
Г. В. Плеханова, Брянский филиал, г. Брянск, РФ.
Доцент кафедры теории, истории государства и
права и гуманитарных дисциплин.
E-mail: sinbad1982@yandex.ru

Nikulkina Olga Gennadievna.

Candidate of Philological Sciences, Associate
Professor.
Plekhanov Russian University of Economics, Bryansk
Branch, Bryansk, RF.
Associate Professor of the Department of Theory,
History of State and Law and Humanities.
E-mail: sinbad1982@yandex.ru

УДК 81'342:373.2

А. И. Овсейчик

Кубанский государственный университет,

филиал в г. Славянске-на-Кубани

(Научн. рук. — д-р филол. наук, проф. М. Ю. Беляева)

ОСОБЕННОСТИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ СЕГМЕНТНЫХ И СУПЕРСЕГМЕНТНЫХ ФОНЕТИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ В РЕЧИ ДЕТЕЙ

В статье выявляются особенности функционирования сегментных и суперсегментных (просодических) фонетических единиц у детей разных возрастных групп. Затронуты проблемы соотношения производства и восприятия речи в онтогенезе. В результате эксперимента («Звучащая хрестоматия») в четырёх возрастных группах с диапазоном от 1 года до 7 лет обнаружены общие черты и индивидуальные фонетические особенности. Выявлены фонетические процессы в речи (ассимиляция, диссимиляция и процессы, возникающие на их основе), характерные для речи большинства информантов. Даны характеристики некоторым просодическим единицам (тембр, темп, логическое ударение). Актуальность и прагматическая ценность работы видится в том, что задачи и содержание воспитания звуковой культуры детей различны на разных возрастных этапах и обусловлены особенностями фонетической стороны языка и речи, заключенной в сегментных и суперсегментных единицах.

Ключевые слова: фонетика, сегментные и суперсегментные (просодические) единицы речи, онтогенез.

Целью данной работы является выявление особенностей функционирования сегментных и суперсегментных (просодических) фонетических единиц в речи детей разных возрастных групп.

В современной психолингвистике детская речь выделилась в отдельную отрасль знаний — *онтогенез речи* (детская речь), *онтолингвистика* [4]. В последние годы актуализируется не только «вертикальный» подход к анализу детского языка (в сравнении с системой взрослых), но и «горизонтальный» (с позиций постепенно формирующейся языковой системы ребенка) [8, с. 335]. Если дети предпочитают архаическую, системную, нерегулярную форму регулярной, это идёт вразрез с теорией «подражательности». На отнесении последовательностей звуков у детей к языку, а не речи настаивает автор «Словаря современного детского языка» [6].

Теории обучения артикуляции, по Ж. Вандриесу, противостоят нативистская теория о программе развития, согласно которой в организме изначально заложена программа восприятия и производства речи, и теория универсальности: в соответствии с ней ребенок обладает способностями различать звуки всех языков, но со временем теряет её (впрочем, в модели П. Юсчика говорится не об утрате способности, но о смещении фокуса внимания реципиента) [5, с. 286–287].

Алгоритм усвоения фонетических явлений строится от простого к сложному, сочетая общее и индивидуальное. В связи с различной скоростью развития левого полушария: у мальчиков 6-8 лет чаще нарушается произношение звуков Р, Л, у девочек — С, Ч [7, с. 102]; в то же время велика роль среды, ближайшего окружения. Некоторые исследователи выделяют «универсальные» аномалии [3]. Они характерны для фонетических навыков двух видов: ритмико-интонационных (знание ударений и интоном) и слухопроизносительных (опознание фонем и нормативное их воспроизведение) [2, с. 17–18].

Выявление общего и особенного в функционировании сегментных и суперсегментных (просодических) единиц речи детей и стало целью проекта под условным названием «Звучащая хрестоматия». Материалом послужили речевые

произведения, собранные студентами-гуманитариями филиала ФГБОУ ВО «Краснодарский государственный университет» в г. Славянске-на-Кубани под руководством доктора филологических наук, профессора М. Ю. Беляевой в течение 3-х лет (2020 — 2022 гг.) и зафиксированные на видео-, аудио- и на бумажных носителях. Информантами являлись дети от 1-го года до 7-и лет, проживающие в разных точках Краснодарского края: Брюховецком, Каневском, Красноармейском, Крымском, Славянском, Темрюкском, Щербиновском р-нах, как в городах, так и в сельских населённых пунктах. Общее количество опрошенных дошкольников и младших школьников, участвовавших в эксперименте, составило 33 человека. Количество информантов-мальчиков — 21 человек (63,6 % от общего количества опрошенных), девочек — 12 человек (36,4 %).

В состав метаданных об информантах входили: возраст, пол, место проживания, посещение детского сада // воспитание в домашних условиях. Неподготовленный (спонтанный) тип речи представлен в формах монолога, диалога с говорящим (родители, интервьюер); при чтении стихотворений налицо подготовленный тип речи. Отмечалось общее и особенное в произношении детьми фонетических единиц, тембра, темпа, интонации речи. Использовались методы фонетического анализа, опроса, включенного наблюдения, приёмы инструментальной фиксации речи.

В тексте статьи речь записана буквами кириллицы, транскрипция используется в отдельных случаях. Звуки обозначаются заглавными буквами, например: [з] — З.

В соответствии с возрастом опрошенные были поделены на ряд групп, в рамках которых выявлялись и характеризовались сегментные и несегментные единицы:

- 1) 1-2 года, 2) 3 года, 3) 4-5 лет, 4) 6-7 лет.

Полученный материал был проанализирован в каждой из возрастных групп. В первой насчитывалось 3 человека (1 мальчик, 2 девочки). Анализируя речь двухлетних, мы выявили, что дети страдают ротацизмом, ламбдацизмом (не выговаривают звуки Р и Л, полностью игнорируя или заменяя другими звуками), свистящий С заменяют на шипящий Ш. Смягченно произносятся звуки Т и Д (*там* > *тям*, *дай* > *дйй*). Соединены в одно слово слова и слоги: «*как лягушка*» > «*кокикушка*». Отмечаются пропуски слогов, искажены слова сложной слоговой структуры. Имеется пример ассимиляции (*одеяла* > *одеяля*).

Большой материал для выводов предоставляют тексты второй группы (возраст 3 года), где собраны записи 6-и информантов — трех мальчиков и трех девочек. В качестве образца приведём текст записи диалога ребенка с мамой:

- Подём на куку.
- На кухню?
- Дя. Будем вот там... сидеть.... Ой... Сють не упаль.
- Как тебя зовут?
- Йома
- Сколько тебе лет, Рома?
- Ти годика.

В данной группе нами отмечено преобладание фонетических процессов:

а) диерезы (выкидки звуков обозначены заглавными буквами): *боЛеешь*, *гРомко*, *жиВотик*, *коНфетки*, *кРуглый*, *коЛобок*, *подаРки*, *подеРжите*, *тРи* и др.;

б) ассимиляции по способу образования: *зажигают* > *зазигают*, *можно* > *мозно*, *тише* > *тисе*, *чуть* > *сють* и др.;

в) аккомодации: *засыпает* > *засипает*, *заяц* > *заяц*.

В речи Ивана присутствуют ассимиляции по звонкости: *куда* > *гуда*, *сразу* > *зразу*. У Ксении есть нестандартные примеры протезы (вставки обозначены заглавными буквами): *Мловит*, *МИнизкий*.

В речи всех опрошенных встретились такие слова «детского языка», как *боит* < *болит*, *де* < *где*, *дя* < *да*, *зёлтый* < *жёлтый*, *подём* < *пойдём*, *пивет* < *привет*, *теба* < *тебя*.

Наибольшее количество опрошенных имело возраст от 4 до 5 лет (14 человек, в т. ч. 9 мальчиков, 5 девочек).

Фонетические процессы в целом были аналогичны таковым в предыдущей группе, различия заметны в увеличении словарного запаса (*розоцветный* < *разноцветный*, *мусоловоз* < *мусоровоз*) (см. таблицу 1).

Таблица 1 — Фонетические процессы в речи детей 4-5 лет

п/п	Фонетический процесс	Звуки, участвующие в фонетических процессах	Примеры
	Ассимиляция	Ж > З Р > Л Н > Р Ш > С	<i>заяг</i> < <i>зажэг</i> <i>далил</i> < <i>дарил</i> <i>мирералка</i> < <i>минералка</i> <i>пусыстую</i> < <i>пушистую</i>
	Диссимиляция	Р > Л Б > П	<i>лайдер</i> < <i>райдер</i> <i>пабочка</i> < <i>бабочка</i>
	Афerezис	В М	<i>стричай</i> < <i>встречай</i> <i>яхкая</i> < <i>мягкая</i>
	Диэреза	К В В	<i>игруши</i> < <i>игрушки</i> <i>ялась</i> < <i>явилась</i> <i>вверху</i> < <i>веху</i>
	Протеза	П	<i>пьяйца</i> < <i>яйца</i>
	Эпитеза	А	<i>деда</i> < <i>дед</i>

В речи данной группы нами отмечено преобладание

а) диэрезы: *воВремя*, *мультифильм*, *поДсолнух*, *пРивет*, *цВеток*;

б) ассимиляции по способу образования, в т. ч. полной: *минералка* > *мирералка*, *поросёнок* > *пососёнок*, *телевизор* > *тевевизор*; по месту образования: *сахар* > *хахарь*;

в) ротацизма: *вырежу* > *вылежу*, *курятник* > *кулятник*, *подарю* > *подалю*, *приготовлю* > *плиготовлю*, *хрюшка* > *хлюшка* и др.

В речи отдельных информантов (Денис, 4 года) встречается метатеза: *голубь* > *гобуль*, *дерево* > *деверо*, *самолёт* > *саламот*. Считается, что метатезы типичны для речи детей [1, с. 37–38], однако в нашем материале их больше не встретилось. Представлены единичные результаты ассимиляции по ряду и подъёму гласных у Миланы (*кошечка* > *кошачка*), диссимиляции у Михаила (*бабочка* > *пабочка*, *зелёный* > *селёный*). Имеются примеры апокопы — выкидки звуков в конце слова (*жилА*, на веточкаХ, никакиХ), афerezиса — в начале (*Здесь*, *Пчела*), эпентезы-вставки (*таМблетка*). В речи Ильи (5 лет) наблюдается «побуквенное» произношение местоимений *его* [йи^эво'] > [йиго'], *у него* > [н'и^эго'].

Ряд типичных «детских» слов был отмечен ранее в предыдущих группах: *бошой* < *большой*, *заяг* < *зажэг*, *пинесва* < *принесла*, *смотрите* < *сматрите*, *слазу* < *сразу*, *спит* > *пит*.

Фонетические процессы, выявленные нами в речи детей 6–7 лет, представлены в таблице 2.

Таблица 2 — Фонетические процессы в речи детей 6–7 лет

№ п/п	Тип фонетического изменения	Звуки, участвующие в фонетических процессах	Примеры
1	Ассимиляция	В > Р Р > Л	<i>витиваны</i> < <i>ветераны</i> <i>плошлом</i> < <i>прошлом</i>
2	Диссимиляция	Л > М	<i>домгих</i> < <i>долгих</i>
3	Афферезис	З Л	<i>дравствуйте</i> < <i>здравствуйте</i> <i>эт</i> < <i>лет</i>
4	Диэреза	Р Р Р	<i>Амеику</i> < <i>Америку</i> <i>стихотвоение</i> < <i>стихотворение</i> <i>которое</i> — <i>котоое</i>

Несовершенства произношения в этом возрасте нетипичны: при правильной постановке работы дети к этому времени уже овладевают правильным произношением всех звуков, однако у некоторых ещё не окончательно сформированы трудные в артикуляционном отношении звуки (шипящие и Р).

Из индивидуальных особенностей укажем произношение Х вместо Г: *Ехор* < *Егор* (Матвей, 6 лет), замену Р в слове *журавль* на *жугхабль* (Сурета, 6 лет, житель Сочи).

Анализ суперсегментных характеристик речи показал следующее.

У детей первой возрастной группы голос достаточно высокий, громкий. Тембр речи эмоционально окрашен. Дикция нечеткая, эмоционально наполненная, присутствует звукоподражание («бабаба» ‘барaban’, «гогого» ‘гусь’). Отсутствует фразовая речь, ребенок воспроизводит общий звуковой облик слов; речевой такт начинает образовываться; слог несложный. Интонация может быть разнообразной в зависимости от вопроса. Паузы появляются во время мыслительной деятельности, а логические ударения — в отдельных словах.

Во второй группе дети рассказывают стихотворения достаточно громко и эмоционально, активно жестикулируя руками. По тембру преобладает высокий голос, укороченный слабый выдох. Речь очень громкая.

Подготовленная речь, представленная в третьей возрастной группе при чтении стихотворений, отличается по ряду позиций. Голос у большинства достаточно высокий и звонкий, громкий. Тембр речи слегка ускоренный, характерен для детей при прочтении стихотворений наизусть. Дикция четкая, стихотворение читают четко, эмоционально наполненно. Выразительность заранее подготовлена. Логическое ударение ставят в тех местах, где это необходимо.

Речь участников четвертой группы также достаточно выразительна. В некоторых моментах дети начинают повторять слова, иногда делать небольшие паузы в речи. Речь понятная. В прочтении стихотворений соблюдаются паузы в соответствии со знаками препинания, хоть слова при произношении растягиваются. Темп средний. Когда увлекаются рассказом, темп значительно увеличивается. Когда вспоминают или задумываются о чём-то, темп замедляется. Ударения поставлены правильно (исключение: *в воду*). Стих рассказывают эмоционально и выразительно. Паузация в речи иногда сопровождается словами «*вот*», «*эм*» (Вероника), «*ааа*», «*А ещё...*» (Тимофей). Голос достаточно громкий и звонкий, речь эмоциональная. Дикция для своего возраста четкая, но иногда звук Р произносится слишком протяжно. У части детей, чаще мальчиков, наблюдается несовершенное произношение свистящих,

шипящих (С, З, Ш) и сонорных (Р, Л) в силу недостаточного развития речедвигательных механизмов (см. выше).

У большинства детей нормально развита дикция, речь внятная и разборчивая; чаще всего они плохо выговаривают Р (*красивая > квасивая*), Л (*милая > мияя*). Интонация развита достаточно хорошо. В прочтении стихотворений соблюдаются паузы в соответствии со знаками препинания, хоть слова при произношении «по-детски» растягиваются, что хорошо слышно при чтении стихотворений. Нормативное использование интонационных конструкций отмечено во фрагменте «*И скажу тебе спасибо за заботу и любовь // Мамочка живи счастливо / буду я всегда с тобой //*». Конец предложения заключается понижением интонации и тембра голоса, что свидетельствует о понимании ребёнком начала и конца предложения. Тембр голоса незначительно меняется на протяжении всего времени рассказа стихотворения.

Гендерное сравнение речи девочки и мальчика из второй возрастной группы во время диалога со взрослыми показало следующее. Речь обоих имеет естественную выразительность, заранее не подготовленную. У Оли речь понятная, слова и предложения произносятся выразительно. Интонация меняется в зависимости от вопросов, тогда как развитие интонации у Романа не наблюдается: ребенок механически повторяет слова за родителем. Темп речи в обоих случаях средний; может замедляться, когда начинают вспоминать или пытаются быстро сказать. Мальчик делает акцент на последний слог слова, пауз в его речи не наблюдается, слова произносит сразу после того, как увидит картинку. Голоса достаточно высокие и громкие. Дикция девочки четкая, эмоционально наполненная, в то время как у мальчика речь эмоционально окрашена, но по большей части неразборчива. Некоторые присутствующие у Ромы речевые дефекты усложняют понимание его речи.

Мы видим, что речь девочки более четкая и понятная, это может быть связано с тем, что ребенок рано начал разговаривать и проявлял больший интерес к общению, осознавал его необходимость. Мальчик чаще всего пропускал некоторые звуки, заменяя их другими, но при повторении слова был способен произнести его чётче. В силу возраста часто не договаривал окончания или пропускал некоторые слоги в словах. У большинства девочек из третьей группы речь отличается большей чёткостью дикции, чем у мальчиков. Возможно, это отчасти связано у некоторых со статусом приезжих из Московской области, Санкт-Петербурга. В четвёртой группе дикция в основном нормализована.

Подводя итоги анализу сегментных явлений в речи дошкольников и младших школьников, можем отметить, что наибольшее разнообразие фонетических процессов и их результатов обнаружено в речи детей 4-5 лет. В целом преобладают диэрезы, ассимиляции, в т. ч. полные, в особенности ротацизм. Ряд слов детского языка, полученных в результате фонетических изменений, отмечен во всех группах. В речи отдельных информантов встречается метатеза; её примеры в нашем материале единичны, вопреки мнению о распространенности процесса в речи детей.

Закономерности овладения суперсегментными явлениями речи позволяют определить приоритетные линии формирования того или иного механизма на разных возрастных этапах. Ребенок способен уже в 3 года менять интонацию в зависимости от предмета речи. Выявлено, что развития интонации не наблюдается, если ребенок механически повторяет слова за родителем; это сказывается на чтении стихотворений. Хезитация иногда сопровождается словами «*вот*», «*эм*» и др. Громкость характерна для речи детей; стесняясь, они говорят тише. Радуюсь или переживая, начинают говорить громко.

Гендерный анализ показал, что речь девочек, особенно из третьей группы, отличается большей чёткостью дикции и паузации, чем у мальчиков.

Итак, анализ языкового материала подтверждает положение о том, что алгоритм усвоения фонетических явлений строится от простого к сложному, объединяя общее с индивидуальным.

ЛИТЕРАТУРА

1. Беляева М. Ю. Фонетика: учебное пособие для студентов бакалавриата, обучающихся по направлению 44.03.01 Педагогическое образование (профиль подготовки — Филологическое образование) очной формы обучения / М. Ю. Беляева. — Краснодар: Экоинвест, 2019. — 108 с.
2. Быстрой Е. Б. Формирование фонетических навыков дошкольников / Е. Б. Быстрой // Вестник ЮУрГГПУ. — 2016. — № 2. — С. 16–21. — Режим доступа: URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/formirovanie-foneticheskikh-navykov-doshkolnikov> (дата обращения: 18.02.2023).
3. Власова Е. А. Создание устного учебного корпуса русского как иностранного: первые результаты и перспективы / Е. А. Власова, Ю. В. Бец, Е. В. Каллистратидис // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики / Тематический выпуск. Прикладная лингвистика современные ракурсы и перспективы. — 2022. — № 2. — С. 118–130. — Режим доступа: URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/cozdanie-ustnogo-uchebnogo-korpusa-russkogo-kak-inostrannogo-pervye-rezultaty-i-perspektivy> (дата обращения: 18.02.2023).
4. Гридина, Т. А. Онтолингвистика (язык в зеркале детской речи) / Т.А. Гридина. — М.: Флинта, 2013. — 188 с.
5. Филд Д. Психоллингвистика: Ключевые концепты. Энциклопедия терминов с английскими эквивалентами. Пер. с англ. / Д. Филд; общ. ред. И. В. Журавлева. — М.: Изд-во ЛКИ, 2012. — 344 с.
6. Харченко, В. К. Словарь современного детского языка / В. К. Харченко. — М.: Астрель : АСТ : Транзиткнига, 2005. — 637 с.
7. Царева М. А. Психоллингвистические особенности речи дошкольников и младших школьников / М. А. Царева, Е. В. Головина // Известия ВГПУ. Филологические науки. — 2021, №3 (156). — С. 100–105. — Режим доступа: URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/psiholingvisticheskie-osobennosti-rechi-doshkolnikov-i-mladshih-shkolnikov> (дата обращения: 18.02.2023).
8. Цейтлин, С. Н. Детские речевые инновации: опыт анализа / С. Н. Цейтлин // Исследования по языкознанию: сб. статей к 70-летию А. В. Бондарко. — СПб. Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2001. — С. 329–336.

Поступила в редакцию 08.05.2023 г.

A. V. Ovseychik

FEATURES OF SEGMENT AND SUPER -SEGMENT PHONETIC UNITS IN CHILDREN'S SPEECH

The article reveals the features of functioning of the segment and super-segment (prosodic) phonetic units of children speech' different age groups. The problems of the ratio of production and perception of speech in the ontogenesis are affected. As a result of the experiment ("Sounding anthology") in four age groups with a range of 1 year to 7 years, general features and individual phonetic features were found. Phonetic processes in speech (assimilation, dissimilation and processes that occur on their basis), characteristic of the speech of most informants, have been identified. Characteristics of some prosodic units (timbre, pace, logical stress) are given. The relevance and pragmatic value of the work is seen in the fact that the tasks and content of the upbringing of the sound culture of children are different at different age stages and are due to the characteristics of the phonetic side of the language and speech, enclosed in segmental and super-segment units.

Key words: *phonetics, segment and super-segment (prosodic) units of speech, ontogenesis.*

Овсейчик Анастасия Владимировна.

Кубанский государственный университет, филиал в г. Славянске-на-Кубани, г. Славянске-на-Кубани, РФ.

Студент.

E-mail: nastya.iosifovna@mail.ru

Ovseychik Anastasia Vladimirovna.

Kuban State University, branch in Slavyansk-on-Kuban, Slavyansk-on-Kuban, RF.

Student.

E-mail: nastya.iosifovna@mail.ru

Беляева Марина Юрьевна.

Доктор филологических наук, профессор.

Belyaeva Marina Yurievna.

Doctor of Philology, Professor.

Кубанский государственный университет, филиал
в г. Славянске-на-Кубани, г. Славянске-на-Кубани,
РФ.
Профессор кафедры русской и зарубежной
филологии.
E-mail: nastyia.iosifovna@mail.ru

Kuban State University, branch in Slavyansk-on-
Kuban, Slavyansk-on-Kuban, RF.
Professor of the Department of Russian and Foreign
Philology.
E-mail: nastyia.iosifovna@mail.ru

УДК 81' 282. 39'392.3

М. В. Рассахатская, Е. О. Степаненко
Волгоградский государственный университет
(Научн. рук. — канд. филол. наук, доц. Н. А. Стародубцева)

ОТРАЖЕНИЕ ТИПОВЫХ СИТУАЦИЙ СЕМЕЙНЫХ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ В РЕЧИ ДИАЛЕКТОНОСИТЕЛЕЙ¹

В статье рассмотрены лексические средства выражения семейных взаимоотношений в речи донских казаков и украинских переселенцев. Выделены микроситуации в рамках типовых ситуаций взаимодействия и взаимосвязи, показаны основные семантические модели с глагольными предикатами, отображающие признаки названных ситуаций в лексико-семантических вариантах наполнения; выявлены элементы этнокультурной информации, заключенной в значениях языковых единиц и характеризующей фрагмент лексики диалектоносителей.

Ключевые слова: донские говоры, этнолингвистика, речь диалектоносителей, лексика.

Категория отношения издавна привлекает внимание ученых разных наук. В трудах Аристотеля впервые ясно раскрыта суть понятия через значение соотнесенности: «нечто есть то, что оно есть» лишь «в связи с другим или находясь в каком-то ином отношении к другому» [3, II, с. 66]. Впоследствии наметилось два направления исследований данной проблемы: 1) идеалистическое, в котором отношение рассматривалось как нечто субъективное, то есть существующее в мышлении и определяющееся им; здесь основное внимание сосредоточено на субъекте (вещи); 2) материалистическое, признающее отношение как объективно существующее, то есть существующее в вещах, независимо от человека [9; 10]. С философской точки зрения возможно совмещение обеих позиций, когда данное понятие рассматривается как взаимозависимость элементов определенной системы [17, с. 470].

Отсутствие единого толкования свидетельствует о том, что отношение представляет собой сложный феномен. Причина этому кроется в том, что человек не видит себя вне окружающей его действительности, где все предметы и явления вступают в отношения друг с другом, и устанавливает с ними связь параллельно тому, как они взаимодействуют между собой. При этом «любой объект действительности можно представить как средоточие многообразных отношений, как совокупность разноликих относительных признаков» [6, с. 13], проецируемых в плоскость языка. Применительно к лексическому уровню системы, считает Р.М. Гайсина, «отношения объективной действительности, находя свое отражение в лексическом значении слов, получают статус особого семантического компонента — лексической релятивной семы» [6, с. 29, 170]. В этом случае особую роль играет процессуальный признак,

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-28-01215, <https://rscf.ru/project/23-28-01215/>

выраженный глагольными предикатами; их семантическое наполнение не только отражает обозначаемое, но и позволяет смоделировать ситуацию, указать на ее характерные признаки [5].

Исследованию глагольных предикатов посвящен ряд работ, в которых предприняты попытки раскрыть особенности реализации категории отношения в различных сферах общения на материале русского, белорусского, английского и др. языков [2; 4; 5; 6; 8; и др.]. В данной статье мы обратились к изучению средств выражения семантики взаимоотношений в речи диалектоносителей Волгоградской области, анализу подверглись записи устной речи сельских жителей в пунктах смешанного проживания донских казаков и украинских переселенцев. Собранный во время диалектологических экспедиций в селах и хуторах Волгоградской области материал характеризуется лингвистической пестротой и этноязыковой неоднородностью. Объектом изучения в нашем исследовании является лексика тематической группы (ТГ) «Семейные взаимоотношения». Предметом анализа выступает выражение внутрисемейных взаимоотношений, субъекты которых состоят в родственных отношениях по наличию общих предков или вступлению в брак.

Тематическая область (в другой терминологии — денотативная сфера [16]) «Семья. Семейные отношения», куда входит ТГ «Семейные взаимоотношения», требует дефиниции содержания понятия «семья» как одного из регуляторов отношений между людьми. По определению В.В. Абраменковой, «семья представляет собой соответствующую исторически сложившимся нормам и ценностям данного общества социальную группу, объединенную формируемой в совместной деятельности совокупностью отношений: супругов между собой, родителей к детям и детей к родителям, а также детей между собой, проявляющихся в любви, привязанностях, заботе, интимности» [1, с. 125].

Анализ массива фактов показывает, что семантика ТГ реализуется в типовых ситуациях взаимодействия и взаимосвязи. При этом ситуация понимается как «совокупность обстоятельств, положение, обстановка» [12, с. 991]. Целью данного исследования является характеристика типовых ситуаций, выражающих семейные взаимоотношения, а также лексических вариантов их реализации, зафиксированных в рассказах информантов.

Известно, что функционально-семантическое поле отношения с идентифицирующим компонентом 'быть в каком-либо отношении' включает языковые единицы разных подполей [5, с. 79; 6, с. 16; и др.]. Параметры взаимоотношения выступают в значениях замены, замещения, возмещения, соглашения, связи (социального, межличностного, речевого и др. порядка) и т. д. Широта семантического и смыслового содержания глагольных единиц в совокупности с их контекстуальными признаками и свойствами дает возможность Н.А. Тупиковой и Н.А. Стародубцевой выделить отдельную группу предикатных единиц с категориально-лексической семой взаимоотношения: 'осуществление взаимодействия / взаимосвязи между субъектом и объектом, пребывание субъекта во взаимодействии / взаимной связи с кем-, чем-л.', определить интегральные и дифференциальные признаки (семы) в указанных ситуациях [7]. Названные типовые ситуации частотны при использовании языковых единиц ТГ «Семейные взаимоотношения».

Семантика **взаимодействия** в речи диалектоносителей может быть охарактеризована через ряд моделей в их лексическом наполнении: 'кто-л. проявляет любовь к кому-л.', 'кто-л. заботится о ком-л.', 'кто-л. обнаруживает привязанность к кому-л.', 'кто-л. относится к кому-л. с уважением, почтением', 'кто-л. прививает какие-л. навыки, правила поведения кому-л.', 'кто-л. наставляет кого-л., дает советы кому-л.', 'кто-л. не предоставляет самостоятельности кому-л.', 'кто-л. велит кому-л. что-л.

делать' и т. д. Субъект и объект, как правило, выражены в контекстах личными местоимениями и существительными, обозначающими людей по наличию общих предков, отношению к браку, ставших родственниками в результате вступления в брак (*жена, мать, невестка, свекровь, сестра* и др.), предикаты же чаще всего — это глаголы различных лексико-семантических групп (ЛСГ).

В частности, микроситуация принуждения 'кто-л. велит кому-л. что-л. делать' может базироваться на использовании синонимичных лексем *командовать* и *распоряжаться* (здесь и далее текст не транскрибируется): *Потом бабушка рассказывала, как они четыре снохи у печки одной, и свекровь, вот, свекровь распоряжается, что кому делать... У него была эта жена из другого села. Ну, а когда взяли, она тоже тут у печки, там свекруха, свекруха всем командовала тогда* (Д.В. Иванова). Такое употребление подчеркивает правила общения свекрови и невестки, свойственное для традиционных семей, где выстраивались особые отношения между поколениями. Высказывание может содержать описание семей — подчиненное положение детей, например, в случае взаимодействия дочери и матери: *От, а тогда, тогда, что мать сказала, чтоб в десять часов была дома, — без разговоров. А тебе мать сказала: «Гони поросят!» — без разговоров* (М.Т. Авилова). Типовая ситуация взаимодействия указывает на двунаправленность действий с помощью микроситуаций 'кто-л. велит кому-л. что-л. делать' и 'кто-л. беспрекословно исполняет указания кого-л.'. Глагол со значением речевого общения *сказать* и экспрессивный народно-разговорный фразеологизм *без разговоров* в значении «без возражений, не высказывая недовольства» выступают стержневым средством выражения иерархических семейных связей.

Один и тот же глагол может участвовать в моделировании разных микроситуаций, а кроме того, совмещать в своей смысловой структуре признаки разных лексико-семантических парадигм. Например: *Они мне приказали после свадьбы, что вот в этот двор, в этот, в этот — три двора, ты не должна ходить, ты православная, а там живут старoverы* (Е.А. Лащенко); *Ну, приказывали, когда молодым, приказывали: «Живите, живите!»* (З.М. Рогожина). В первом случае глагол речевого воздействия *приказывать* употребляется в значениях, зафиксированных литературным языком («велеть») и диалектом («попросить о чем-л.») [13, IV, с. 439] в микроситуации 'кто-л. велит кому-л. что-л. делать'. Во втором — языковая единица употребляется как диалектизм в микроситуации 'кто-л. наставляет кого-л., дает советы кому-л.' и обозначает как речевое воздействие, так и речевое сообщение «советовать, рекомендовать что-л.; давать советы нравоучительного характера (обычно родители жениха или невесты)» [14, XXXI, с. 235–236]. Оба примера свидетельствуют о сложной смысловой структуре глагола в контекстах, что используется для описания традиции, сложившейся в семьях донских казаков при взаимодействии супругов между собой, с родственниками, соседями.

В массиве фактов зафиксировано выражение микроситуации 'кто-л. находится в состоянии вражды, размолвки с кем-л.', касающейся преимущественно взаимоотношений между супругами в браке. При этом в речи донских казаков и украинских переселенцев наблюдается сходное употребление лексики со значением речевого общения, в частности, различающиеся экспрессией синонимы *ссориться* и *ругаться*: *А холодно уже, был ноябрь. И потом я выхожу во двор, не помню зачем, меня мама послала, и, значит, они ссорятся.... потом я уже узнала, что это моя свякровка Татьяна и Фая* (Е.А. Лащенко); *Молодец, говорю, никогда меня ни трогал, ни ругались мы, никогда. Всё было хорошо, а теперь вот осталась одна* (П.А. Сучкова). Отмечена разговорная лексема *разругаться*: *И мы разругались с мужиком, и яво отослали на двадцать или тридцать километров в лес* (Н.И. Пономарева) и др. В

высказываниях украиноговорящих при выражении речевого общения в данной микроситуации можно наблюдать ситуативную семантизацию информантом-потомком переселенцев, родившимся в российском регионе, стилистически нейтрального украинизма *лаятися* («ругаться, браниться» [15, с. 375]) на основе подбора описательного литературного оборота: *Ну, если **ссора** яка-нибудь **произождэ**, или **лаються**, то обязательно она [мать] по-своему, а вин [отец] по-своему* (В.Д. Магомедова). В словарях донских диалектов отмечено существительное *лайка* — «брань» [11, с. 275], [13, III, с. 259], которое не встречается в нашем материале.

Типовая ситуация **взаимосвязи** реализуется в двух основных микроситуациях — утраты и установления, которые могут быть описаны с помощью моделей: ‘кто-л. вступает с кем-л. в супружеские отношения’, ‘кто-л. принимает как родных кого-л.’, ‘кто-л. пребывает в постоянном общении с кем-л.’, ‘кто-л. утрачивает связь с кем-л.’, ‘кто-л. устанавливает связь с кем-л.’ и др. Субъект и объект в них также выражаются с помощью личных местоимений и существительных, обозначающих людей по наличию общих предков, отношению к браку, ставших родственниками в результате вступления в брак, а предикаты — глаголами различных ЛСГ.

Наиболее распространены в нашем материале микроситуации со значениями ‘кто-л. устанавливает связь с кем-л.’ и ‘кто-л. утрачивает связь с кем-л.’, отражающие взаимосвязь в семье взрослых между собой, взрослых и детей. Средством моделирования ситуаций выступают, прежде всего, глаголы *сходиться* (*сойтись*) — *расходиться* (*разойтись*), которые эксплицируют взаимоотношения супругов. Это характерно для семей как донских казаков, так и украинцев. В ряде случаев можно говорить о совмещении значений направленного действия и согласованного взаимодействия при установлении / утрате семейных уз: *Мы с ним быстро **разошлись*** (А.Н. Додонова); *Ну, уж я с мужьями все, они уж по́бóмерли, и мы **разошлись**, всё, я с матерей жила* (М.Д. Баранова); *Ну, мы как-то **сошлись** просто, вот, расписались и всё* (С.А. Чисница); и др. Средством выражения являются общепотребительные глаголы *идти* — *прийти, перейти, отойти* и др., диалектные *прийти* и *перейти* («прийти на жительство в дом мужа / жены после женитьбы» [14, вып. XXXI, с. 233]) в контекстах, отражающих изменение социального статуса до или после замужества. Данная традиция прослеживается как в казачьих, так и в украинских семьях: *Во-первых, я **пришла** в семью староверов. Я об них в то время не знала, что есть они на земле* (Е.А. Лащенко); *... Чужа девочка **пришла**, а я своего сына знаю и знаю его недостатки и яки у него успехи* (В.Д. Магомедова).

Микроситуация в модели ‘кто-л. устанавливает связь с кем-л.’ также выражается при использовании глаголов ЛСГ взаимосвязи, речевого общения и сообщения, согласованных действий и др. Например: *Щас мы **знаемся**, всё, но не знаю, всё равно какие-то* (С.А. Чисница).

Обозначение утраты взаимосвязи нередко сопровождается описанием причины разрыва. В частности, в микроситуации ‘кто-л. утрачивает связь с кем-л.’ смысловое содержание конкретизируется дифференциальной семой ‘по какой-л. причине’. Например, информант рассказывает о том, что потеряла естественную связь с родной матерью в результате давления со стороны мачехи: *Ну, а я с мачехой жила, отец с мачехой был, а она **не хотела, чтобы я переписывалась, ничё с матерью**...* (С.А. Чисница).

Установление взаимосвязи реализуется в модели ‘кто-л. принимает как родных кого-л.’ при характеристике семейных взаимоотношений, проявившихся в результате повторного вступления в брак. В традиционных казачьих и украинских семьях тот из супругов, кто приходил в семью, был обязан принять детей от первого брака: *Ну, сошлись просто и все, у меня ребенок же был, дочка старшая у меня — не его дочка.*

Он её так сразу **удочерил**, все эта, как бы, так это (С.А. Чисница). В нашем материале подобная ситуация нередко выражается разговорным глаголом выбора *взять*, означающим в речи диалектоносителей ситуации принятия: *Одну привез с Сиротина. Она поглядела, говорить, я самая младшая: «Вот ее **возьму**, а этих сдай в детдом». Да. Он говорит: «Нет, я своих детей никуда не отдам». А эта мачеха. И брат умер у нас после мамы с голоду. И трое мы остались. И вот мачеха нас троих и **взяла*** (А.И. Чекина).

Обобщая сказанное, можно отметить, что реализация семантики ТГ «Семейные взаимоотношения» отражается в речи диалектоносителей Волгоградской области в типовых ситуациях взаимодействия и взаимосвязи. Первая, широко представленная в проанализированном материале, находит свое выражение в целом спектре микроситуаций, таких как любовь, забота, воспитание, подчинение, привязанность и др., которые выступают в моделях с глагольными предикатами разных ЛСГ ('кто-л. проявляет любовь к кому-л.', 'кто-л. заботится о ком-л.', 'кто-л. обнаруживает привязанность к кому-л.' и др.). Вторая типовая ситуация обнаруживается в двух микроситуациях — утраты и установления, реализующихся в моделях, где предикат, однако, также отличается многообразием значений, что компенсирует в речи названную ограниченность ('кто-л. вступает с кем-л. в супружеские отношения', 'кто-л. принимает в семью кого-л.', 'кто-л. пребывает в постоянном общении с кем-л.', 'кто-л. утрачивает связь с кем-л.', 'кто-л. устанавливает связь с кем-л.' и др.). Субъект и объект моделируемых ситуаций обозначают представителей семей, связанных наличием общих предков, отношением брака либо чаще всего словами-заместителями — местоимениями. Этнокультурная информация, заключенная в семантико-смысловой составляющей контекстов, обуславливает специфику данного фрагмента лексикона диалектоносителей.

ЛИТЕРАТУРА

1. Абраменкова В.В. Семья в истории, культуре, современности / В.В. Абраменкова // Традиции и новации: где искать человека? : материалы регионального (епархиального) этапа XXIV международных рождественских образовательных чтений: «Традиция и новация: культура, общество, личность» (Волгоград — Урюпинск — Михайловка, 5–6 ноября 2015 г.). — Волгоград: ПринТерра-Дизайн, 2016. — С. 125–144.
2. Акимова Т. П. Коммуникативно-прагматические особенности глаголов межличностных отношения: дис. канд. филол. наук : 10.02.01 — русский язык / Акимова Татьяна Петровна. — Волгоград, 2003. — 272 с.
3. Аристотель. Сочинения в четырех томах. Т 2 / ред.: З.Н. Микеладзе. — М.: Мысль, 1978. — 687 с.
4. Бекбулатова Г.Р. Глаголы межличностных отношений в языке спортивного репортажа / Г.Р. Бекбулатова // Казанская наука. — 2022. — № 12. — С. 42–44.
5. Васильев Л.М. Актуальные вопросы общего и типологического языкознания / Л.М. Васильев. — Уфа: РИЦ БашГУ, 2015. — 149 с.
6. Гайсина Р.М. Лексико-семантическое поле глаголов отношения в современном русском языке / Р.М. Гайсина. — Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1981. — 195 с.
7. Тупикова Н.А. Отражение ситуаций взаимодействия и взаимосвязи в речи диалектоносителей / Н.А. Тупикова, Н.А. Стародубцева // Лексический атлас русских народных говоров: Материалы и исследования. — 2019. — № 13. — С. 810–820.
8. Тюттешева Е.В. Эмотивные глаголы и глаголы межличностных отношений алтайского и хакасского языков в сравнении с другими тюркскими языками / Е.В. Тюттешева, О.Ю. Шагдурова // Сибирский филологический журнал. — 2019. — № 3. — С. 180–193.
9. Уемов И.А. Вещи, свойства, отношения / А.И. Уемов. — М.: Книга по Требованию, 2013. — 184 с.
10. Harman G. Quentin Meillassoux: Philosophy in the Making / G. Harman. — Edinburgh: Edinburgh University Press, 2011. — 256 p.

СЛОВАРИ

11. Большой толковый словарь донского казачества: ок. 18 000 слов и устойчивых сочетаний / Рост. гос. ун-т; редкол.: В. И. Дегтярев [и др.]. — М.: Рус. слов. : Астрель : АСТ, 2003. — 604 с.
12. Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражения / С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова. — 4-е изд., доп. — М.: ООО «А ТЕМП», 2006. — 944 с.
13. Словарь донских говоров Волгоградской области / авт.-сост.: Е.В. Брысина, Р.И. Кудряшова, В.И. Супрун; под ред. проф. Р.И. Кудряшовой. — Вып. 1–6. — Волгоград: Изд-во ВГИПК РО, 2006–2009.
14. Словарь русских народных говоров / гл. ред. Ф.П. Сороколетов, ред.: О.Д. Кузнецов. — СПб.: Наука, 1997. — Вып. 31. Почетно–Присуть. — 433 с.
15. Олейник И.С. Русско-украинский, украинско-русский словарь / И.С. Олейник, Д.И. Ганич. — К.: А.С.К., 1998. — 560 с.
16. Толковый словарь русских глаголов: Идеографическое описание. Английские эквиваленты. Синонимы. Антонимы / под ред. проф. Л.Г. Бабенко. — М.: АСТ-ПРЕСС, 1999. — С. 12–22.
17. Философский энциклопедический словарь / гл. ред.: Л.Ф. Ильичев, П.Н. Федосеев, С.М. Ковалев, В.Г. Панов. — М.: Советская энциклопедия, 1983. — 840 с.

Поступила в редакцию 18.05.2023 г.

M. V. Rassakhatskaya, E. O. Stepanenko

**REFLECTION OF TYPICAL SITUATIONS OF FAMILY RELATIONSHIPS
IN THE SPEECH OF DIALECT SPEAKERS**

The article examines the lexical means of expressing family relationships in the speech of the Don Cossacks and Ukrainian immigrants. Microsituations within the framework of typical situations of interaction and interrelation are highlighted, the main semantic models with verbal predicates are shown, displaying the signs of these situations in lexico-semantic variants of filling; elements of ethno-cultural information contained in the meanings of linguistic units and characterizing a fragment of the lexicon of dialect carriers are revealed.

Key words: *Don dialects, ethnolinguistics, speech of dialect speakers, vocabulary*

Рассахатская Майя Викторовна.

Волгоградский государственный университет,
г. Волгоград, РФ.

Ассистент кафедры русской филологии и
журналистики.

E-mail: m.datsckaya@yandex.ru

Rassakhatskaya Maya Viktorovna.

Volgograd State University, Volgograd, RF.

Assistant Professor of the Department of Russian
Philology and Journalism.

E-mail: m.datsckaya@yandex.ru

Степаненко Екатерина Олеговна.

Волгоградский государственный университет,
г. Волгоград, РФ.

Студент.

E-mail: FLb-201_265635@volsu.ru

Stepanenko Ekaterina Olegovna.

Volgograd State University, Volgograd, RF.

Student.

E-mail: FLb-201_265635@volsu.ru

Стародубцева Наталья Анатольевна.

Кандидат филологических наук, доцент.

Волгоградский государственный университет,
г. Волгоград, РФ.

Доцент кафедры русской филологии и
журналистики.

E-mail: na_starodubceva@volsu.ru

Starodubtseva Natalia Anatolyevna.

Candidate of Philological Sciences, Associate
Professor.

Volgograd State University, Volgograd, RF.

Associate Professor of the Department of Russian
Philology and Journalism.

E-mail: na_starodubceva@volsu.ru

ПРАВИЛА ОФОРМЛЕНИЯ МАТЕРИАЛОВ

1. Для публикации в журнале «Новые горизонты русистики» принимаются оригинальные научные работы, содержащие результаты исследований, относящиеся к отрасли наук 5.9. Филология:

5.9.1 Русская литература и литература народов Российской Федерации;

5.9.5 Русский язык. Языки народов России;

2. Статьи, представленные для публикации в других журналах, к рассмотрению не принимаются. Решение о публикации принимается редакционной коллегией журнала после рецензирования, с учётом научной значимости и актуальности представленных материалов. Рукописи, не соответствующие редакционным требованиям, и статьи, не соответствующие тематике журнала, к рассмотрению не принимаются. В случае отклонения статьи редакция направляет авторам либо рецензии или выдержки из них, либо аргументированное письмо редактора. Редколлегия не вступает в дискуссию с авторами отклонённых статей, за исключением случаев явного недоразумения. Рукописи авторам не возвращаются. Статья, задержанная на срок более трех месяцев или требующая повторной переработки, рассматривается как вновь поступившая. Редакция оставляет за собой право проводить редакционную правку рукописей. Корректурa статей авторам не высылается. Статья присылается в виде прикрепленного файла электронного письма в формате * doc и * rtf, названных по фамилии автора, например: ivanov.doc. и ivanov.rtf.

Статья отправляется на электронный адрес редакции (donrus452@yandex.ru) и дублирует на адреса terkulov@rambler.ru и Nata.gladkaya25@yandex.ru.

Отдельным файлом прикладывается сканированная или сфотографированная с высоким разрешением подписанная заявка на публикацию следующего содержания:

Я, Ф. И. О., должность (статус — студент, магистрант, аспирант), место работы, прошу редколлегию научного журнала «Новые горизонты русистики» принять к рассмотрению мою статью (название), а также даю согласие уполномоченным должностным лицам редакционной коллегии журнала «Новые горизонты русистики», зарегистрированного по адресу: 283001, г. Донецк, ул. Университетская, 24, 1 корпус, филологический факультет (ауд. 451, 452)., на обработку моих персональных данных.

3. Внимание! Обязательные требования к оформлению статей:

- текст печатается в текстовом процессоре MS Word;
- объём статьи — от 6 до 12 страниц;
- формат страницы — А 4;
- страницы не нумеруются;
- поля: сверху и внизу — 2,5 см, слева — 3 см, справа — 2 см.
- основной шрифт: Times New Roman, размер 12, стиль нормальный;
- абзацный отступ — 1 см;
- межстрочный интервал — 1;
- первая строка — индекс УДК в верхнем левом углу страницы (без абзацного отступа и начертания);
- вторая строка — инициалы (перед фамилией) и фамилия автора печатаются с выравниванием по правому краю полужирным курсивом: *М. Н. Иванова*;
- третья строка — название учебного заведения (*выравнивание по правому краю, курсив*);

- четвертая строка — сведения о научном руководителе — печатается с выравниванием по правому краю курсивом в круглых скобках — (*Научн. рук. — д-р филол. наук, проф. В. И. Теркулов/канд. филол. наук Н. В. Гладкая*);
- пятая (и при необходимости 6, 7 и т. д.) строка — название статьи — печатается большими буквами жирным шрифтом с выравниванием по центру;
- через строчку — аннотация на русском языке (10 кегль) объемом до 500 печатных знаков (с пробелами), которая должна кратко отражать цели и задачи проведенного исследования, а также его основные результаты. Ключевые слова (3–5 слов, курсивом).
- текст набирается без переносов (выравнивание по ширине).
- в тексте допускаются выделения курсивом, жирным шрифтом, разрядкой (но не подчеркиванием);
- для названий произведений используются «угловые» кавычки: «Война и мир»;
- цитирование, прямая речь и т. д. оформляются угловыми кавычками вида «...»; при необходимости использовать кавычки внутри цитаты, внешними должны быть «угловые» кавычки: «...,...“...»;
- необходимо правильно употреблять тире (—) и дефис (-); различие заключается в размере и наличии пробелов перед и после тире: Жуковский — поэт-романтик; первый знак — пунктуационный, второй — орфографический;
- если стихотворные тексты печатаются как включение в текст, то стихи разделяются наклонной чертой, а строфы — двумя наклонными чертами: Ты этого хотел. — Так. — Аллилуйя. / Я руку, бьющую меня, целую. // В грудь, оттолкнувшую — к груди тяну, / Чтоб, удивясь, прослушал тишину. (М. Цветаева. Пригвождена...); если стихи воспроизводятся с соблюдением строфического оформления, то необходимо использовать следующие параметры: размер шрифта — 12, межстрочный интервал одинарный, абзацный отступ — 4 см:

*В нем пунша и войны кипит всегдашний жар,
На Марсовых полях он грозный был воитель.
Друзьям он верный друг, красавицам мучитель,
И всюду он гусар.*

(А. Пушкин. К портрету Каверина)

ЛИТЕРАТУРА (10 кегль без абзацного отступа, полужирное начертание, выравнивается по центру). Список литературы оформляется как нумерованный в алфавитном порядке; публикации, принадлежащие одному и тому же автору, располагаются в соответствии со временем их опубликования. Выравнивание по ширине. Описание производится на языке оригинала в соответствии с ГОСТ 7.1-2003 «Библиографическая запись. Библиографическое описание» и ГОСТ 7.05-2008 «Библиографическая ссылка». Ссылка на источник дается в квадратных скобках издания: [15, с. 12]; при необходимости указать том издания, его вписывают римскими цифрами после номера: [7, VII, с. 35–36] Ссылки допускаются только на опубликованные работы. Необходимо включение в список как можно больше свежих первоисточников по исследуемому вопросу (не более чем трех-четырёхлетней давности). Не следует ограничиваться цитированием работ, принадлежащих только одному коллективу авторов или исследовательской группе. Желательны ссылки на современные зарубежные публикации.

Образцы оформления литературы:

1. Андреева С.В. Речевые единицы устной русской речи: система, зоны употребления, функции / С.В. Андреева // Изд. 2. — Саратов: КомКнига, 2006. — 192 с.
2. Попова З. Д. Когнитивная лингвистика / З.Д. Попова, И.А. Стернин. — М.: Восток — Запад, 2007. — 314 с.
3. Влавацкая М.В. Учение о синтагматических связях слов в историческом рассмотрении / М.В. Влавацкая // Филологические науки. Вопросы теории и практики, 2009, № 1. — С. 36–42.
4. Комаров, Г.В. Национально-культурная специфика новой лексики английского языка : автореф. дис. ... канд. филолог, наук: 10.02.19 — теория языка / Комаров Георгий Владимирович — Краснодар, 2007. — 24 с.
5. Берн Э. Игры, в которые играют люди (психология человеческих взаимоотношений) / Э. Берн. — Режим доступа: <http://www.lib.ru/PHINO/BERN>

После списка литературы курсивом (10 кегль, выравнивание по левой стороне) делается запись:

Поступила в редакцию xx.xx.20xx г.

Далее приводятся:

- инициалы и фамилия автора (авторов) (полужирный курсив — выравнивание по правому краю) **на английском языке;**
- название статьи (полужирный шрифт — выравнивание по центру) **на английском языке;**
- текст аннотации **на английском языке** (10 кегль);
- ключевые слова **на английском языке** (курсив).

В конце статьи обязательно параллельно в таблице на русском и английском языках указываются (10 кегль, выравнивание по ширине, без абзацного отступа) следующие сведения об авторах и научных руководителях (для каждого автора — отдельная строка):

- Фамилия, имя, отчество полностью (полужирный);
- Ученая степень и звание (если есть) (без выделения).
- Полное название организации — места работы или учёбы каждого автора, город, страна (без выделения).
- Должность или статус (студент, магистрант, аспирант) (без выделения).
- Адрес электронной почты.

В конце каждой строки ставится точка.

В отдельном файле и на отдельном листе подаются **фамилия и инициалы автора**, а также **название статьи на русском и английском языках**. При этом **фамилия и инициалы автора** набираются через неразрывный пробел и с разреженным межбуквенным интервалом (3 пт) (название файла «(Фамилия автора)_для_оглавления»), например, «Петров_для_оглавления»).

Образец

Гладкая Н. В. Прецедентные высказывания как характерная особенность креолизованных текстов в интернет-коммуникации

Gladkaya N. V. The precedent statements as a main characteristic of creolized texts in internet communication

Студенты, магистранты, аспиранты и соискатели вместе со статьёй подают рецензию научного руководителя.

Авторы научных статей несут персональную ответственность за наличие элементов плагиата в текстах статей, в т. ч. за полноту и достоверность изложенных фактов и положений

Плата за публикацию статей с авторов не взимается

Ответственный редактор: Теркулов Вячеслав Исаевич, д-р филол. наук, профессор, заведующий кафедрой русского языка Донецкого государственного университета (e-mail: terkulov@rambler.ru).

Ответственный секретарь: Гладкая Наталия Витальевна, канд. филол. наук, доцент кафедры русского языка Донецкого государственного университета (e-mail: Nata.gladkaya25@yandex.ru).

Образец оформления статьи

УДК 81'42

М. А. Капиносова

*Донецкий государственный университет
(Научн. рук. — канд. филол. наук Н. В. Гладкая)*

ПРЕЦЕДЕНТНЫЕ ВЫСКАЗЫВАНИЯ КАК ХАРАКТЕРНАЯ ОСОБЕННОСТЬ КРЕОЛИЗОВАННЫХ ТЕКСТОВ В ИНТЕРНЕТ-КОММУНИКАЦИИ

В статье рассматриваются основные функции и наиболее распространенные механизмы создания креолизованного текста в сфере интернет-коммуникации, а также его воздействие на адресата и влияние логоэпистемных единиц прецедентных феноменов на представителей различных лингвокультур. Актуальность темы обусловлена необходимостью создания системы базовых моделей формирования креолизованных текстов для более полного изучения типов связей (автосемантических и синсемантических) между вербальными и невербальными компонентами, что позволит глубже проникнуть в природу комического эффекта и определить степень влияния на реципиентов. В ходе исследования были определены роль и значение визуальной информации в интернет-коммуникации.

Ключевые слова: прецедентное высказывание, интернет-коммуникация, пресуппозиция, фрейм-сценарий, прагматический потенциал

Текст, текст, текст...

ЛИТЕРАТУРА

1. Анисимова Е. Е. О целостности и связности креолизованного текста. К постановке проблемы / Е. Е. Анисимова // Филологические науки. — М., 1996. - № 5. — С. 74-85.
2.

Поступила в редакцию xx.xx.20xx г.

М. А. Капиносова

THE PRECEDENT STATEMENTS AS A MAIN CHARACTERISTIC OF CREOLIZED TEXTS IN INTERNET COMMUNICATION

This article discusses the key features and the most common mechanisms of creating creolized text in the Internet communication, its impact on the recipient and the impact of logoepistems units precedent phenomena on members of a linguistic culture. The topic relevance due to the need to establish a system of basic models of

formation creolized texts to better study the types of connections between verbal and nonverbal components that allow a deeper insight into the nature of the comic effect and determine the degree of impact on the recipients. It was identified the role and importance of visual information in the Internet communication.

Key words: *precedent statement, Internet communication, presupposition, frame script, pragmatic potential*

Капиносова Мария Александровна.

Донецкий государственный университет, г. Донецк, РФ.

Магистрант.

E-mail: mkapinosova@yandex.com

Kapinosova Maria Alexandrovna.

Donetsk State University, Donetsk, RF.

Undegraduat.

E-mail: mkapinosova@yandex.com

Гладкая Наталия Витальевна.

Кандидат филологических наук.

Донецкий государственный университет, г. Донецк, РФ.

Доцент кафедры русского языка.

E-mail: Nata.gladkaya25@yandex.ru

Gladkaya Nataliia Vitaliivna.

Candidate of Philology.

Donetsk State University, Donetsk, RF.

Associate Professor of the Department of Russian Language.

E-mail: Nata.gladkaya25@yandex.ru

Научное издание

Новые горизонты русистики

Научный журнал

2023. — № 1 (19)

На русском языке

Технические редакторы: В. А. Рязанова, А. С. Бурляй

Подписано в печать 01.06.2023
Формат 60x84/8. Бумага офсетная.
Печать — цифровая. Условн. печ. л. 8,7.
Тираж 100 экз. Заказ № _____

Издательство Федеральное государственное бюджетное образовательное
учреждение высшего образования «Донецкий государственный университет»
283001, г. Донецк, ул. Университетская, 24.
Тел.: (062) 302-92-27.

Свидетельство о внесении субъекта издательской деятельности
в Государственный реестр
серия ДК № 1854 от 24.06.2004 г